

Вестник
Московского
университета

ISSN 2074–6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 22

теория перевода

1 / 2017

Содержание

Общая теория перевода

- Кафискина О.В.* Стратегия перевода как термин переводоведения 4
Юе Жуйин. Интерпретативная теория перевода в китайской науке
о переводе20

Методология перевода

- Груздев Д.Ю., Груздева Л.К., Аванесова Т.П.* Перевод на родной
язык с электронным корпусом текстов33
Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н. Трудности при переводе оценочных
суффиксов (на материале произведений М.А. Булгакова)52
Лаврентьева Е.К. Перевод слоганов имиджевой рекламы с англий-
ского языка на русский.64
Торсуков Е.Г., Галичев А.И. Особенности перевода листовок и про-
грамм устного вещания74
Хромова И.А., Токарева Г.В. Стратегии перевода «чужого» (на мате-
риале переводов А.Н. Островского интермедий Сервантеса)85
Peter A. Schmitt. Перевод, технология, культура: о междисциплинар-
ной природе технического перевода / Translation, Technology,
Culture — Remarks on intercultural aspects of technical translation96

Перевод и языковая политика

- Марусенко М.А.* BREXIT и эволюция европейской системы языков . . 118

Лингвистические и культурологические аспекты перевода и межъязыковой коммуникации

- Алевич А.В.* Разум и чувства как равнодействующие сопоставитель-
ного изучения языков135
Борисова Л.В., Иванова А.М. Кластер «дикорастущие растения» в язы-
ковой картине мира (русско-чувашские параллели)144

<i>Дун Юнчунь.</i> Знаковые обозначения как способ выражения в интернет-общении	155
<i>Жантурина Б.Н.</i> Конструкции двойного синтаксиса в практике поэтического перевода	165
<i>Вопросы терминологии</i>	
<i>Балканов И.В.</i> Военная лексика и её отражение в военных переводных словарях (на материале военных двуязычных словарей XX века)	177
<i>Хроника научной жизни</i>	
<i>Костикова О.И., Алевич А.В.</i> Первый международный форум «Русский язык в мировом контексте и международных организациях» . .	185

Contents

General Translation Theory

<i>Kafiskina, O.V.</i> Translation Strategy as a Term of Translation Studies	4
<i>Yue Ruiying.</i> The Interpretive Theory of Translation in Chinese Translation Studies	20

Methodology of Translation

<i>Gruzdev, D.Y., Gruzdeva, L.K., Avanesova, T.P.</i> Translating into Native Language with Corpora	33
<i>Yesakova, M.N., Koltsova, Yu.N.</i> Evaluation Suffixes in Mikhail Bulgakov's Works: Translation Difficulties	52
<i>Lavrentyeva, Ye.S.</i> Translating Image-based Advertising Slogans from English into Russian	64
<i>Torsukov Ye.G., Galichev, A.I.</i> Special Techniques in Translation of Leaflets and Radio Broadcasting Programs	74
<i>Khromova, I.A., Tokareva, G.V.</i> Foreignization Translation Strategies: Translations of Miguel de Cervantes' Interludes by Aleksandr Ostrovsky	85
<i>Schmitt, P.A.</i> Translation, Technology, Culture: Remarks on Intercultural Aspects of Technical Translation.	96

Translation and Language Policies

<i>Marusenko, M.A.</i> BREXIT and Evolution of the European Language System	118
---	-----

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

<i>Alevich, A.V.</i> Reason and Emotions as Constituents of Comparative Language Studies	134
<i>Borisova, L.V., Ivanova, A.M.</i> The "Wild Plants" Cluster in the Linguistic World Image: Russian and Chuvash Parallels	144
<i>Dong Yngchun.</i> Symbols as a Way of Expression in Online Communication	155
<i>Zhanturina, B.N.</i> Double Syntax Constructions under Poetic Translation Practice	165

Terminology Issues

<i>Balkanov, I.V.</i> Military Lexis in Military Dictionaries: A Case Study of Bilingual Military Dictionaries of the 20 th Century	177
--	-----

Chronicles of Scientific Life

<i>Kostikova, O.I., Alevich, A.V.</i> The 1 st International Forum "The Russian Language in the World Context and at International Organizations"	185
--	-----

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

О.В. Кафискина, аспирант Московского педагогического государственного университета; e-mail: olga-wut@mail.ru

СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА КАК ТЕРМИН ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

В данной статье определяется содержание понятия «стратегия перевода», кратко описывается её основные компоненты и обозначают основные принципы, которыми должен руководствоваться переводчик, выбирая стратегию перевода. Проанализировав соответствующую литературу, автор приходит к выводу, что понятие стратегии перевода является и многокомпонентным с «ядром» и «периферией», и определяют его как некое целенаправленное когнитивное поведение переводчика, направленное на решение определённой коммуникативной задачи. В качестве основных компонентов стратегии перевода выступают определённый набор методик, техник и приёмов перевода, необходимых для достижения репрезентативности перевода.

Ключевые слова: стратегия перевода, качество перевода, письменный перевод, этапы письменного перевода, модели перевода, предпереводческий анализ.

Olga V. Kafiskina, Postgraduate Student at Moscow State University of Education, Russia; e-mail: olga-wut@mail.ru

TRANSLATION STRATEGY AS A TERM OF TRANSLATION STUDIES

The article focuses on defining the notion of strategy of translation, describes its major components and defines major principles for the translator to use when choosing a specific translation strategy. The author concludes that “translation strategy” is a complex multi-agent notion that has its “core” and “periphery”. Translation strategy is viewed as a kind of purposeful and meaningful cognitive translator’s behavior, aiming mainly at a definite communicative target. Certain methods, techniques and approaches to translation are believed to be an essential strategy of translation components required to achieve good translation quality.

Key words: translation strategy, translation quality, translation stages, models of translation, pre-translation text analysis.

На современном этапе понятие стратегия перевода стратегии разрабатывается такими теоретиками и практиками перевода, как М. Ледерер и Д. Селескович, С. Басснет-Макгайр, Х. Кригс, Ю. Хольц-Мянттяри. Но приходится признать, что теоретические обоснования понятия переводческой стратегии довольно размыты, большинство исследователей в области переводоведения сходятся во мнении, что термин «стратегия перевода» относится к числу наи-

более многозначных [Сдобников, 2011; Комиссаров, 1990; Алексева, 2004]. Более того, ряд учёных отказывается от использования термина «стратегия перевода» [Миньяр-Белоручев, 1996; Витренко, 2008], объясняя это тем, что термин недостаточно определён, он обозначает не научное, а обыденное понятие, вследствие чего не удовлетворяет требованиям терминологичности.

Однако мы считаем, что понятие стратегии перевода играет одну из ключевых ролей в теории и практике перевода. Во-первых, определение стратегии перевода необходимо на этапе обучения переводу, это позволяет структурировать теоретические знания о переводе, коррелировать их с практическими навыками и планировать процесс перевода. Во-вторых, на наш взгляд, выбранная стратегия перевода влияет на качество перевода, так как именно на этапе анализа текста оригинала, планирования будущей переводческой деятельности переводчик во многом определяет качество будущего текста перевода.

В данной статье мы попытаемся определить содержание понятия «стратегия перевода», определить место стратегии перевода в терминосистеме переводоведения, выделить и кратко описать основные компоненты, составляющие содержание переводческой стратегии, наметить основные принципы, которыми должен руководствоваться переводчик при выборе стратегии перевода.

Примечательно, что во многих научных справочниках такого крупного авторитетного отечественного издательства как РАН ИНИОН нет определения понятию «стратегия перевода»¹. Равно как и Толковый переводоведческий словарь Л.Л. Нелюбина не приводит определение «стратегии перевода». Такая неоднозначная ситуация с определением содержания понятия стратегии перевода говорит о том, что этот вопрос переводоведения необходимо тщательно исследовать.

Для чёткого определения содержания понятия «стратегия перевода» нам необходимо проанализировать происхождение и формирование специального значения слова «стратегия», предлагаемое словарями русского языка и энциклопедическими словарями².

¹ См.: Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания. Отв. редактор Раренко М.Б. М., 2010. 260 с. (Сер. Теория и история языкознания); Художественный перевод: Терминологический словарь-справочник / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания, отд. литературоведения. Отв. ред. и сост. Раренко М.Б., М., 2014. 379 с. (Сер. Теория и история языкознания).

² Отметим, что нас интересует содержание понятия «стратегия перевода» как переводческого термина; дефиниции, предлагаемые словарями русского языка и энциклопедиями дают представление о слове «стратегия» не в качестве термина, но дают представление об эволюции термина «стратегия перевода».

Слово «стратегия» в русском языке ассоциируется, прежде всего, с военным делом. Действительно, практически все словари русского языка и энциклопедии в качестве первого, т.е. основного, определения стратегии предлагают определение военного термина «стратегия». Новый Энциклопедический Словарь приводит определение только военной стратегии: «...Область военного искусства. Охватывает вопросы теории и практики подготовки страны и вооружённых сил к войне, её планирование и ведение, закономерности войны» [Новый энциклопедический словарь, 2004: 1166]. Например, словарь С.И. Ожегова даёт следующую дефиницию: «Стратегия — 1. Наука о ведении войны, искусство ведения войны. Теория военной стратегии. 2. Общий план ведения войны, боевых операций. Победоносная с.» [Ожегов, 1990: 770]. Параллельно существует переносное значение слова «стратегия»: «перен. Искусство руководства общественной, политической борьбой, а также вообще искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах» [там же: 770]. Так как процесс перевода предполагает определённую деятельность, в рамках деятельностного подхода применительно к процессу перевода представляется вполне возможным воспользоваться переносным (не военной терминологией) значением слова «стратегия». Поскольку определения слова «стратегия» объединяет указание на наличие семы планирования, подготовки чего-либо, мы можем сделать предварительный вывод о том, что суть стратегии заключается в планировании будущей деятельности, её подготовка применительно к определённым условиям и в соответствии с определённой целью. Тот факт, что определение «стратегии перевода» отсутствует в Толковом переводоведческом словаре Л.Л. Нелюбина, ещё больше запутывает ситуацию.

Необходимо отметить, что следует различать понятие *стратегия перевода и алгоритм переводческих действий*. Обратимся за определением происхождения термина «алгоритм» к Большому энциклопедическому словарю: «алгоритм, алгорифм (от *algorithmi, algorismus*), способ (программа) решения вычислительных и других задач, точно предписывающий, какие процедуры необходимо выполнить и в какой последовательности, чтобы получить результат, однозначно определяемый исходными данными. Алгоритм — одно из основных понятий математики и кибернетики. В вычислительной технике для описания алгоритма используются языки программирования» [БЭС 1991: 71]. Как мы видим, понятие алгоритма скорее применимо к точным наукам, что позволяет нам применять его в отношении перевода весьма условно. В отличие от алгоритма стратегия перевода предполагает не жёсткую последовательность переводческих действий, а гибкое варьирование мето-

дов и техник перевода в пределах выбранных ориентиров и «генеральной линии» перевода, которая, в свою очередь, определяется множественными факторами, влияющими на репрезентативность перевода³: верность передачи фактической стороны оригинала, цели создания текста, тона и стилистических особенностей оригинала, авторское отношение к тексту. В каждом случае набор значимых факторов и их роль будут различными; соответственно, и «траектория» движения переводчика будет в каждом случае уникальной. Кроме выбора генерального направления, стратегия перевода предполагает поэтапность, а также постоянную сверку своих действий относительно ориентиров, корректировку и модификацию своих переводческих действий.

Наш предварительный вывод подтверждается мнением многих учёных (В.Н. Комиссаров, 1990; И.С. Алексеева, 2004; Т.А. Войнич, 2009, В.В.Сдобников, 2011) о том, что суть стратегии сводится к планированию своей деятельности переводчиком.

Так, А.Д. Швейцер определяет стратегию перевода как выработку программы переводческих действий и претворение этой программы в жизнь, а именно совершение рациональных операций, выражающихся в выборе буквального, вольного, дословного, точного видов перевода [Швейцер, 1988: 24].

Н.К. Гарбовский под стратегией перевода понимает определённую генеральную линию поведения переводчика, стратегия преобразования им исходного текста в виде «деформации» последнего, когда решается вопрос о том, чем жертвовать [Гарбовский, 2004: 508].

Так, В.В. Сдобников отмечает, что формирование стратегии перевода на основе общего подхода переводчика к осуществлению переводческой деятельности не исключает, а, скорее, предполагает наличие у переводчика определённой программы, плана деятельности. Это определяется наличием в стратегии перевода такого компонента, как планирование. По сути, формируемый переводчиком общий подход к осуществлению своей деятельности есть результат соотнесения всех компонентов стратегии перевода, которых В.В. Сдобников выделяет четыре. Для раскрытия содержания понятия «стратегия перевода» автор успешно экстраполирует психолингвистическую модель деятельности общения (по А.А. Леонтьеву) на деятельность вообще (включая переводческую), которая

³ Понятие «репрезентативность перевода» было изначально предложено В.Н. Комиссаровым в работе «Слово о переводе», но не получило дальнейшего развития; впоследствии понятие «репрезентативность перевода» было разработано С.В. Тюленевым и определяется как способность перевода репрезентировать, замещать собой оригинал в культуре ПЯ. На наш взгляд, понятие репрезентативности перевода наиболее полно раскрывает проблему оценки качества перевода.

будет включать следующие основные этапы: ориентировка в ситуации, формирование мотива, формирование цели деятельности, планирование деятельности, осуществление деятельности [Леонтьев, 1997: 143–144]. Автор приходит к выводу, что «по своему содержанию все этапы деятельности, за исключением последнего, соотносимы с понятием стратегии деятельности вообще, и, соответственно, применимы по отношению к деятельности переводчика», таким образом, выделяются четыре составляющих процесса формирования стратегии перевода:

- 1) ориентирование в ситуации,
- 2) определение цели деятельности,
- 3) прогнозирование,
- 4) планирование [Сдобников 2011: 167].

В.В. Сдобников выводит следующее определение стратегии перевода — это программа осуществления переводческой деятельности, формирующаяся на основе общего подхода переводчика к выполнению перевода в условиях определённой коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации.

Отметим, что в лингвистике и переводоведении уже предпринимались попытки связать стратегию перевода с целью коммуникации. В частности, мнение В.В. Сдобникова коррелирует с выводами К.Е. Калинина, который, говоря о коммуникативных стратегиях в англоязычном политическом дискурсе, на основе анализа дефиниций понятия «стратегия» делает вывод, что стратегия представляет собой некий общий план, в котором фигурирует конечная цель, а также определён перечень задач, последовательное решение которых должно вести к достижению этой цели [Калинин, 2009: 17].

Ю. Хольц-Мянттари подчёркивает, что смысл переводческих действий в рамках выбранной стратегии перевода сводится к тому, чтобы создать для других людей во имя определённых целей определённый продукт, название которого можно перевести как «дизайнерский продукт». По мнению автора, для создания «дизайна текста» переводчику необходим следующий набор действий:

- уточнить свои представления о продукте и о потребности в нём,
- составить план действий,
- создать текст,
- держать этот процесс под контролем,
- искать средства перевода,
- аргументировать свои решения,

– постоянно адаптировать свои действия [Holz-Manttari, 1964: 306–332].

В своей работе «Практикум по художественному переводу» Т.А. Казакова определяет переводческую стратегию как «систему взаимодействий когнитивно-эмоциональных факторов понимания и переводческой установки, направленных на решение практических задач по созданию художественного подобия оригиналу на другом языке» [Казакова, 2002: 18]. Автор говорит о воздействии на переводчика художественных произведений двух видов информации — объективной (существующей в независимости от частного истолкования) и субъективной (психологически зависимой). Это положение отчасти коррелирует с положениями транслатологии; например, И.С. Алексеева выделяет в художественном типе текста когнитивную и эмоциональную информацию, которые тем не менее подчинены эстетической функции воздействия [Алексеева, 2004: 313].

Примечательно, что Т.А. Казакова рассматривает художественный перевод как решение поставленных задач, анализируя которые, переводчик будет пользоваться либо набором определённых «эвристик» (правил или действий, ценность и целесообразность которых определяется эмпирическим путем, в процессе перевода), или «алгоритмов» (обязательного правила или устойчивой системы приёмов, гарантирующих однозначное решение). Это положение нам видится весьма продуктивным, так как набор определённых правил — «эвристик» в рамках определённой стратегии будет варьироваться и зависеть от поставленных задач перевода, которые, в свою очередь, могут видоизменяться в зависимости от характера переводимого текста. Говоря о переводе художественной литературы, к таким задачам можно отнести передачу временной отнесенности текста, передача черт литературного направления, передача индивидуального стиля автора [Алексеева, 2004: 316].

В данной статье мы рассматриваем содержание понятия стратегия перевода по отношению к письменному переводу, но мы не можем не признать ценности выводов М. Ледерера на материале синхронного перевода, которые демонстрируют универсальность действий переводчика. М. Ледерер выделяет 8 операций, которые он наблюдает в работе переводчика-синхрониста:

1. Восприятие устной речи.
2. Понимание услышанного.
3. Интегрирование понятных единиц смысла в предыдущие значения, извлеченные из текста оригинала.
4. Формирование высказывания на ПЯ на базе когнитивной памяти.

5. Восстановление элементов высказывания на основе ИЯ с использованием прямых соответствий.

6. Восстановление элементов высказывания на основе вербальной памяти.

7. Слуховой контроль переводчика за собственной речью.

8. Осознание окружающей обстановки.

Из перечисленных восьми операций в письменном переводе в виде определённых модификаций присутствуют все, кроме седьмой [Lederer, 1981: 141].

Так, Г. Хениг и П. Куссмауль в учебном пособии «Стратегия перевода» рассматривают понятие стратегии с *практической* точки зрения: «Чтобы достичь этой цели, нам необходима стратегия перевода, которая покажет оптимальный путь решения переводческих проблем. Как и любая стратегия, переводческая стратегия должна опираться на факты. В этом отношении она сопоставима со стратегией игрока в шахматы, где игрок должен ориентироваться в фазе развития игры на время, которым он располагает, и на стратегию противника. То, как он последовательно осуществляет выбранную им стратегию, показывает размещение им шахматных фигур, а это становится понятным лишь для профессионалов. Таким образом, дилетант или начинающий в данной области нуждается в комментарии эксперта, если он хочет распознать лежащую в основе игры стратегию» [Hönig, Kussmaul, 1986: 53].

Попытку осмыслить стратегию перевода с *теоретических позиций* одним из первых предпринял Х. Крингс. Согласно предложенной им дефиниции, «переводческая стратегия»⁴ — это «потенциально осознанный план переводчика, направленный на решение конкретной переводческой проблемы в рамках конкретной переводческой задачи» [Krings, 1980: 18]. Х. Крингс различает две категории анализа переводческой деятельности: микростратегию — способы решения ряда переводческих задач, и макростратегию — способы решения одной задачи.

В пособии по дидактике перевода представитель немецкой школы перевода Ульрих Кауц выводит следующее определение стратегии перевода: «Под *стратегией* немецкая школа перевода понимает «целенаправленное когнитивное поведение» (zielorientiertes kognitives Verhalten) и более или менее осознанный план решения конкретных переводческих проблем. [Kautz, 2002: 66]. Такое определение стратегии перевода нам представляется весьма продуктивным, так как в широком смысле стратегия перевода пред-

⁴ Автор использует термин «переводческие стратегии» во множественном числе, но мы полагаем, что этот термин можно воспринять как гипероним, «стратегия перевода» вообще.

ставляется нам именно целенаправленным когнитивным поведением переводчика.

В.Н. Комиссаров в книге «Теория перевода» отмечает, что «конкретная стратегия переводчика и технические приёмы, применяемые им в процессе перевода, во многом зависят от соотношения иностранного языка и языка перевода и характера решаемой переводческой задачи. В основе переводческой стратегии лежит ряд принципиальных установок, из которых сознательно или бессознательно исходит переводчик. Они кажутся самоочевидными, хотя по-разному реализуются в конкретных условиях переводческого акта» [Комиссаров, 1990: 179]. Автор определяет стратегию как «своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика» [там же: 356], и выделяет пять групп принципов осуществления процесса перевода, составляющие основу переводческой стратегии. Предлагаемые учёным принципы включают всю совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов: некоторые исходные установки; выбор общего направления действий, которым переводчик будет руководствоваться, принимая конкретные решения; выбор характера и последовательности действий в процессе перевода:

1. Прежде всего, предполагается, что «непосредственно процессу перевода предшествует осмысление текста оригинала [...] что в процессе перевода понимание оригинала всегда предшествует его переводу не только в качестве двух последовательных этапов, но и как обязательное условие осуществления переводческого процесса».

2. Второй принцип, во многом определяющий стратегию перевода, формулируется В.Н. Комиссаровым как требование «переводить смысл, а не букву». Здесь, как мы видим, намечается известная дихотомия в отношении стратегии перевода, а именно перевод буквальный-вольный. В.Н. Комиссаров отмечает, что слепо копировать форму оригинала недопустимо, однако, это правило не должно распространяться на необходимость воспроизведения структуры исходного текста [там же: 191]. Правильная интерпретация значения языковых единиц в контексте, по мнению автора, является залогом качественного перевода.

3. Третий принцип переводческой стратегии сводится к тому, что переводчик, стремясь как можно более полно передать содержание оригинала, в полотно оригинального текста должен уметь выделять наиболее важные, релевантные для перевода элементы смысла и быть готов к переводческим потерям и приёмам компенсации соответственно.

4. Четвёртый принцип стратегии перевода сводится к тому, «что значение целого важнее значения отдельных частей, то есть пере-

водчик может и должен пожертвовать отдельными деталями для правильной передачи целого». Предполагается, что все изменения, вносимые переводчиком, не снижают точности перевода, а наоборот способствуют передачи смысла сообщения в целом.

5. Пятый принцип стратегии перевода гласит, что текст перевода должен полностью соответствовать нормам, переводчик должен всеми силами избегать так называемого «переводящего языка», появляющегося в переводах под давлением иноязычных форм [там же: 213].

Целый ряд переводоведов видят перевод как череду этапов (А.Д. Швейцер, 1973; В.Н. Комиссаров, 1990; И.С. Алексеева, 2004; С.В. Тюленев, 2004; Н.К. Гарбовский, 2004 и др.). Например, Ж. Делиль выделяет три этапа (каждый разбит на несколько стадий) перевода: понимание, перевыражение и подтверждающий анализ [Delisle, 1984]. Н.Н. Гавриленко в статье, посвящённой анализу интегративной модели перевода отмечает, что «в интегративной модели обучения в соответствии с *деятельностным* подходом переводческая компетентность формируется в процессе выполнения профессиональных задач. Изучение деятельности переводчика позволило определить её основные этапы (подготовка к переводу, понимание и интерпретация иноязычного текста, создание понятого текста на языке перевода, коррекция переведённого текста), а также определить профессиональные переводческие задачи каждого из них» [Гавриленко, 2009].

Отечественный лингвист, переводовед И.С. Алексеева, взяв за основу классификацию Х. Кригса, разрабатывает своё видение состава и содержания действий переводчика в рамках выбранной стратегии перевода, которое представляется нам максимально наполненным, оптимальным. Автор определяет стратегию перевода как «порядок и суть действий переводчика при переводе конкретного текста» [Алексеева, 2004: 321]. При этом автор подчёркивает существенное различие между «переводческой стратегией» и «переводческими действиями», автор видит переводческие действия как совокупность всех возможных действий в отношении перевода, а переводческую стратегию как «осознанно выбранный переводчиком алгоритм этих действий» [там же: 322].

И.С. Алексеева подразделяет переводческую стратегию на три основных этапа: предпереводческий анализ текста, аналитический вариативный поиск, анализ результатов перевода [там же: 324–335].

1. Предпереводческий анализ текста — обязательный подготовительный этап перевода, в котором заложено несколько операций / переводческих действий, позволяющих увидеть текст «по-перевод-

чески», в своём структурно-смысловом единстве. Так, необходимый анализ текста включает в себя:

– сбор внешних сведений о тексте: время создания и публикации текста, его глобальный источник. Знание этих факторов сразу поможет переводчику определить меру (не)допустимого в переводе. Определение глобальными источниками места, которое в нём занимает данный текст, даст представление о типологических свойствах текста. Сведения об авторе в определённых случаях помогут определить идиостиль автора. Учёт пожеланий заказчика также относится к сбору внешних сведений, так как заказчик может потребовать не просто перевод, а реферативный, стилевую адаптацию, любую другую обработку текста.

– определение источника и реципиента: очень важно определить, кем текст создан и для кого, знание о том, является ли текст авторским или это коллективный, групповой труд поможет переводчику взять правильные ориентиры в переводе. Не менее важно понимать, для какой аудитории текст написан — для детей, для всего взрослого населения страны, для узких специалистов в определённой области и т.д.; от этого зависит выбор языковых средств для оформления перевода.

– определение состава информации и её плотности: поскольку вид информации является определяющим для типа текста и имеет свои средства языкового оформления, определение состава информации и её плотности представляется чрезвычайно важным для выбора переводческих действий и их последовательности. И.С. Алексеева выделяет четыре типа информации в тексте: когнитивная (объективные сведения о внешнем мире), оперативная (призыв, побуждение к действию), эмоциональная (средства описания эмоций и чувств), эстетическая (по сути, подвид эмоциональной информации, но рассматривается автором отдельно, так как нацелена на передачу прекрасного). Автор утверждает, что выявление разных типов информации в тексте оригинала (с обязательным выделением одного доминантного типа информации) даёт переводчику своеобразный ключ к переводу и возможность передачи каждого типа информации соответствующими языковыми средствами языка.

– определение коммуникативного задания текста: коммуникативное задание текста может быть самым различным — сообщить новые сведения, научить, объяснить, убедить в своей правоте, наладить контакт и т.д. Определение коммуникативного задания помогает определить переводчику доминанты перевода.

– определение речевого жанра: определение типа текста даст переводчику окончательное представление о том, как оформлен

текст на ИЯ и как он должен быть оформлен на ПЯ. Учёные разработали устойчивые типовые формы текстов, которые в большинстве своём не привязаны к конкретному языку, а являются универсальными. Например, речевой жанр интервью или научного доклада строится примерно одинаково в русском, английском, немецком и т.д. языках. Поэтому знание устойчивых характеристик типа текста позволит переводчику выбрать наиболее значимые, релевантные для перевода.

Таким образом, предпереводческий анализ текста позволяет выделить переводческие доминанты текста и, как следствие, обнаружить возможные переводческие трудности и спрогнозировать пути их решения.

2. Аналитический вариативный поиск — это второй этап переводческой стратегии, который логично следует за анализом текста. По сути процесс перевода это и есть поиск оптимальных переводческих решений, вариантов перевода. Можно сказать, что «аналитический вариативный поиск представляет собой некую цепочку проб и ошибок» [Королькова, 2014: 62], когда переводчик плавно двигается от структурной кальки текста оригинала к коммуникативно-функциональному варианту перевода, или наоборот, от «вольного», размытого варианта к варианту более узкого семантико-структурного значения или смысла. С. Королькова отмечает, что в ходе ППА переводчик должен разрешить определённое противоречие: подобрать вариант перевода таким образом, чтобы с одной стороны ИТ и ПТ должны быть максимально близки в семантико-структурном отношении (причём эта близость определяется рядом факторов, таких как тип текста, например), с другой стороны, компенсирующие отклонения между ИТ и ПТ не должны приводить к недопустимым семантико-структурным расхождениям. Здесь нужно учитывать, что переводчик не всегда может преодолеть расхождения культур, так как «эмоционально-оценочная реакция носителей ИЯ и ПЯ на одинаковую предметно-логическую информацию может не совпадать» из-за различных картин мира [там же: 64].

Этот этап переводческой стратегии представляет собой поиск оптимального варианта перевода, что было подготовлено предыдущим этапом — ППА, переводчик уже знает тип текста и его типологические характеристики, доминанты для перевода. Соответственно, круг поиска оптимального варианта перевода сужается и переводчику легче выбрать единицу перевода (величину непостоянную), тип и вид переводческого соответствия.

3. Анализ результатов перевода — это заключительный этап стратегии перевода. И.С. Алексеева отмечает, что, когда создание текста перевода закончено, необходимо сделать сверку текста в первую

очередь в формальном смысле (пропуск букв, опечатки и т.п.). Затем анализируется единство стиля, стилистические шероховатости и прочие недочёты, то есть происходит редакторская правка текста перевода.

На наш взгляд, в заключительный этап стратегии перевода должна входить оценка качества перевода. На сегодняшний день существует немало теорий и моделей переводческой деятельности, предлагающих в качестве центрального понятия, определяющего качество перевода различные термины: «эквивалентность» (В.Н. Комиссаров), «адекватность» (Швейцер), «полноценность» (Фёдоров), «полнота», «тождественность», «равноценность», «репрезентативность» (Тюленев) перевода. Очевидно, что одно из главных понятий науки о переводе — «качество перевода» — не может и не должно определяться разными терминами. Более того, при попытке разобраться в определениях, мы видим парадоксальную ситуацию, когда один термин определяется через другой, или заявляется об их полной синонимичности. На наш взгляд, теория репрезентативности, разработанная ведущим теоретиком и практиком перевода С.В. Тюленевым является оптимальной основой оценки качества перевода. С.В. Тюленев предлагает рассматривать репрезентативность как способность текста перевода репрезентировать текст оригинала средствами другого языка [Тюленев, 2001: 142]. Автор отмечает, что перевод должен рассматриваться и оцениваться как репрезентация оригинала, адресованная реципиенту; в этом смысле репрезентативность позволяет не требовать от перевода не всегда необходимой текстуальной полноты и сконцентрироваться на «процессе осуществления переводческой деятельности именно с точки зрения сохранения в окончательном тексте перевода важнейших черт оригинала, а ошибки оценивать из того, насколько они мешают достижению изначально поставленной оригиналом цели» [там же: 150]. Для оценки качества перевода⁵ автор предлагает опираться на критерии репрезентативности на макроуровне — уровне текста в целом, и микроуровне — уровне компонентов текста.

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Мы видим стратегию перевода как некий общий термин, **гипероним**, в силу своей неоднозначности имеющий **ядро и периферию** (включающую некоторые неотъемлемые компоненты содержания понятия «стратегия перевода»).

2. Неотъемлемым компонентом содержания понятия «стратегия перевода» является **планирование** (сопряжённое с понятием

⁵ Оценка качества перевода как самим переводчиком (самооценка на основе критериев репрезентативности), так и оценка критиками перевода.

последовательности, алгоритма, целенаправленного когнитивного поведения переводчика) действий перед началом работы над текстом.

3. **Этапность** — также обязательный компонент содержания понятия стратегия перевода. В рамках выбранной стратегии перевода действия переводчика будут соотноситься со следующими этапами:

1) предпереводческого анализа текста,
2) непосредственно процесса перевода (то есть аналитического вариативного поиска варианта перевода согласно критериям репрезентативности),

3) оценки качества перевода (самооценки качества перевода согласно критериям репрезентативности перевода и оценки качества критиками перевода).

4. Немаловажным компонентом стратегии перевода будет также являться набор **методик, техник и приёмов** перевода, необходимых для достижения репрезентативности перевода.

5. Ядром содержания понятия термина «стратегия перевода» будет являться **когнитивное поведение переводчика, направленное на решение определённой коммуникативной задачи** текста перевода.

Итак, проанализировав труды выдающихся отечественных и зарубежных переводоведов, посвящённые вопросу стратегии перевода, мы предлагаем следующее определение этого понятия: под **стратегией перевода** мы понимаем сложное многокомпонентное понятие, в центре которого — целенаправленное когнитивное поведение переводчика, направленное на решение коммуникативной задачи перевода; также в содержание понятия стратегия перевода входят такие неотъемлемые компоненты, как определённый набор методов, техник и приёмов перевода, необходимых для достижения репрезентативности перевода.

В заключение необходимо отметить, что несмотря на то, что некоторые переводоведы отказывают понятию стратегия перевода в свойствах терминологичности (в силу некоторой размытости содержания этого понятия), нам видится это в корне неверным. В своём исследовании мы проанализировали содержание понятия стратегия перевода и обнаружили в нём ключевое свойство терминологичности: дефинитивность, что доказывает, тот факт, что стратегия перевода является полноправным термином переводоведения. Действительно, формирование понятия стратегии перевода как термина науки о переводе имеет долгую историю и содержание этого понятия довольно объёмное (со своим ядром и периферией), вместе с тем в ходе исследования мы убедились, что стратегия перевода занимает важное место в теории и практике перевода, так как выбор стратегии перевода (осознанный или неосознанный) во многом определяет качество выполненного перевода.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение: учеб. пособие для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. 352 с.
- Alekseeva, I.S.* Vvedenie v perevodovedenie: ucheb. posobie dlja filol. i lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij [Introduction to translation studies: tutorial for the students of philology and Linguistic faculties or higher educational institutions], I.S. Alekseeva. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moscow: Akademija, 2004. 352 p. (in Russian).
- Большой энциклопедический словарь / Ред. А.М. Прохоров: М.: Сов. энциклопедия, 1991 863 с.
- Bolshoj enziklopedichesky slovar [Encyclopedical dictionary], Prokhorov A.M., Moscow: Sov. enziklopediya, 1991. 863 s. (in Russian).
- Витренко Г.А.* О «стратегии перевода» // Вестник МГЛУ. 2008. Вып. 536: Сопоставительная лингвистика и вопросы перевода. С. 3–17.
- Vitrenko, G.A.* O «strategii perevoda» [On the translation strategy], A.G. Vitrenko, *Vestnik MGLU*. 2008. Vyp. 536: *Sopostvitel'naja lingvistika i voprosy perevoda*, pp. 3–17 (in Russian).
- Войнич И.В.* Стратегия перевода и «видимость»/«невидимость» переводчика // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 30 (168). Филология. Искусствоведение. Вып. 35. С. 56–63.
- Vojnich, I.V.* Strategija perevoda i «vidimost'»/«nevidimost'» perevodchika [Strategy of transfer and “visibility”, “invisibility” of the translator], I.V. Vojnich, *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. No. 30 (168). *Filologija. Iskusstvovedenie*. Vyp. 35, pp. 56–63. (in Russian).
- Гавриленко Н.Н.* Интегративная модель обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации // Вестник МГЛУ «Развивающее обучение в системе иноязычной подготовки: проблемы, инновации, перспективы». Серия «Педагогические науки». М.: Рема, 2009. Вып. 567. С. 156–164.
- Gavrilenko N.N.* Integrativnaja model' obuchenija perevodu v sferе professional'noj kommunikacii [Integrative model to teach translation in the field of professional communication], N.N. Gavrilenko, *Vestnik MGLU «Razvivajushhee obuchenie v sisteme inojazychnoj podgotovki: problemy, innovacii, perspektivy»*. Serija «Pedagogicheskie nauki». Moscow: Rema, 2009. Vyp. 567, pp. 156–164. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Московского университета, 2004. 544 с.
- Garbovsky, N.* Teorija perevoda [The Theory of Translation], Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004, 544 p. (in Russian).
- Казакова Т.А.* Художественный перевод. Теория и практика. М.: Инъязиздат, 2002. 554 с.
- Kazakova T.A.* Hudozhestvennyj perevod.teorija i praktika [Fiction Translation. Theory and Practice], T.A. Kazakova. Moscow: Injazizdat, 2002. 554 p. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

- Komissarov, V.N.* Teorija perevoda (lingvističeskie aspekty): Učeb. dlja in-tov i fak. inostr. jaz. [Theory of translation — linguistic aspects], Moscow: Vyssh. shk., 1990. 253 p. (in Russian).
- Korol'kova S. A.* Текстологическая модель обучения письменному переводу студентов языковых вузов: на материале французского языка: дис. ...канд. пед. наук: 13.00.02. Волгоград, 2006. 198 с.
- Korol'kova, S.A.* Tekstologičeskaja model' obučenija pis'mennomu perevodu studentov jazy-kovyh vuzov: na materiale francuzskogo jazyka [Textological model of written translation training of language HEIs students: on the French language material], candidate's thesis ped. nauk: 13.00.02, Korol'kova S.A. Volgograd., 2006. 198 p. (in Russian).
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. [Activity. Consciousness. Personality]. М.: Политиздат, 1967. 304 с.
- Leont'ev, A.N.* Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost', A.N. Leont'ev. Moscow: Politizdat, 1967. 304 p. (in Russian).
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 298 с.
- Min'jar-Beloruchev, R.K.* Teorija i metody perevoda [Theory and methods of translation], R.K. Min'jar-Beloruchev. Moscow: Moskovskij Licej, 1996. 298 p. (in Russian).
- Сдобников В.В.* Стратегия перевода: общее определение // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1 (13), С. 165–172.
- Sdobnikov, V.V.* Strategija perevoda: obshhee opredelenie [Translation strategy: basic definition], V.V. Sdobnikov, *Vestnik IGLU*. 2011. No. 1 (13), pp. 165–172 (in Russian).
- Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
- Tolkovyj perevodovedčeskij slovar' [Explanatory Dictionary of Translation Studies], L.L. Nelyubin. 3-e izd., pererab. Moscow: Flinta: Nauka, 2003. 320 p. (in Russian).
- Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.
- Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologičeskikh vyraženij [Dictionary of Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions], Ozhegov S.I., Shvedova N.J. 4 izd., dop. Moscow: A TEMP, 2006. 944 p. (in Russian).
- Тюленев С.В.* Теория перевода. М.: Гардарика, 2004. 336 с.
- Tjulenev, S.V.* Teorija perevoda [Translation Theory], S.V. Tjulenev. Moscow: Gardarika, 2004. 336 p. (in Russian).
- Фёдоров А.В.* Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высшая школа, 1971. 196 с.
- Feodorov, A.V.* Očerki obshhej i sopostavitel'noj stilistiki [Essays on Comparative Stylistics], Moscow: Vysshaja shkola, 1971, 196 p. (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Schweizer, A.D.* Perevod i lingvistika [Translation and linguistics], A.D. Shvejcer. Moscow: Voenizdat , 1973. 280 p. (in Russian).

- Bassnett-McGuire, S.* Translation Studies. S. Bassnett-McGuire Methuen, London and New York: Routledge, 1980.
- Delisle, J.* L'analyse du discours comme methode de traduction. J. Delisle. Ottawa : Editions de l'Université d'Ottawa, 1984. 282 p.
- Holz-Manttari, J.* Translatorisches Handeln. Theorie und Methode. J. Holz-Manttari. Helsinki: Suoma-Iainen Tiedeakatemia.1964.
- Hönig, H.G.* Strategie der Übersetzung: Ein Lehrund Arbeitsbuch. H.G. Hönig, P. Kußmaul. Tübingen: Narr, 1982.
- Kautz, U.* Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens. Goethe Institut. Kautz, U.: München: Iudicium. 2002. 643 p.
- Krings, H.P.* Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht. Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Franzosischlernern. H.P. Krings. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1986. 570 p.
- Lederer, M.* La traduction simultanée, expérience et théorie. M. Lederer. Paris: Lettres modernes, 1981. 454 p.

Юе Жуйин, аспирантка Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: alina_yueruiying@mail.ru

ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА В КИТАЙСКОЙ НАУКЕ О ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается развитие интерпретативной теории в Китае и её влияние на научные исследования и практическую переводческую деятельность в Китае и излагается авторская точка зрения на причины распространения в Китае интерпретативной теории перевода. Высказывается мнение о роли интерпретативной теории для формирования целостной системы научного знания об устном переводе в Китае.

Ключевые слова: интерпретативная теория перевода, устный перевод в Китае, теория устного перевода в Китае.

Yue Ruiying, Postgraduate student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: alina_yueruiying@mail.ru

THE INTERPRETIVE THEORY OF TRANSLATION IN CHINESE TRANSLATION STUDIES

The article discusses the development of the Interpretive Theory in China and its impact on scientific research and practical translation activities in China from Chinese researchers' perspective. It also describes the author's point of view about the causes of the spread of the Interpretive theory in China, as well as the establishment of a complete interpretation theory system in China.

Key words: Interpretive Theory of Translation, interpretation theory in China.

Интерпретативная теория перевода разработана представителями французской школы¹ устного перевода Д. Селескович и М. Ледерер на основе собственной многолетней практики устного перевода [高彬 / Гао Пинь, 2016: 33].

Интерпретативная теория перевода от своего рождения до сих пор оказывает большое влияние в сфере исследования и препода-

¹ Французская школа перевода полагает, что переводческая деятельность — это коммуникативный поступок. Задача переводчика состоит в передаче информации, а не в языковом переводе. Интерпретативная теория перевода подчёркивает, что переводчик должен передать смысл исходного сообщения. Д. Селескович объясняла, что переводчику необходимо понять коммуникативный смысл исходного текста посредством своих лингвистических и экстралингвистических знаний, превзойти языковые знаки, всемерно мобилизовать когнитивное дополнение и осуществить коммуникативные задачи [刘和平 / Лю Хэпин, 2011b: 46].

вания устного перевода. С начала 70-х до середины 80-х годов XX века она стала одной из ведущих теорий исследования устного перевода на Западе. В конце 70-х годов прошлого века китайские учёные внедряли интерпретативную теорию французской школы в китайскую науку о переводе, и это позволяло обогатить китайские теории устного перевода, а также предоставляло эмпирическую основу для теоретического исследования и преподавания устного перевода в Китае.

Китайские учёные внесли позитивный вклад в развитие интерпретативной теории в Китае.

Первым с интерпретативной теорией перевода познакомил китайских исследователей китайский учёный Сунь Хуйшуан² (孙慧双, 1938). В 1979 году он впервые перевёл на китайский язык и опубликовал докторскую диссертацию Д. Селескович на тему «Переводчик на международных конференциях, проблемы речи и коммуникация» (*“L’interprète dans les conférences internationales, problèmes de langage et de communication”*³), что привлекло внимание китайских исследователей к интерпретативной теории. В 1990 году Ван Цзяжун⁴ (汪家荣, 1938) и другие учёные перевели работу «Интерпретировать чтобы перевести» (*“Interpréter pour traduire”*⁵), написанную Д. Селескович и М. Ледерер [刘和平 / Лю Хэпин, 2011b: 25]. В 1992 году Сунь Хуйшуан опубликовал второе издание этой книги и назвал её «Общее введение в устный и письменный перевод» (кит. «口笔译概论» — «Коу-пи-и-гайлунь»), имеющее очень большое значение для преподавания и исследовательской работы в переводческих кругах Китая. В 1998 году учёный Сюй Дюнь⁶ (许钧, 1954) скомпилировал и издал работу «Современная теория перевода Франции» (кит. «当代法国翻译理论» — «Дантай-фагуо-фаньлилунь»), в которой в отдельной главе подробно разъяснял интерпретативную теорию с комментариями многих китайских учёных [刘和平 / Лю Хэпин, 2011a: 31]. В 2001 году Лю Хэпин перевела на китайский язык и опубликовала работу М. Ледерер «Перевод сегодня, интерпретативная модель» (*“La traduction aujourd’hui, le mo-*

² Сунь Хуйшуан (1938) — китайский писатель, переводчик, доцент Пекинского института иностранных языков.

³ *Seleskovitch, D. L’interprète dans les conférences internationales, problèmes de langage et de communication. Minard Lettres Modernes, Paris, 1968. 262 p.*

⁴ Ван Цзяжун (1938) — китайский писатель, литератор, переводчик.

⁵ *Seleskovitch, D., Lederer, M. Interpréter Pour Traduire. Didier Érudition, Paris, 1984. 312 p.*

⁶ Сюй Дюнь (1954) — один из знаменитых переводчиков Китая, писатель, профессор Чжэцзянского университета.

*dèle Interprétatif*⁷), что вызвало большой резонанс в переводческих кругах Китая.

Китайские учёные не только переводили главные работы представителей французской школы. Некоторые из них работали над докторскими диссертациями или повышали свою квалификацию в Высшей школе переводчиков Университета Парижа III — Новая Сорбонна (*École supérieure d'interprètes et de traducteurs (ESIT), Université Paris III — Sorbonne Nouvelle*). Они глубоко изучали интерпретативную теорию и на её основе расширили сферу своего научного исследования, выдвинув разные взгляды на реальную обстановку в Китае. Так, последователями “Парижской школы” в Китае являются Бао Ган (鲍刚, 1957–1999), Лю Хэпин (刘和平, 1955) и Цай Сяохун (蔡小红, 1951) [王斌华 / Ван Пиньхуа, 2013: 21].

Профессор Пекинского второго института иностранных языков Бао Ган, профессор Пекинского университета языка и культуры Лю Хэпин и профессор Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли Цай Сяохун 20 лет назад проходили обучение в Высшей школе переводчиков Университета Парижа III под руководством профессора Д. Селескович и М. Ледерер. В некотором смысле можно сказать, что они являются распространителями и продолжателями интерпретативной теории в Китае [刘和平 / Лю Хэпин, 2011b: 24]. Они создали исследовательскую группу, совместно изучали теории и преподавание устного перевода почти 10 лет.

У них разные направления исследования: Бао Ган разработал общую теорию устного перевода, Лю Хэпин в основном исследовала методику обучения устному переводу, Цай Сяохун обсудила переводческий процесс устного перевода с точки зрения психолингвистики и когнитивной психологии [ibid.: 134]. Они проанализировали деятельность устного переводчика с разных аспектов, в известной степени разъясняли закономерности устного перевода. Их работы представляют собой результат применения и развития интерпретативной теории в Китае [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2012: 9].

В 1998 году Бао Ган завершил свою работу под названием «Общее изложение теории устного перевода» (кит. «口译理论概述» — «Коуи-лилунь-гайшу»), являющуюся первой настоящей монографией по теории устного перевода в Китае [王斌华 / Ван Пиньхуа, 2013: 21]. В данной книге Бао Ган систематически анализировал процесс устного перевода на основе интерпретативной теории,

⁷ Lederer, M. La traduction aujourd'hui, le modèle Interprétatif. Hachette, Paris, 1994. 223 p.

с точки зрения психологии речи, теории информации и нейролингвистики исследовал практическую девербализацию (*déverbalisation/deverbalization*⁸), являющейся ядром интерпретативной теории. Данная работа включает в себя три основные главы: «Восприятие и понимание устного перевода», «Запоминание исходного языка и записи», «Двуязычный перевод и процесс устного перевода».

Кроме того, Бао Ган выдвинул концепцию «рабочая речь», обозначающую разговорную речь, отвечающую актуальным требованиям в работе устного перевода. Концепция «рабочая речь» служит речевой базой, от которой зависит работа устного перевода, отражает профессиональную компетенцию переводчика [鲍刚 / Бао Ган, 2011: 29]. Бао Ган разделил рабочую речь устного перевода на четыре вида дискурсивной структуры: повествовательный, ознакомительный, доказательный и ассоциативный, анализировал модели дискурса этих четырёх дискурсивных структур. По мнению Бао Ган, изучение дискурсивных структур имеет большую теоретическую значимость. Оно может углубить наше понимание различных дискурсивных структур, способствовать разнообразным работам по развитию устного перевода, особенно повышению компетентности рабочей речи устного перевода и обучению устному переводу [鲍刚 / Бао Ган, 2011: 30–41].

Бао Ган также исследовал качество и компетентность переводчиков, по их способности двуязычия разделил переводчиков на «составного» билингва и «сочинительного» билингва. Неврология уже подтвердила, что в сознании составного и сочинительного билингвов разные образы запоминания семантики речи. У составного билингва отмечается режим общего запоминания семантики двух языков, а у сочинительного билингва — отдельного [鲍刚 / Бао Ган, 2011: 48].

С момента начала изучения второго языка составной билингв уже создал в мозге две отдельные системы семантики, отдельные системы кодирования лингвистической и экстралингвистической информации. Эти системы могут быть переключены с одной на другую, но они имеют общий семантический код. Типичный со-

⁸ Термин «девербализация» (*déverbalisation/deverbalization*) в 1976 году был впервые использован и разъяснён Д. Селескович в статье «Перевод: от опыта к понятию» [Seleskovitch, D. Traduire: de l'expérience au concept, Etudes de Linguistique Appliquée 24, 1976/2011: 93]. На самом деле, в 1968 году Д. Селескович уже выдвинула эту концепцию в своей первой монографии — так называемой «Переводчик на международных конференциях, проблемы речи и коммуникация» [Seleskovitch, D. L'interprète dans les conférences internationales, problèmes de langage et de communication. Minard Lettres Modernes, Paris, 1968], только тогда термин «девербализация» ещё не был использован.

ставной билингв-переводчик, услышав сообщение на исходном языке, сразу попытается найти “соответствующую” семантическую единицу на языке перевода. Он не может определить, какие слова являются ключевыми, а какие принадлежат к менее значимым. Ему трудно осуществить девербализацию в ходе устного перевода. Такой переводчик делает упор главным образом на формы языка, а не обращает внимания на экстралингвистический смысл речи [鮑剛 / Бао Ган, 2011: 45].

Сочинительный билингв совсем по-другому действует во время устного перевода. Услышав сообщение на исходном языке (независимо от того, является ли исходный язык языком А или В⁹), сочинительный билингв сразу постарается совершить комплексное понимание лингвистической и экстралингвистической информации. При переводе он предпочитает использовать другую отдельную систему знаков для обработки информации, исходный язык мало на него влияет. Такой переводчик в большинстве случаев не обращает внимания на соответствие слов, так как при переводе он использует другую систему обработки семантической информации, он только выбирает смысл и главное содержание из исходного текста, забывая большинство слов исходного текста, не являющихся ключевыми. Причина заключается в том, что сочинительный билингв при кодировании информации и анализе грамматики применяет в основном отдельные системы обработки и семантического запоминания в условиях двуязычия, и также отдельные системы смыслового признака. У него две системы обработки информации, две базы памяти семантики. Он использует отдельную систему для обработки речевой информации [鮑剛 / Бао Ган, 2011: 46].

Проанализировав реальное положение компетентности двуязычия китайских переводчиков, Бао Ган отметил, что большинство китайских переводчиков ещё принадлежат к числу составных билингвов [ibid.: 47]. Сочинительные билингвы, часто встречающиеся в мире, в Китае относительно редки, особенно билингвы, владеющие языками, используемыми небольшим числом людей. Поэтому Бао Ган делает упор на обсуждение методов повышения компетенции языка В для составных билингвов.

⁹ В международной переводческой практике языком А считается язык, уровень владения которым обеспечивает переводчику полное понимание и выражение; язык В предполагает уровень владения, обеспечивающим понимание практически столь же полное, как и на языке А, и квалифицированное (приемлемое) выражение. Язык С предполагает приемлемое понимание текста, но недостаточно развитую компетенцию выражения по сравнению с языками А и В. Обычно мы можем считать, что язык А — родной язык, язык В — первый иностранный язык, язык С — второй иностранный язык [鮑剛 / Бао Ган, 2011: 15].

Стоит отметить, что Бао Ган [ibid.: 7–12] в первой китайской монографии по теории устного перевода предложил 10 методов исследования: метод постановки опыта, метод обобщения и умозрения, интроспективный метод, метод «чёрного ящика» (через внешнее проявление переводчика определить его внутренний механизм интеллектуальной обработки), метод полевого наблюдения, метод обследования, аналитический метод двуязычных звуковых данных, метод установления моделей устного перевода, экспериментальный метод и метод междисциплинарного исследования.

Бао Ган полагает, что исследовательская работа в сфере устного перевода в Китае началась относительно поздно по сравнению с западными странами. Китайские исследователи по переводоведению больше занимаются письменным переводом, результаты исследований в области устного перевода немногочисленны. В Китае до сих пор не существует систематизированной теории устного перевода.

Интерпретативная теория не столько предоставила готовый ответ для исследования устного перевода, сколько указала доступный, но не лёгкий путь для исследовательской работы в данной области. В процессе исследования устного перевода ещё много проблем, которые предстоит решить. Интерпретативная теория нуждается в дальнейшей популяризации и развитии, нуждается в реальном доказательстве с помощью многопрофильного исследования. Мы полагаем, что интерпретативная теория объясняет суть устного перевода, а наша дальнейшая работа — посредством научных методов показать, каким образом проявляется эта суть в разнообразных соответствующих областях устного перевода. Решение этого вопроса, несомненно, сможет способствовать более глубокому пониманию интерпретативной теории китайскими исследователями, а также лучшей реализации практики устного перевода и подготовки отечественных переводчиков [ibid.: 6–7].

Профессор Лю Хэпин не только стремилась распространить интерпретативную теорию в Китае, но и заимствовала основную мысль методической теории французской школы, расширила теоретические рамки и модель практики обучения устному переводу, учитывая китайскую действительность.

Французская школа перевода полагает, что перед началом обучения устному переводу учащиеся должны весьма квалифицированно владеть как минимум двумя языками, иначе нельзя начинать обучение. Обучение устному переводу должно сосредоточиться на развитии навыков перевода, все лингвистические (языковые) проблемы учащихся должны быть полностью решены до начала обучения устному переводу; надо проводить профессиональное обучение, а не

специализированное. Но профессор Лю Хэпин отметила, что обучение языкам и обучение навыкам перевода могут проходить одновременно, обучение навыкам — основное, обучение языку — дополнительное; следует сочетать профессиональное обучение со специализированным обучением; прежде чем полностью овладеть двуязычием, можно проводить обучение устному переводу.

Профессор Лю Хэпин систематически представляла основные взгляды, теоретические термины и методы обучения устному переводу, выдвинутые французской школой перевода. Её главный вклад состоит не только в систематическом ознакомлении китайских ученых с интерпретативной теорией, но и в создании стандартной номенклатуры терминов французской школы на китайском языке. Она является первым ученым, начавшим официально использовать слово «Ши-и сюэпай» (“释意学派”, т.е. интерпретативная теория) в Китае.

Работа профессора Лю Хэпин под названием «Навыки устного перевода: подход к обучению устному переводу» (кит. «口译技巧 — 思维科学与口译推理教学法» — «Коуи-дицзяо — сывэй-кэсюэ-юй-коуи-туэйли-цзяосюэфа») представляет собой монографию по методике обучения устному переводу и междисциплинарный результат теоретического исследования по переводоведению [刘和平 / Лю Хэпин, 2011a: 26].

Профессор Лю Хэпин на основании интерпретативной теории анализировала основные характеристики мышления при устном переводе, изучала внутреннюю закономерность мышления устного переводчика. Для совершенствования переводческих навыков она предложила систематизированную учебную программу и целый ряд методик обучения устному переводу, перенимая исследовательские результаты когнитивной психологии, психолингвистики, нейролингвистики, переводоведения и научные данные других дисциплин. Профессор Лю Хэпин разработала методики, позволяющие развивать у обучаемых способность к научному переводческому мышлению, стимулировать развитие и совершенствование навыков устного перевода.

В соответствии с реальной обстановкой Китая, профессор Лю Хэпин после проведения научно-исследовательских работ выдвинула следующие положения:

Во-первых, перевод между китайским и западными языками и перевод между двумя западными языками имеют различия, отличающиеся в запоминании, записи, культуре, числах и в других аспектах устного перевода. Это предполагает разработку особых методов исследования.

Во-вторых, по модели, предлагаемой интерпретативной теорией, нельзя обучать учащихся устному переводу, когда у них отсутствует совершенное владение рабочими языками. Но нынешнее реальное состояние Китая таково, что в Китае нет настоящих билингов. Поэтому китайские ученые должны решить, как подготовить профессиональных переводчиков на современном этапе.

В-третьих, на международных конференциях профессиональные переводчики должны переводить с языка В и с языка С на язык А (т.е. на родной язык). Но ситуация китайского рынка не позволяет проводить такой однонаправленный перевод. Поэтому китайским учёным предстоит такая задача, чтобы обучить профессиональных переводчиков двустороннему переводу [刘和平 / Лю Хэпин, 2011a: 31–32].

Все теории имеют долгий путь развития, от их начала до постепенного усовершенствования. Интерпретативная теория также не исключение. Ещё многие проблемы нуждаются в глубоком изучении: во-первых, как разъяснить и полностью доказать девербализацию с точки зрения неврологии, когнитивной психологии, психолингвистики, теории передачи информации и информационно-управляющей теории; во-вторых, хотя смысл речи является объектом понимания и выражения, но специфичность систем разнообразных языков и вызванные ею мыслительные и культурные различия влияют на переводческий эффект, поэтому учёные должны проводить подробное сравнительное исследование, чтобы решить ряд соответствующих проблем [刘和平 / Лю Хэпин, 2011b: 43].

Профессор Лю Хэпин [ibid.: 56–58] отметила, что интерпретативная теория позволяет китайским ученым осознать важность создания и стандартизации научных терминов переводоведения. Она подчеркнула, что китайские ученые должны дать определение терминам при заимствовании научных достижений и внедрении терминов различных дисциплин. Это имеет очень важное значение для развития переводоведения. Кроме того, китайские ученые должны сосредоточиться на теоретической базе для подготовки магистров и аспирантов по переводческой специальности, развивать теоретическое и методические исследования перевода в Китае.

Профессор Цай Сяохун также внесла свой уникальный вклад в обогащение интерпретативной теории. Её фокус исследования в основном сосредоточился на эмпирическом исследовании процесса устного перевода и оценке качества устного перевода. Она отметила, что следует осуществить дальнейшее доказательство в научности девербализации с точки зрения когнитивной психологии и других дисциплин [ibid.: 40]. Её докторская диссертация “Про-

цесс последовательного перевода и развитие компетентности переводчика: эмпирическое исследование процесса последовательного перевода среди переводчиков и учащихся французского языка в Китае” представляет собой пример междисциплинарного исследования.

Профессор Цай Сяохун анализировала и обобщила общие закономерности психологической речевой деятельности, раскрыла суть развития навыков устного перевода и главные факторы, мешающие развитию компетентности переводчика [蔡小红 / Цай Сяохун, 2001]. Она последовательно разъяснила процесс устного перевода со стороны мыслительной модели переводчика, модели распределения энергии, со стороны развития компетенции, исследовала процесс развития компетентности переводчика [刘和平 / Лю Хэпин, 2011b: 40].

Высокий уровень двуязычия переводчика не означает высокую компетентность устного перевода, и также не может гарантировать эффект перевода, но он, несомненно, является важным фактором в улучшении навыков устного перевода. Исследователи западной школы перевода полагают, что преподаватель должен использовать текст доказательного вида дискурса для вступительных заданий в обучении навыкам устного перевода, так как в таких текстах взгляды ясны, учащимся легко построить умозаключение. А после сравнения переводческих результатов текстов разных дискурсивных видов, полученных переводчиками-субъектами в экспериментах, профессор Цай Сяохун [蔡小红 / Цай Сяохун, 2001] заметила, что китайские переводчики в общем чувствуют, что текст доказательного вида дискурса является самым трудным в переводе.

Причина состоит, во-первых, в различиях мыслительных моделей, образовавшихся на фоне двух разных культур, а во-вторых, в различиях способов выражения языков. Китайским учащимся более подходят материалы повествовательного и ознакомительного видов дискурса для вступительных упражнений при обучении устному переводу.

При оценке качества устного перевода профессор Цай Сяохун [蔡小红 / Цай Сяохун, 2007] выдвинула единицу информации, с помощью которой можно оценивать качества устного перевода, заимствуя интерпретативную теорию французской школы, психолингвистическую теорию схемы и теорию дискурсивного анализа. По мнению профессора Цай Сяохун, информационный показатель считается важнейшим обоснованием для измерения уровня верности перевода. А единица информации является единицей измерения информационного показателя. Поэтому единица информации

является фундаментальным вопросом при оценке качества устного перевода. Профессор Цай Сяохун стремилась, чтобы найти объективный, научный и эффективный метод оценивания.

По моему мнению, распространение интерпретативной теории перевода в Китае имеет ряд причин.

Во-первых, исследовательская работа в области теории перевода в Китае началась относительно поздно по сравнению с западными странами. Научное исследование устного перевода в Китае долгое время оставалось слабым звеном в китайском переводоведении. Поэтому китайские ученые в начале теоретической исследовательской работы стремились найти относительно целостную, систематическую и доступную теорию перевода в научных школах западных стран, чтобы направить китайские поиски теорий на правильный путь. А интерпретативная теория как раз в то время стала одной из ведущих в теоретических исследованиях на Западе, получив определенное признание.

Во-вторых, в конце прошлого века некоторые китайские ученые учились в течение несколько лет в Высшей школе переводчиков Университета Парижа III (ESIT) под руководством профессоров Д. Селескович и М. Ледерер. Это позволило молодым китайским учёным глубоко изучить интерпретативную теорию с помощью двух её основателей. Стоит отметить, что эти китайские ученые, особенно профессор Лю Хэпин, не только удостоились магистерских и докторских степеней в Высшей школе переводчиков Университета Парижа III (ESIT), но и сотрудничали с профессорами Д. Селескович и М. Ледерер, выпустив несколько совместных работ в Китае. Это позволило многим китайским ученым подробно ознакомиться с интерпретативной теорией внутри страны и углубить, развить её.

В-третьих, переводчики высокого класса в Китае немногочисленны. В Китае совершенствуется система обучения устному переводу для подготовки квалифицированных переводчиков, соответствующих международным стандартам.

Интерпретативная теория имеет важное значение для обучения переводчиков высокого класса, она позволяет китайским ученым ухватить суть переводческого процесса и определить фокус обучения устному переводу в практическом преподавании.

Внедрение интерпретативной теории перевода в Китай имеет большое влияние на научное исследование и практическую переводческую деятельность в Китае. Китайские исследователи распространяли, целесообразно заимствовали и в известной степени

развивали интерпретативную теорию в соответствии с китайской действительностью. Хотя интерпретативная теория способствовала расширению китайского теоретического исследования, но китайская теоретическая система всё ещё недостаточно усовершенствована.

В дальнейшей работе китайские исследователи должны посредством последних достижений других дисциплин, таких как нейропсихология, когнитивная психология, психология речи и т.д., проводить больше эмпирических исследований для обогащения и развертывания интерпретативной теории французской школы.

Путь продвижения исследовательской работы теории устного перевода долог в Китае. Китайские исследователи должны не только штудировать и углублять интерпретативную теорию перевода французской школы, но и впитывать теоретическую квинтэссенцию разнообразных школ перевода в мире, в том числе немецкой школы, российской школы, англоязычных школ перевода и т.д., и на основании существующих знаний развивать исследования устного перевода в Китае, постепенно развертывая научно-исследовательскую работу, чтобы построить **полноценную систему** китайской теории устного перевода.

По мнению Н.К. Гарбовского, «системный подход, занимающий в современном научном познании одно из центральных мест, позволяет охватить более широкую познавательную реальность по сравнению с теми подходами, когда исследования сосредоточивались лишь на какой-либо одной предметной стороне объекта. Системный подход к переводу способен дать более полную и подробную теоретическую картину этого объекта по сравнению с отдельно взятым лингвистическим, литературоведческим или каким-либо ещё подходом. В русле системного подхода не только предлагается новая схема объяснения механизмов, обеспечивающих целостность переводческой деятельности, но и разрабатываются такие типологии связей и отношений, которые представляют их как логически однородные. Это позволяет непосредственно сравнивать и сопоставлять между собой все многообразные типы связей и отношений, выявляемых в переводческой деятельности, на единых основаниях» [Гарбовский, 2015: 15].

Кроме того, команду исследователей также следует расширять. Исследовательская команда должна включать в себя не только лингвистов, профессоров, преподавателей, но и психологов, специалистов по нейролингвистике, по когнитивной психологии и т.д. Специалисты разнообразных областей должны совместно разрабатывать деятельность устного перевода, для того чтобы создать цельную собственную систему по теории устного перевода, соответствующую китайской действительности.

Список литературы

- Бао Ган.* Общее изложение теории устного перевода. Пекин: Изд-во Китайской переводческой корпорации, 2011. 246 с.
- Bao Gang.* Obschee izlozhenie teorii ustnogo perevoda [Introducing Interpreting Studies], Beijing: Izd-vo Kitayskoy perevodcheskoy korporacii, 2011. 246 p. (in Chinese).
- 鲍刚. 口译理论概述. 北京: 中国对外翻译出版有限公司, 2011. 246 p.
- 王斌华. 口译规范的描写研究
- 基于现场口译较大规模语料的分析. 北京: 外语教学与研究出版社, 2013. 256 p.
- Ван Пиньхуа.* Описательное изучение норм устного перевода, основанное на анализе корпуса устного перевода на месте. Пекин: Изд-во исследования и преподавания иностранных языков, 2013. 256 с.
- Wang Binhua.* Opisatel'noe izuchenie norm ustnogo perevoda, osnovannoe na analize korpusa ustnogo perevoda na meste [A Descriptive Study of Norms in Interpreting, based on the Analysis of a Corpus of on-site Interpreting], Beijing: Izd-vo issledovanija i prepodavanija inostrannyh jazykov, 2013. 256 p. (in Chinese).
- 高彬. 同声传译理论研究与教学应用. 北京: 对外经济贸易大学出版社, 2016. 230 p.
- Гао Пинь.* Теоретическое исследование синхронного перевода и его применение в обучении. Пекин: Изд-во Университета международной экономики и торговли, 2016. 230 с.
- Gao Bin.* Teoreticheskoe issledovanie sinkhronnogo perevoda i ego primenenie v obuchenii [Theoretical Study of Simultaneous Interpretation and its Application in Teaching], Beijing: Izd-vo Universiteta mezhdunarodnoy jekonomiki i torgovli, 2016. 230 p. (in Chinese).
- 刘和平. 口译技巧
- 思维科学与口译推理教学法. 北京: 中国对外翻译出版有限公司, 2011a. 186 p.
- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и научных знаний // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 1.
- Garbovskij, N.K.* Systemologitsheskaya model yauki o perevode. Transdistsiplinarnost I systema nautshnikh znaniy [Sistemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda.* 2015, No 1 (in Russian).
- Лю Хэпин.* Навыки устного перевода: подход к обучению устному переводу. Пекин: Изд-во Китайской переводческой корпорации, 2011a. 186 с.
- Liu Heping.* Navyki ustnogo perevoda: podkhod k obucheniju ustnomu perevodu [Interpreting Skills: Approaches to Teaching Interpretation], Beijing: Izd-vo Kitayskoy perevodcheskoy korporacii, 2011a. 186 p. (in Chinese).
- 刘和平. 法国释意理论: 译介、批评及应用. 北京: 中国对外翻译出版有限公司, 2011b. 263 p.
- Лю Хэпин.* Интерпретативная теория перевода: введение, критика и применение. Пекин: Изд-во Китайской переводческой корпорации, 2011b. 263 с.

Liu Heping. Interpretativnaja teorija perevoda: vvedenie, kritika i primenenie [The Interpretive Theory of Translation: Introduction, Criticism and Application], Beijing: Izd-vo Kitayskoy perevodcheskoy korporacii, 2011b. 263 p. (in Chinese).

蔡小红. 口译评估. 北京: 中国对外翻译出版有限公司, 2007. 251 p.

Цай Сяохун. Оценка устного перевода. Пекин: Изд-во Китайской переводческой корпорации, 2007. 251 с.

Cai Xiaohong. Ocenka ustnogo perevoda [Interpretation and Evaluation], Beijing: Izd-vo Kitayskoy perevodcheskoy korporacii, 2007. 251 p. (in Chinese).

蔡小红. 交替传译过程及能力发展

中国法语译员和学生的交替传译活动实证研究. 现代外语, 2001 年第三期, 276–284 页.

Цай Сяохун. Процесс последовательного перевода и развитие компетентности переводчика: эмпирическое исследование деятельности китайских переводчиков и учащихся французского языка при последовательном переводе // Современный иностранный язык, 2001, № 3. С. 276–284.

Cai Xiaohong. Process posledovatel'nogo perevoda i razvitie kompetentnosti perevodchika: jempiricheskoe issledovanie dejatel'nosti kitayskih perevodchikov i uchashihsja francuzskogo jazyka pri posledovatel'nom perevode [The process of consecutive interpretation and the development of interpretative competence: an empirical study of the activities of Chinese translators and students of the French language in consecutive translation], *Sovremennyyi inostrannyi jazyk*, 2001, No 3, pp. 276–284. (in Chinese).

仲伟合. 口译研究方法论. 北京: 外语教学与研究出版社, 2012. 230 p.

Чжун Вэйхэ. Методология исследования устного перевода. Пекин: Изд-во исследования и преподавания иностранных языков, 2012. 230 с.

Zhong Weihe. Metodologija issledovanija ustnogo perevoda [Methodology in Interpreting Studies], Beijing: Izd-vo issledovanija i prepodavanija inostrannyh jazykov, 2012. 230 p. (in Chinese).

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Д.Ю. Груздев, старший преподаватель кафедры английского языка (основного) Военного университета МО РФ, кандидат филологических наук; e-mail: gru@inbox.ru

Л.К. Груздева, доцент кафедры иностранных языков Государственного морского университета имени Ф.Ф. Ушакова, доцент; e-mail: kyrsant@inbox.ru

Т.П. Аванесова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Государственного морского университета им. Ф.Ф. Ушакова, доцент; e-mail: avanesova1@mail.ru

ПЕРЕВОД НА РОДНОЙ ЯЗЫК С ЭЛЕКТРОННЫМ КОРПУСОМ ТЕКСТОВ

Авторы настоящей статьи отмечают, что перевод на русский язык технических текстов не всегда легче, чем перевод в обратном направлении, особенно если переводчик не обладает достаточными фоновыми знаниями в области, в которой осуществляется перевод. К основным трудностям предположительно относятся: перевод терминов и поиск принятых в данном контексте клише. Указанные трудности предлагается преодолевать с помощью специализированного корпуса текстов на родном языке. В качестве основы для этого исследования использовался успешный опыт работы с похожим ресурсом на иностранном языке в переводе с родного языка на иностранный. Авторы демонстрируют стратегии работы с корпусом текстов и параллельно решают проблему оптимизации поиска информации в электронных ресурсах. В частности, исследуются такие возможности корпус-менеджеров, как расширенный поиск и операторы (символы-заменители). Также среди других значимых результатов проделанной работы отмечаются отработанные подходы к формулированию запросов для корпуса на основе анализа контекста. Особую ценность такие подходы представляют, когда поиск информации в словаре или других привычных инструментах переводчика для последующей проверки в корпусе не увенчался успехом.

Ключевые слова: корпус текстов, корпус-менеджер, программа-конкордансер, конкорданс, перевод на родной язык, операторы, алгоритм нечёткого поиска.

Dmitry Y. Gruzdev, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Department of the English Language, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia, PhD; e-mail: gru@inbox.ru

Lena K. Gruzdeva, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Ushakov State Maritime University, Novorossiysk, Russia; e-mail: kyrsant@inbox.ru

Tatyana P. Avanesova, Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Ushakov State Maritime University, Novorossiysk, Russia, PhD; e-mail: avanesova1@mail.ru

TRANSLATING INTO NATIVE LANGUAGE WITH CORPORA

The researchers note that translating technical texts into one's native language is no easier a task than doing it in the opposite direction, particularly when the translator lacks expertise in the target area. The main difficulties that supposedly arise are translation of

terms and clichés, as well as fitting the thought into an appropriate form in the target language. The authors suggest that ad-hoc corpora of texts in the native language be used to address them. The basis for this study became the experience, by all means successful, of utilizing the same type of resources, this time consisting of texts in the foreign language, in translations from the mother tongue. The researchers demonstrate strategies of employing corpora to overcome language difficulties and concurrently address the ever-pressing issue of optimizing the procedures for information retrieving from electronic translating tools. Particularly, they look into the benefits of corpus managers' advanced search and wild card characters. Among other noteworthy results of this work are several tested and proven approaches to generating corpus queries based on the context analysis. They come in handy when everything else, i.e. dictionaries and other conventional translating tools, failed as sources of preliminary data for corpus searching.

Key words: corpus, corpus-manager, concordancer, concordance, translation into one's native language, wild card, fuzzy search string.

Профессия переводчика — это профессия из профессий. Бывают письменные и устные переводчики. В английском языке даже существуют специальные слова для каждого из них — translators и interpreters. Также различают переводчиков по тематике текстов, с которыми они работают. Например, переводчик художественной литературы, технических и юридических текстов, и т.д.

Однако существует ещё одно основание для классификации переводчиков, а именно — направление перевода. В отличие от первых двух классификаций, в рамках которых переводчик осваивает «подпрофессию», овладев необходимыми навыками и умениями, переквалификация с перевода на родной язык на перевод на иностранный и обратно не всегда на практике реализуется.

Некогда преваляющее мнение о том, что перевод должен всегда осуществляться в направлении от иностранного языка к родному, а не наоборот в силу того, что скрытая природа переводного языка недостижима для переводчика, если он не является носителем данного языка [Владимов, 2005: 24], и до сих пор встречается среди лингвистов. Корпусная лингвистика позволила снять категоричность с данного утверждения. В частности, Р.К. Кошкин, З.Р. Хайрутдинов и Н.В. Владимов [Владимов, 2005; Кошкин, 2006; Хайрутдинов, 2008] под руководством профессора В.Н. Шевчука доказали, что электронный корпус текстов делает возможным качественный перевод на иностранный язык. Именно это применение корпусов текстов стало приоритетным.

С другой стороны, наш собственный опыт, а также мнения наших коллег с богатым опытом работы письменными переводчиками подсказывают нам, что и природа родного языка не всегда достижима.

Действительно, обилие сленгов и профессионализмов в технических текстах становятся непреодолимой преградой на пути неспе-

циалиста, осложняют процесс понимания, о чём идёт речь, например, в инструкции по обслуживанию атомной силовой установки ледокола, не говоря уже об успешной передаче содержания на другом языке, даже если перевод осуществляется на родной язык [Груздев, 2013: 70].

Независимо от направления перевода, несведущий в конкретной области переводчик постоянно испытывает трудности с 1) терминологией и 2) поиском вариантов изложения научной мысли.

Мы уже использовали специализированный корпус¹ иностранных аутентичных текстов в письменном переводе на иностранный язык и экспериментальным путём доказали, что с помощью него переводчик помимо прочего может [Шевчук, 2010: 56; Груздев, 2013: 149]:

1) найти правильный переводческий эквивалент терминов и корректное обозначение референта текста;

2) отыскать принятые в данном контексте штампы письменной речи.

В связи с этим мы выдвигаем предположение, что специализированный корпус, состоящий из текстов на русском языке, также является средством решения переводческих трудностей при переводе технических текстов на родной язык. Для определения способов работы с корпусом текстов, видов трудностей, которые могут быть решены с помощью данного ресурса при переводе на родной язык, нами был подобран текст на английском языке, описывающий артиллерийскую систему M198.

Исходя из особенностей текста для перевода, при составлении корпуса на русском языке мы руководствовались следующими принципами: (1) тексты должны быть по артиллерии, а (2) информация, содержащаяся в них, должна преимущественно описывать технические особенности различных видов артиллерийских установок и их эксплуатации.

В целях экономии времени мы взяли за основу учебное пособие в интересующей нас области «Артиллерийское вооружение. Основы устройства и конструирование» под редакцией Жукова И.И. [Жуков и др., 1975] и добавили отдельные тексты из онлайн-источников. Вопросы составления корпуса исследовались нами ранее. Одними из промежуточных выводов, которые были сформулированы нами на основе работ других учёных, стало то, что в тематических корпусах, в отличие от национальных, важно обращать

¹ Электронный корпус текстов — большой массив естественных текстов языка, представленных на машинном носителе и должным образом упорядоченных с целью их использования в научных и практических целях [Шевчук, 2013: 82].

внимание на объём и гомогенность [Хайрутдинов, 2008: 34; Груздев, 2013: 47]. От данных характеристик зависит представительность корпуса. Благодаря чёткому обозначению тематики текстов нам удалось обеспечить гомогенность (однородность) корпуса.

Из опыта составления национальных корпусов следует, что высокая степень представительности достигается только при значительном объёме корпуса (десятки и сотни миллионов словоупотреблений) [Груздев, 2013: 20]. На ранних этапах нашей работы с тематическими корпусами мы установили планку для минимального объёма корпуса на уровне 500 тыс. словоупотреблений, что никак не сказалось на успешном преодолении многих переводческих трудностей с помощью корпуса при переводе на английский язык. При этом уменьшение объёма значительно сократило время составления корпуса.

В составленном корпусе по артиллерийскому вооружению на русском языке минимальные требования по объёму не были выполнены. Количество словоупотреблений не превысило 300 тыс. Тем не менее, мы приняли решение перейти к практической части мини-эксперимента, для которого нами были отобраны наиболее сложные для перевода отрывки из текста.

В ходе эксперимента было установлено, что программа-конкордансер² AntConc, которую мы использовали для поиска информации в корпусе на английском языке, не читает кириллицу. В результате мы нашли альтернативу — MonoConcPro.

Строка поиска данного корпус-менеджера сразу предлагает варианты оформления запроса с применением символов-заменителей (операторов). Например, символ «*» предназначен для замены флексий и позволяет найти все грамматические формы с заданным корнем [там же: 67]. Нельзя переоценить значимость этого заменителя для работы с корпусом текстов на русском, языке флективном в отличие от аналитического английского.

Итак, рассмотрим пример (1):

(1) The M198 155mm howitzer is a towed field artillery piece of **a (i) split trail carriage design**. The M198 is equipped with a (ii) **double baffle muzzle brake** and a (iii) **variable length hydropneumatic recoil mechanism**. The M198 is transported trail first, with the gun suspended over a single pair of traveling wheels. While deployed forward for (iv) **firing and transportation**, for storage, the gun can be rotated 180 degrees (over the trail).

² Программа-конкордансер (или корпус-менеджер) — это специализированная программа, которая помогает автоматически построить конкорданс, т.е. список контекстов, в которых слово или словосочетание предстаёт в своём лексическом окружении [Шевчук, 2013: 97].

В выбранном отрывке мы обозначили четыре наиболее сложных момента (i-iv). Первые три примера связаны с переводом терминов. Поиск эквивалентов для **split trail carriage (лафет с раздвижными станинами)** и **double baffle muzzle brake (двухкамерный дульный тормоз)** ограничился проверкой их в офлайновом словаре «Мультитран» (Multitran). Та же процедура не увенчалась успехом для словосочетания (iii). В онлайн-версии словаря, которая постоянно пополняется, также не нашлось совпадений.

Предлагаем перейти к поиску решений в корпусе. В качестве отправной точки используем корень слова «противооткатный» с символом-заменителем «*» в начале и конце (*откат*). К такому решению нас привёл анализ словарной статьи **recoil mechanism**. Данный корень присутствовал во всех вариантах перевода в словарной статье (противооткатные устройства, тормоз отката, механизм отката). Среди многочисленных совпадений в корпусе (более 100) наиболее распространённым является словосочетание «тормоз отката». Повторный конкорданс, составленный для данного термина, содержал в шестой строчке необходимый нам ответ — тормоз отката гидравлический с переменной длиной отката.

- 1 диапазоне углов от -3° до $+70^{\circ}$. [[Тормоз отката]] гидравлический,
- 2 клиновой скалочного [[типа]]. Тормоз отката гидравлический,
- 3 устройства — [[гидравлический]] тормоз отката (канавочного типа) и
- 4 — активного [[типа]]. Тормоз отката — гидравлический.
- 5 [[устройства]] (гидравлический тормоз отката и гидропневматический
- 6 , полуавтоматический. [[Тормоз отката]] гидравлический с переменной длиной отката...
- 7 [противооткатные]] устройства (тормоз отката с жидкостным
- 8 [[устройства]] (гидравлический тормоз отката и гидропневматический
- 9 [[противооткатные]] устройства (тормоз отката гидравлический,
- 10 Зарядание раздельно-гильзовое. [[Тормоз отката]] гидравлический,

Конкорданс 1, составленный для словосочетания «тормоз отката»
(запрос — «тормоз отката»).

В отличие от предыдущих случаев сложность перевода фрагмента (iv) связана отнюдь не с отсутствием полного понимания термина, а с передачей информации на русском языке в форме, привычной для уха специалиста. Действительно, выбранный фрагмент легко поддаётся интерпретации:

Ствол развёрнут вперёд для **стрельбы и транспортировки**, и разворачивается на 180° **для хранения** (здесь и далее перевод мой. — Д.Г.).

Пумпянский А.Л. пишет о том, что «отступления от привычного для них [специалистов] способа изложения материала затрудняет понимание фактов» [Пумпянский, 1965: 17]. Бывают даже случаи, когда использование неточных терминов приводит к тому, что у специалиста не откладывается в голове необходимая информация. Так, если характеристику «радиус обметания по стволам» в тексте передать описательно, например, *площадь, требуемая для поворота пушки*, то вероятность того, что целевая аудитория упустит её при беглом ознакомлении с материалом, возрастет. При поиске конкретно этой характеристики её и вовсе можно не найти в текстах большого объёма, так как специалист будет высматривать знакомую ему формулировку, которой в тексте и не будет.

С другой стороны, в нашем варианте перевода достигнут практически максимальный уровень эквивалентности перевода и оригинала (4 из 5) по шкале, предложенной В.И. Комиссаровым [Комиссаров, 1990: 229]. Однако эквивалентность не единственный параметр, который необходимо учитывать при переводе, и он не является постоянным также, продолжает рассуждать В.И. Комиссаров. Общность содержания текстов на ИЯ и ПЯ должна быть «обеспечена в пределах, совместимых с другими требованиями, такими как 1) жанрово-стилистические нормы перевода, 2) нормы переводческой речи, 3) прагматические нормы перевода, 4) конвенциональные нормы перевода» [там же: 229].

Так, в техническом переводе жанрово-стилистические нормы требуют «терминологической правильности, обеспечивающей понимания сути дела и возможность использования текста перевода в технической практике» [там же: 230]. Прагматическая сверхзадача, которую преследует технический переводчик, заключается в сообщении информации, а не воздействии на слушателя [Пумпянский, 1965: 17]. Употребление общепринятых в данной области языковых единиц является условием выполнения норм переводческой речи.

Вернёмся к анализу перевода примера (1/iv). Возможно «транспортировка и стрельба» относятся к терминам в военном языке и удовлетворяют жанрово-стилистическим нормам. Однако в данном контексте и в таком сочетании эти слова не являются общеупотребительным в военной сфере.

Корпус текстов по артиллерийскому вооружению на русском языке будет следующим ресурсом, к которому мы обратимся. Из четырёх стратегий, выделенных нами в ранних исследованиях, (1 —

«дословный перевод + корпус текстов», 2 — «словарь + корпус текстов», 3 — «Интернет + корпус текстов» и 4 — «учебное пособие + корпус текстов») [Шевчук, 2013: 101; Груздев, 2013: 135, 148] в нашем случае подходит первая, т.к. уже было сделано предположение о переводе. Его и необходимо подвергнуть проверке.

Поиск по корпусу будем производить с использованием символа-заменителя «*» для увеличения диапазона результатов. Ниже представлены два конкорданса, составленные для слов «стрельба» и «транспортировка».

- 1 ...ОФС ОФ-25. Для [[стрельбы]] ими предусмотрены заряды...
- 2 ...не зависит от дальности [[стрельбы]]. Стрельба им ведётся зарядом...
- 3 от дальности стрельбы. [[Стрельба]] им ведется специальным зарядом...
- 4 выстрела с дальностью [[стрельбы]] 17400 м. Кроме того, в...
- 5 системой [[управления]] **стрельбой**, шесть САУ с 130-мм...
- 6 Наведение артустановок и [[стрельба]] могут вестись одновременно...
- ...
- 15 ...координат зон запрета [[стрельбы]], находящийся на его рабочем...
- 16 Перемещения [[в]] процессе **стрельбы** учитываются системой ввода...
- 17 ...[[способное]] вести **стрельбу** прямой наводкой и с закрытых...

Конкорданс 2, составленный для «стрельбы» (запрос — «стрельб*»).

- 1 ...фургона, закрытом [[в]] **транспортном** положении крышками.
- 2 ...антенна укладываться [[в]] **транспортное** положение при...
- 3 ...укладки для хранения и [[транспортировки]] 40 выстрелов...

Конкорданс 3, составленный для «транспортировки» (запрос — «транспорт*»).

В конкордансе 2 мы не нашли ни одного совпадения, в котором слово «стрельба» использовалось бы для описания положения оружия. Искомое слово встречается при описании (а) способа ведения огня (17), (б) дистанции выстрела (4) и (в) типов применяемых боеприпасов (1–3).

На основании результатов поиска для запроса «транспорт*» (конкорданс 3) мы пришли к выводу, что прилагательное «транспортный», а не существительное «транспортировка», используется для описания положения техники. Если бы не составленный за-

прос с заменой части букв символом «*», то результаты указали бы, как и в случае со словом «стрельба», на недопустимость предложенного варианта перевода. Сокращённый запрос стал решающим фактором для обнаружения в корпусе требуемого варианта. В первых двух совпадениях прилагательное «транспортный» употребляется с существительным «положение», для которого также был составлен отдельный запрос «положен*».

- 1 ...цапф. [[В]] походном **положении** для исключения поломок...
- 2 ...закрытом [[в]] транспортном **положении** крышками...
- ...
- 6 ...«Берег» [[в]] боевом **положении** министру обороны России...
- 7 перевода [[из]] походного **положения** в боевое составляет не более
- 8 перевода самоходки [[из]] походного **положения** в боевое около 4 мин.

Конкорданс 4, составленный для «положение» (запрос — «положен*»).

Из конкорданса 4 мы выяснили, что перед стрельбой артиллерийские орудия «переводятся из **походного положения в боевое**» (совпадение 7, 8). Таким образом, орудие ведёт огонь из боевого положения, а перевозится в транспортном или походном. На основании количественного анализа совпадений мы склонились к использованию словосочетания «походное положение» (30 совпадений против 5):

Ствол орудия направлен вперёд в **боевом и походном положении**, а для хранения разворачивается на 180°.

Справедливости ради отметим, что для начала такого поиска необходимо видеть проблему. Переводчик должен постоянно проводить критический самоанализ [Владимов, 2005: 95]. Однако всё не охватить и каждую букву проверять никто не станет. В первом варианте перевода примера (1/iv) ничто не может вызвать подозрение: смысл передан, грамматические и лексические нормы ПЯ не нарушены.

Практика показывает, что начинающий переводчик чаще строит свою работу по принципу перехода от частного к общему (bottom-up process). В результате первоочередными трудностями на их пути при переводе технических текстов становятся термины. Вместе с тем в процессе поиска термина (пример (1/iii) в корпусе можно параллельно решать задачу перебора вариантов оформления излагаемого сообщения на ПЯ (пример (1/iv)). При этом зону анализа следует

расширить вплоть до просмотра целого абзаца (функция реализована в большинстве корпус-менеджеров).

Отрывок текста для примера (2) подобран таким образом, чтобы термины в нём были малознакомы и отсутствовали в словарях. Это послужит основанием для начала работы с корпусом текстов. На основе анализа результатов поиска в корпусе мы также будем подбирать варианты изложения главной мысли, несмотря на то что интерпретация некоторых предложений не вызывает трудностей.

(2) The M198 does not have a splinter shield, and there is no option to attach one. The breech is a manually operated (i)**screw type mechanism**. The M198 fires (ii) **non-fixed (separate projectile and propellant) ammunition** and can be loaded with a variable number of (iii) **propellant bags**.

После безрезультатного поиска эквивалента термина (i) и его различных комбинаций (screwbreech, screw-typebreech) в словарях пунктуационная ошибка, мы задействуем корпус. В предыдущих примерах на этом этапе мы уже могли предложить несколько вариантов запроса. В этом случае графическая оболочка анализируемого словосочетания не способствует выдвижению ни примерных, ни дословных вариантов перевода. Практическая работа с корпусом позволяет нам утверждать, что гадание только затягивает решение проблемы. В таком случае исходную точку поиска в корпусе следует искать по всему предложению. В данном случае конструкция «A is B» используется для описания особенностей *затвора* (breech) гаубицы. С этого слова и начнём.

- 1 вертикального **клинового** [[затвора]] с полуавтоматикой механического
- 2 дульного тормоза. [[Затвор]] вертикальный **клиновой** с
- 3 [[Полуавтоматический]] затвор — горизонтальный **клиновой**
- 4 горизонтальный [[**клиновой**]] затвор с полуавтоматикой скалочного
- 5 предельная — 675 мм. [[Затвор]] — вертикальный **клиновой** с
- 6 Вертикальный [[клиновой]] затвор с пружинной полуавтоматикой был
- 7 скользкими [[затворами-зарядными]] досылателями **поршневого типа**
- ...
- ...
- 10 **поршневой** [[полуавтоматический]] затвор с пластиковым обтюратором

Конкорданс 5, составленный для слова «затвор» (запрос — «затвор*»).

Из конкорданса видно, что существует два вида затворов, а именно поршневой и клиновой (вертикальный и горизонтальный). Каждый из терминов мы проверили в словаре Multitran. В результате выяснили, что «клиновой затвор» — wedgebreech, а «поршневой затвор» — screwbreech. Данный шаг был нелогичным, т.к. мы уже обращались к словарю для перевода термина (i) на английском языке, и поиск не увенчался успехом.

Тем не менее, при обратной проверке словарь выдал нам три варианта перевода фразы «поршневой затвор» (interrupted screw breechblock, interrupted screw-type breechblock, interrupted screw breech mechanism). Все три варианта содержат искомые слова из нашего примера, причём в 1-м и 2-м случае совпадает последовательность слов с нашим исходным запросом (screwbreech). Такие ассиметричные результаты поиска одного и того же термина на английском и русском языке объясняются тем, что алгоритмы поиска словаря основаны на обнаружении полных совпадений в отличие от систем Google или Yandex. В последних реализован алгоритм нечёткого поиска (также известного как поиск по сходству или fuzzy string search), который также присущ онлайн-словарям и корпусам.

Мы использовали офлайновую версию Multitran, в котором предложены полные термины, охватывающие такие элементы затвора, как секционные нарезки (interrupted screw) для запираания затвора. Именно наличие дополнительных элементов в термине не позволили нам обнаружить искомый термин.

Далее переходим непосредственно к переводу. Само по себе простое предложение может таить в себе ряд неожиданностей. Например, тема-рематические отношения требуют того, чтобы новая информация в русском языке следовала за тем, что уже известно. В английском языке вопрос расположения тем и рем в предложении частично решается с помощью артиклей [Комиссаров, 2011: 67]. В нашем тексте затвор гаубицы впервые упоминается только в рассматриваемом предложении. Между тем артикль используется определённый, в силу того, что затвор является обычным компонентом большинства артиллерийских орудий. Автор текста делает ставку на знание целевой аудиторией данного факта и вводит новую информацию не как рему, а как тему по всем формальным признакам: во-первых, слово затвор стоит в начале предложения, во-вторых, перед словом стоит определённый артикль.

В связи с этим возникает вопрос, каким образом переводчик должен оформить эту мысль в переводе на русский язык? Правильно ли будет, если переводчик также уповает на широкую известность конструкции гаубиц и пушек среди представителей целевой ауди-

тории и сохранит последовательность элементов предложения? В процессе поиска вариантов перевода типа затвора, описываемого в тексте, в корпусе, мы точно встретили несколько примеров именно такой конструкции. Повторная проверка и последующий более глубокий анализ некоторых совпадений позволил нам сделать вывод о допустимости использования в данном случае конструкции, когда рема в русском предложении также носит условный характер и стоит на первом месте. Однако часть предложений в нашем конкордансе относится к текстам об иностранных артиллерийских орудиях. Возможно, российские специалисты под влиянием материалов на английском языке, которыми они пользовались при написании своих работ, подсознательно перенесли структуру ИЯ в ПЯ. Нашу точку зрения подтверждают другие примеры из корпуса, где фигурируют наименования российских образцов вооружения. В них мы уже видим привычные конструкции, например:

10 В конструкции пушки применён поршневой затвор...

... ..

19 Пушка имеет поршневой [[затвор]] двухтактного...

Конкорданс 5 (продолжение), составленный для слова «затвор»
(запрос — «затвор*»).

Таким образом, мы склоняемся к классическому варианту перевода, когда известная информация предшествует новой:

Гаубица оснащена ручным поршневым затвором.

Переводческие трудности в следующем примере послужили поводом пересмотреть наше решение в отношении программы AntCorp по ряду причин: во-первых, вышла новая версия программы, уже адаптированная под кириллицу, во-вторых, именно в этой программе мы начали рассматривать расширенный поиск в ранних работах [Груздев, 2013: 59–62]. На наш взгляд, такая возможность значительно упростит решение переводческих трудностей, таких как (ii) и (iii) в отрывке (2):

(2) The M198 fires **(ii) non-fixed (separate projectile and propellant) ammunition** and can be loaded with a variable number of **(iii) propellant bags**.

Следуя раннее выработанной тактике, мы проверили в словаре Multitran (онлайн-версия) слово non-fixed, а затем fixed ammunition. В первом случае получили нулевой результат. Второй запрос оказался результативным:

Результаты проверки словосочетания *fixed ammunition* в словаре Multitran

1	<i>fixed ammunition</i>	унитарные патроны
2	<i>semi-fixed ammunition</i>	патроны с полураздельным заряданием

Проанализировав словарные варианты, мы предполагаем, что речь идёт о некоем раздельном зарядании. После этого последовала бы проверка в корпусе, которая подтвердила бы наше предположение.

Однако такой сценарий стал возможным только благодаря более тщательному поиску в словаре, даже не анализу словарной статьи для *non-fixed* или *fixed*, из которых не следует вывод, озвученный нами выше. Поэтому предлагаем рассмотреть второй сценарий.

Итак, на этапе работы со словарём мы не обнаружили приемлемые эквиваленты. Следующим шагом, по уже выработанной стратегии, должен следовать поиск и формулировка возможных запросов для программы-конкордансера. Так мы действовали в примере (2/i). В отрывке, который мы анализируем, поясняется, что тип боеприпасов, именуемый на английском языке *non-fixed*, предполагает наличие раздельных снарядов и метательных зарядов (*separate projectile and propellant*). Текст не часто балует переводчика подобными подарками. Будет совершенно недальновидно не воспользоваться таковым в нашем случае.

Таким образом, у нас уже есть два готовых запроса: (1) снаряд и (2) метательный заряд. Ранее мы проверяли каждое слово в корпусе отдельно. Такой подход не только не экономит время, но и является неэффективным в данном случае. Это объясняется тем, что в предыдущих примерах в качестве запросов мы использовали варианты перевода одного и того же слова или фразы. Пример (2/ii) отличается тем, что *non-fixed* = снаряд + метательный заряд. Поэтому требуется запрос, который бы включил оба слова. Принцип точного поиска в корпусе не позволяет напечатать в строке поиска два слова подряд. Составители AntConc устранили этот недостаток программы с помощью функции расширенного поиска (*advanced search*).

Данная опция позволяет вводить искомое слово, а также фразу, аббревиатуру или слово, которое должно встретиться в контексте в установленном диапазоне. Например, в строку расширенного поиска мы вводим слово «метательный», а в строку контекста — «снаряд», и выставляем диапазон контекста от 5 до 5 (т.е. программа будет искать слово «снаряд» слева и справа от «метательный» на

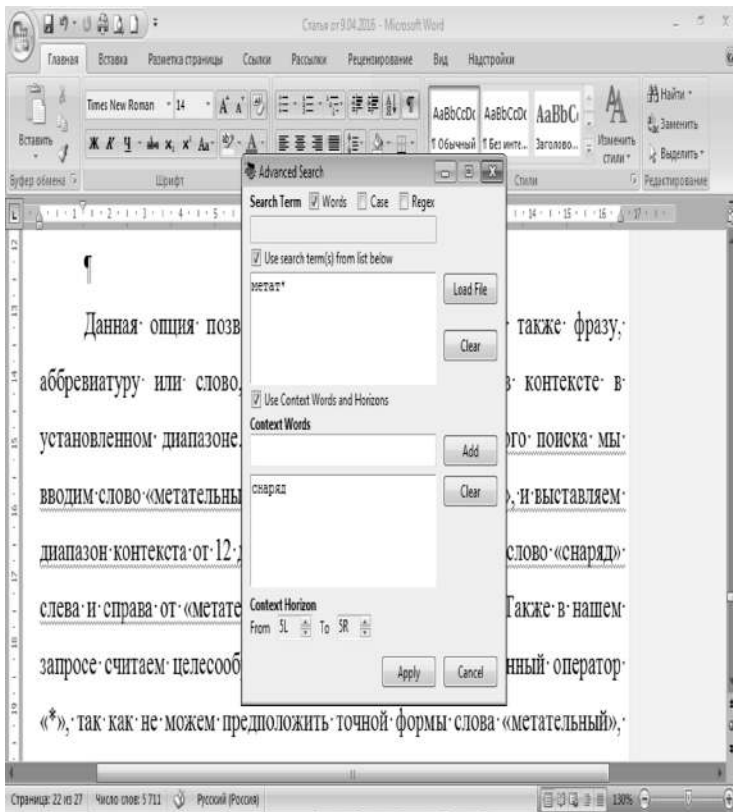

Рис. 1. Окно расширенного поиска программы AntConc

удалении до 5 слов). Также в нашем запросе считаем целесообразным использовать уже проверенный оператор «*», так как не можем предположить точной формы слова с корнем «метат», употребляемой в текстах корпуса.

- 1 снаряд, а затем гильза с **метательным** зарядом, как и у подавляющего
- 2 будут помещены снаряд и **метательный** заряд. Башня кругового
- 3 подается снаряд, затем **метательный** заряд в полусгораемой гильзе-картузе

Конкорданс 6, составленный с помощью расширенного поиска для слов «метательный» и «заряд».

В результате просмотра фрагмента текста, в котором было найдено совпадение 1, установили, что в орудиях с раздельно-гильзовым заряданием снаряды и метательные заряды досылаются отдельно. Также в строке 3 построенного конкорданса мы нашли

перевод propellant bags (картузы). На основе найденной информации предлагаем следующий вариант перевода:

Заряжание гаубицы М198 раздельно-гильзовое с изменяемой мощностью метательного заряда.

Как видно в переводе, мы отказались от использования термина «картуз», а также изменили вектор подачи информации (в оригинале пушка ведёт огонь определённым типом боеприпасов, тогда как в переводе указан тип заряжания пушки). Эти решения были приняты на основе той информации, которая отложилось у нас на подсознательном уровне в ходе анализа конкордансов.

Пример (3), подобранный нами из текста, нельзя назвать чрезвычайно сложным:

(3) The **normal ground transport** for the M198 is the M939 6×6 5-ton truck and the cannon itself requires a crew of nine.

Действительно, словосочетание normal ground transportation можно перевести дословно — нормальное или обычное средство транспортировки. Нас насторожило то, что выбранные прилагательные для перевода нечасто используются в технических военных текстах на русском языке. В тех же случаях, когда эти прилагательные используются, с помощью них передают характеристику, являющуюся *нормальной* для орудия / техники, или используют для описания снарядов, которые не входят в класс ядерных боеприпасов (*обычные*). В примере 3 речь идёт о средстве транспортировки.

Сразу переходим к поиску в корпусе. В поле запроса вводим «средств*» (средство):

1	а также для индивидуальных средств химзащиты, боекомплекта,
2	защиту экипажа, в том числе от средств массового поражения, а также
3	воздействия пороховых газов и средств массового поражения,
...	...
8	устройством тягача. <u>Штатным</u> средством транспортировки гаубицы
...	...
24	на концах станин. <u>Штатным</u> средством транспортировки орудия 2Б16

Конкорданс 7, составленный для слова «средство» (запрос — «средств*»)

В строках 8 и 24 конкорданса содержится искомый перевод. Устройства, которые обычно используется с техникой, принято называть штатными:

Штатным средством транспортировки М198 является 5-тонный грузовик М939 (6х6). Гаубицу обслуживает расчёт из 9 человек.

Решения о разделении предложения на два, а также о переводе слова *crew* как «расчёт», а не «экипаж» или «команда», были приняты с помощью корпуса. Мы не обозначали эти проблемы и соответственно не предпринимали специальных шагов по поиску возможных путей их решения. Тем не менее, в ходе анализа конкордансов, составленных для поиска вариантов перевода слов “normal” и “crew”, мы также обратили внимание на то, что информация о расчёте в оригинальных текстах на русском языке подаётся в отдельном предложении или с указанием функций, напрямую связанных с действиями самого расчёта. Например, для перевода пушки в боевое положение требуется расчёт из 9 человек. Для составления конкорданса мы использовали единицу измерения характеристики *crew*, переводом которой мы занимались, т.е. слово «человек». Такой подход сэкономил время, так как перебор вариантов перевода слова *crew* из словаря занял бы больше времени. Всего в статье в словаре Multitran более 40 вариантов перевода.

- 1 позволяющими обслуживать десять **человек** в течение 7 суток.
- 2 защищающее состоящий из восьми **человек** расчёт от пуль и осколков
- 3 Экипаж, состоящий из 2-х **человек**, осуществляет...
- 4 Расчёт — 8 **человек**.
- 5 в минуту. Расчёт состоит из пяти **человек**.
- 6 тренированный расчёт из семи **человек** выполняет в течение 2-х мин.
- 7 Пушку обслуживает расчёт из 14 **человек**, из них 7 составляют экипаж

Конкорданс 8, составленный для слова «человек»

Однако в этом примере мы особенно отмечаем перевод начала предложения. С помощью прилагательного «штатный» в тексте на ПЯ удалось не только выдержать стиль, присущий военно-технической литературе, но и изложить материал в более чёткой форме. В результате перевод выполняет прагматическую задачу, заключающуюся в сообщении информации на более высоком уровне, чем оригинал [Комиссаров, 1990: 220–221].

В отличие от прилагательных «нормальный» и «обычный» в слово «штатный» вкладывается более конкретное значение, а именно — специально предназначенный или предусмотренный для чего-либо. Мы полагаем, что именно об этом идёт речь в тексте, так как далее не указываются альтернативные транспортные средства. Соответственно у специалиста не возникнет дополнительных вопросов при восприятии новой информации, тем самым меньше будет затрачено усилий на её обработку.

Напомним, что целью данной работы мы ставили практически оценить возможности специализированного корпуса текстов на родном языке при переводе военно-технических текстов на родной язык. В качестве родного языка выступал русский. Перевод выполнялся с английского языка.

Первое, на что следует обратить внимание, это сам корпус, составленный на основе практически одного справочника по артиллерийскому вооружению. В рамках нашего исследования корпус ни разу не превратился в обузу. Таким образом, делаем вывод о том, что однородность или однородность материала важнее объёма корпуса. В нашем случае и с помощью корпуса в 300 тыс. словоупотреблений мы смогли преодолеть большинство трудностей в переводе. Поэтому мы рекомендуем формировать специализированный корпус из справочников и энциклопедий, и дополнять его в процессе работы тем материалом, который встретится при обращении к другим ресурсам, например, к Интернету или другой справочной литературе.

Во-вторых, с помощью данного ресурса нам удалось преодолеть такие трудности, как выбор правильного переводческого эквивалента терминов, а также принятых в данном контексте штампов письменной речи. Эти возможности корпуса также вошли в список проблем, решаемых при переводе на иностранный язык [Шевчук, 2013:105; Груздев, 2011: 23–35].

В-третьих, мы установили, что скорость и эффективность поиска информации в корпусе зависит от двух групп факторов, а именно — функциональных возможностей корпус-менеджеров и стратегий формирования запросов. К первой группе мы относим операторы (символы-заменители), а также расширенный поиск. В данном исследовании мы использовали только символ «*», который в сочетании с корнем слова значительно расширил диапазон выводимых результатов. В частности, его значимость нельзя переоценить при работе с флективными языками. Этот символ и ряд других операторов применимы практически во всех поисковых системах (включая корпус-менеджеры). В свете очевидного преимущества, которое они дают, их необходимо более тщательно изучить. Функция расширенного поиска реализована не во всех программах-конкордансах. Тем не менее, благодаря этой функции в программе AntConc мы автоматизировали процесс перебора нескольких вариантов перевода одного и того же термина в корпусе, а также организовали поиск с использованием искомого слова и контекстуального слова в указанном диапазоне от него. Последнее компенсирует недостаток программ-конкордансов, заключающийся в отсутствии алгоритма нечёткого поиска (fuzzy string search).

Под стратегиями формирования запросов мы понимаем поиск отправной точки для извлечения необходимой информации из корпуса текстов с помощью программы-конкордансера. Данный этап предполагает работу со словарями, Интернетом или непосредственно с текстом. Отмечаем, что анализ контекста не менее важен, чем привычные ресурсы переводчика. Эта стратегия полностью оправдывает себя в тех случаях, когда поиск в словарях или Интернете не увенчался успехом. Так, мы находим эффективным поиск терминов в корпусе с использованием в качестве запроса:

- 1) единиц измерения, относящихся к искомому термину (пример (1/iii));
- 2) основы составного термина (пример (3));
- 3) пояснений, сокращений и иной информации, заключённой в скобки сразу после термина (пример (2/ii)).

Если в словаре есть статья с многочисленными вариантами перевода искомого термина, то вместо проверки каждого подходящего варианта в корпусе мы предлагаем вычлениить наиболее общий и частотный корень, который и станет основой запроса в корпусе с использованием символа-заменителя «*» вместо флексий. Помимо повышения результативности поиска в корпусе такой подход значительно сократит общее время поиска перевода.

Также мы делаем вывод, о том, что возврат от корпуса к словарю для начала нового поиска целесообразен только, когда проверка в корпусе привела к нулевому результату. Тщательный анализ сформированных конкордансов позволяет составить уточняющие запросы или выявить варианты для проверки в словаре. При этом словарь используется в обратном направлении перевода (ПЯ → ИЯ). Рациональность такого шага заключается, в том, что автор текста мог использовать усечённый термин, который не был включён в словарь составителями. В результате в электронных словарях без функции нечёткого поиска (fuzzy string search) такой термин не будет найден, даже если его развёрнутая версия присутствует в базе. В корпусе напротив можно найти несколько вариантов употребления термина, в том числе и полные формулировки. Тогда обратная проверка в словаре поможет установить связь между усечённым термином на ИЯ (неучтённым в словаре) и его полной версией (зарегистрированной в словаре).

Список литературы

Владимов Н.В. Корпусный подход к решению переводческих проблем: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 182 с.

- Vladimov, N.V.* Korpusnyiy podhod k resheniyu perevodcheskih problem [Corpora as Means of Addressing Translation Issues], extended abstract of candidate's thesis filol. nauk. N.V. Vladimov. Moscow, 2005. 182 p. (in Russian).
- Груздев Д.Ю.* Электронный корпус текстов как эффективный инструмент переводчика: Дис. ... канд. филол. наук. М.: ВУ, 2013. 188 с.
- Gruzdev, D.Yu.* Elektronnyiy korpus tekstov kak effektivnyiy instrument perevodchika [Digital Corpora as Effective Interpreter's Tool], candidate's thesis filol. nauk. D.Yu. Gruzdev. Moscow: VU, 2013. 188 p. (in Russian).
- Груздев Д.Ю.* Корпус текстов как инструмент переводчика // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. № 2. М., 2011.
- Gruzdev, D.Yu.* Korpus tekstov kak instrument perevodchika [Corpora as Interpreter's Tool], *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, 2011, no. 2, ser. 22, Moscow, 2011. (in Russian).
- Жуков И.И.* [и др.] Артиллерийское вооружение. Основы устройства и конструирование. М.: Машиностроение 1975 г. 421 с.
- Zhukov, I.I.* [et al] Artilleriyskoye vooruzheniye. Osnovy ustroystva i konstruirovaniye [Artillery Weapons. Design Basics and Development], I.I. Zhukov [et al]. Moscow: Mashinostroyeniye, 1975. 421 p. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Учебное пособие. 2-е издание, исправленное. М.: Р. Валент, 2011. 409 с.
- Komissarov, V.N.* Sovremennoye perevodovedeniye. Uchebnoye posobiye. 2-e izdaniye, ispravlennoye [Modern Translation Studies: Stud. Manual. 2nd edition, revised], V.N. Komissarov, Moscow: R. Valent, 2011. 409 p. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 229 с.
- Komissarov, V.N.* Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty) [Translation Studies (Linguistics Aspects)], V.N. Komissarov, Moscow: Higher School Publishing House, 1990. 229 p. (in Russian).
- Кошкин Р.К.* Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе (на материале военно-технических переводов с русского языка на английский): дис. ... канд. фил. наук. М.: ВУ, 2006. 205 с.
- Koshkin, R.K.* Osobennosti normativnoy deviatcii v perevodnom diskurse (na materiale voenno-tekhnicheskikh perevodov s russkogo yazyka na angliyskiy) [Features of Normative Deviation in Translated Discourse (Based on Military-Technical Translations from Russian into English)], candidate's thesis fil. nauk. R.K. Koshkin. Moscow: VU, 2006. 205 p. (in Russian).
- Пумпянский А.Л.* Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. М.: Наука. 1965. 304 с.
- Pumpyansky, A.L.* Vvedeniye v praktiku perevoda nauchnoy i tekhnicheskoy literatury na angliyskiy yazyk [Introduction into Translation of Research and Technical Literature into English], A.L. Pumpyansky, Moscow: Science, 1965. 304 p. (in Russian).
- Хайрутдинов З.Р.* Сравнительный анализ лексико-грамматических особенностей оригинальных и переводных текстов английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ВУ, 2008. 140 с.

Khayrutdinov, Z.R. Sravnitelny analiz leksiko-grammaticheskikh osobennostey originalnykh i perevodnykh tekstov anglyiskogo yazika [Comparative Analysis of Lexical and Grammatical Features of Original and Translated English Texts], candidate's thesis filol. nauk. Z.R. Khayrutdinov. Moscow: VU, 2008. 140 p. (in Russian).

Шевчук В.Н. Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика 2. М.: Зебра Е, 2013. 376 с.

Shevchuk, V.N. Informatsionniye tekhnologii v perevode. Elektronniye resursy perevodchika 2 [Information Technologies in Translation. Interpreter's E-Tools 2], V.N. Shevchuk, Moscow: Zebra, 2013. 376 p. (in Russian).

Шевчук В.Н. Электронные ресурсы переводчика. М.: Либрайт, 2010. 131 с.

Shevchuk, V.N. Elektronniye resursy perevodchika [Interpreter's E-Tools], V.N. Shevchuk, Moscow: Librite, 2010. 131 p. (in Russian).

Нечёткий поиск в тексте и словаре [Fuzzy Search in Tests and Dictionaries]. URL: <http://habrahabr.ru/post/114997/>

Программа-конкордансер AntConc 3.2.1W [AntConc 3.2.1W concordancing program]. URL: <http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp>

Программа-конкордансер MonoConcPro [MonoConcPro concordancing program]. URL: <http://www.athel.com/mono.html>

Текст о гаубице M198 [M198 Howitzer]. URL: <http://www.military.com/equipment/m198-howitzer>

М.Н. Есакова, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: maria_esakova@mail.ru

Ю.Н. Кольцова, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: koltsova-73@mail.ru

ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОЦЕНОЧНЫХ СУФФИКСОВ (на материале произведений М.А. Булгакова)¹

Богатейшая система суффиксов в русском языке идеально приспособлена для выражения огромного спектра разнообразных эмоциональных отношений, причём не только нежных, ласкательных, но и множества других, для которых бывает порой даже трудно подобрать определение. Переводчик сталкивается с проблемой непереводаемости значения уменьшительно-ласкательных суффиксов. В этом отношении интереснейшим объектом изучения могут служить тексты произведений М.А. Булгакова. Использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами связано у писателя с определённой художественной задачей. Они служат для передачи определённых эмоционально окрашенных коннотаций, не всегда связанные только со значением количества. Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов во французском языке не столь распространено при словообразовании, именно с этим и связаны проблемы их перевода. Важно заметить, что стилистические нюансы употребления уменьшительно-ласкательных суффиксов, имеющие большое значение для понимания булгаковской иронии, пронизывающей те фрагменты текста, где речь идет о представителях «нового времени», не передаются в переводе.

Ключевые слова: оценочные суффиксы, произведения М. Булгакова, проблема непереводаемости.

Maria N. Yesakova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: maria_esakova@mail.ru

Yulia N. Koltsova, Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: koltsova-73@mail.ru

EVALUATION SUFFIXES IN MIKHAIL BULGAKOV'S WORKS: TRANSLATION DIFFICULTIES

The richest system of suffixes in the Russian language is ideally adapted for the expression of a vast range of different emotional relationships, not only gentle, affectionate, but many others for which it is sometimes quite difficult to find a definition. Translators face the challenge of untranslatability of diminutive-hypocoristic suffixes. In this respect,

¹ Статья написана по материалам выступления на международной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода» (май 2016, г. Афины).

the most interesting objects of texts studies can be texts by Mikhail Bulgakov in which the author uses various words with diminutive-hypocoristic suffixes in his pursuit of a specific artistic task, viz. to transmit certain emotionally-colored connotations not always related exclusively to the amount value. The use of diminutive-hypocoristic suffixes in French is not common in word formation, which poses translation problems. It is important to note that the use of the stylistic nuances of diminutive-hypocoristic suffixes is of great importance for the understanding of Bulgakov's irony, as well as penetrating those parts of the text that refer to the representatives of the so-called "new time" and are not conveyed in the translation.

Key words: evaluation suffixes, Mikhail Bulgakov's works, the challenge of untranslatability.

Художественный перевод — это один из самых сложных видов переводческой деятельности, он не ограничивается лишь областью языковедения и филологии, он, можно сказать, граничит с искусством. Как отмечает Н.К. Гарбовский: «Чаще всего о переводе как об искусстве говорят применительно к переводу художественных произведений. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на названия наиболее известных книг отечественных авторов, посвященных вопросам художественного перевода. Книга А.В. Фёдорова и К.И. Чуковского о художественном переводе называлась «Искусство перевода». Свою следующую книгу о переводе художественных произведений К.И. Чуковский назвал «Высокое искусство». И далее: «Перевод художественной литературы традиционно квалифицируется как некая своеобразная и ещё до конца не осмысленная область художественно-творческой деятельности, главным образом в силу того, что объектом перевода оказываются художественные произведения. Отнесение художественного перевода к искусству предопределяется художественностью оригинала» [Гарбовский, 2016: 459]. Таким образом, основная сложность при переводе художественных произведений заключается не только в передаче смысла, но и в передаче уникального авторского стиля произведения, его эстетики, богатства языковых средств, а также атмосферы, юмора, характера и настроения, заложенных в тексте. Теория художественного перевода должна раскрыть переводчику «многообразие отношений между разными языками и литературами, разнообразие стилистических возможностей и богатство того языка, на котором делается перевод, широту в выборе средств, предоставляемых им в распоряжение переводчика, указывая на отрицательный эффект, производимый дословным следованием языковым особенностям подлинника, на взаимосвязь и различие между методами перевода и методами оригинального творчества, и многое ещё другое», — отмечал А.В. Фёдоров [Фёдоров (2), 1983: 49].

В этом высказывании, определяющем практическую значимость теории перевода художественной литературы, Фёдоров обращает

особое внимание на разнообразие стилистических возможностей и на богатство выразительных средств переводящего языка. Таким образом, теория художественного перевода в корне отличается от теории и методологии юридического или научно-технического переводов, которые стремятся найти и описать средства, обеспечивающие предельную точность, «смысловую пунктуальность» при воспроизведении текстов.

Современная переводческая наука исходит из принципа переводимости: считается, что каждый высокоразвитый язык является «средством достаточно могущественным для того, чтобы передать содержание, выраженное на другом языке, в его единстве с формой» [Фёдоров, 1983: 22], и отсутствие в языке перевода отдельных компонентов значения слов, целых слов и фразеологических единиц может быть компенсировано иными языковыми средствами. Процесс перевода превращается, таким образом, в процесс непрерывного «поиска решений» [Швейцер, 1973: 264], позволяющих, в соответствии с основными принципами теории перевода, сохранять в переводе взаимосвязь формы и содержания, соотношение между частью и целым, свойственное тексту оригинала [Якименко, 1984: 15]. Переводчику приходится прилагать особые усилия для того, чтобы воспроизвести прагматилистическую направленность исходного текста и тем самым обеспечить осуществление авторской интенции оригинала. Выбор переводческой стратегии при переводе стилистически окрашенных слов определяется стилистической функцией последних [Влахов, Флорин, 2006: 365].

Переводя художественные произведения с одного языка на другой, перед переводчиком нередко возникает ряд трудностей, связанных, прежде всего, с асимметрией в менталитете представителей той или иной нации. Разные культуры смотрят на предметы с различных точек зрения. Помимо этого, переводя художественный текст, необходимо учитывать, что в тексте перевода важную роль играет его прагматика. Под прагматикой мы понимаем отношение автора речевого произведения к высказыванию. В соответствии с принятой в современной семантике и лексикологии градацией прагматический аспект распространяется на само высказываемое суждение, на адресата и на описываемый предмет действительности — денотат (см.: [Апресян, 1995: 136–141]).

«Переводчику необходимо заботиться о достижении желаемого воздействия на рецептора в зависимости от цели перевода, либо воспроизведя прагматический потенциал оригинала, либо видоизменяя его. Изучение прагматических аспектов перевода составляет поэтому одну из центральных задач теории перевода» [Комиссаров, 1990: 145].

Таким образом, при переводе, помимо учёта денотативного и коннотативного компонентов содержания, следует учитывать также прагматический компонент, который представляет собой отношение между языковым выражением и участниками коммуникации — отправителем и получателем информации. В процессе перевода осуществляется как бы прагматическая адаптация исходного текста, т.е. внесение определённых поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинального и переводного текстов. Наряду с сопоставлением различных языковых систем, в процессе перевода происходит сопоставление разных культур. Прагматический фактор является одним из наиболее важных факторов, определяющих не только способ реализации процесса перевода, но и сам объём передаваемой в переводе информации.

Для передачи прагматического значения в языке используется достаточно большое количество средств, однако в данной работе нам бы хотелось остановиться на анализе лишь одного из способов передачи этого значения — использование суффиксов субъективной оценки. Следует отметить, что в лексическом составе языка часто присутствуют слова с определёнными коннотациями и семантическими оттенками, значение которых могут понять лишь носители данного языка.

Перевод слов с суффиксами субъективной оценки является особо сложной задачей. Это объясняется трудностями восприятия новой формы иностранного имени с чужеродным суффиксом субъективной оценки, несоответствия значения прилагательного значению суффикса и т.п. Для выбора подходящего перевода следует проанализировать контекст, понять, какой именно оттенок придаёт тот или иной суффикс слову, затем соотнести этот оттенок с соответствующей формой в языке перевода.

Хотя и существуют некоторые устоявшиеся нормы межъязыковых соответствий для слов с суффиксами субъективной оценки в той или иной языковой комбинации, нередко выбор эквивалента делается не в сторону установившейся нормы или традиции.

Богатейшая система суффиксов в русском языке идеально приспособлена для выражения огромного спектра разнообразных эмоциональных отношений, причем не только нежных, ласкательных, но и множества других, для которых бывает порой даже трудно подобрать определение. Переводчик сталкивается с проблемой непереводаемости значения уменьшительно-ласкательных суффиксов. Как передать разницу между словами «домик» и «домишко», «ружьишко» и «ружьецо», «тихонько» и «тихонечко», «заинька» и «заюшка» и т.д.? Сложность передачи суффиксов субъективной оценки заключается в том, что их семантика богата и не поддаётся каким-

либо шаблонам. В каждом новом предложении суффикс приобретает иное значение в зависимости от контекста. Более того, как правило, один суффикс передаёт как минимум два смысла (размер и отношение). При переводе нужно учитывать менталитет народа и не допускать избыточности или существенных потерь [Вартаньян, 1982: 67].

В этом отношении интереснейшим объектом изучения могут служить тексты произведений М.А. Булгакова. Рассмотрим некоторые примеры использования суффиксов субъективной оценки в произведениях этого писателя и то, каким образом они передаются в текстах их переводов на французский язык.

О.С. Ахманова определяла стилистически окрашенную лексику как «лексические единицы (однозначные слова или отдельные значения многозначных слов), характеризующиеся способностью вызывать особое стилистическое впечатление вне контекста. Эта способность обусловлена тем, что в значении данных слов содержатся не только предметно-логическая (сведения об обозначаемом предмете) информация, но и дополнительная (непредметная) — коннотации» [Ахманова, 2004: 310].

Нужно отметить, что к стилистически окрашенной лексике в русском языке относятся и слова с уменьшительными суффиксами. Они довольно часто используются в качестве оценочной характеристики того или иного персонажа в произведениях М.А. Булгакова. Например, в качестве имён, с уменьшительными суффиксами *-очк-*, *-чк-*, *-чик-* или *-к-*, достаточно часто фигурируют такие слова, как: «водочка», «будочка», «графинчик», «селёdochка», «рюмочка», «лафитничик» и др.

Использование слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами связано у писателя с определённой художественной задачей.

Дело в том, что критическое отношение к власти у Булгакова возникло с первых дней революции, которую он воспринял как «кровавую оперетку». Новая действительность для него являла собой разрушение традиционной культуры, нашествие хамов. «От хамов нет спасения», — пишет он в дневнике в 1924 году [Булгаков, 1990: 13]. В дневнике есть и такая запись: «Литература теперь трудное дело. Мне с моими взглядами, волей-неволей отражающимися в произведениях, трудно печататься и жить» [там же: 18]. Булгаков, по выражению А. Ахматовой, проявлял по отношению к послереволюционному миру «великолепное презрение».

Отношение Булгакова к этому миру было, несомненно, сатирическим. В письме Правительству СССР он пишет, что ему как сатирику нет места в советской литературе, так как «никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно не-

мыслима» [Булгаков, 1992, т. 5: 447]. Не проникая, по его собственному выражению, в эту «запретную зону», он высмеивал результаты политической деятельности властей: формирующийся на его глазах новый уклад жизни, разные стороны советского быта, новый язык, который он воспринимал как нечто чуждое для себя. Поэтому ирония Булгакова — это ирония отстранения. Авторская речь у него не сливается с речью героев. Автор разными способами дистанцируется от речи героев, как бы смотря на этот «новый мир» со стороны. Именно язык представителей власти или народных масс стал объектом насмешки и иронии писателя. Эта ирония отчасти передаётся при помощи слов с оценочными суффиксами.

Булгаковские персонажи, описываемые с нескрываемой иронией, достаточно часто употребляют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, причем это, прежде всего, касается названий напитков и блюд. Например, форма «*водочка*» нередко возникает на страницах его произведений. Таким образом, вождевленное отношение к потребляемому напитку служит у Булгакова одной из центральных характеристик его персонажей.

Напротив, в речи представителей «старой интеллигенции», например, профессора Преображенского, подобные формы слов не встречаются. Профессор Преображенский никогда не называет водку — водочкой, стакан — стаканчиком, рюмку — рюмочкой.

«Доктор Борменталь, умоляю Вас, оставьте икру в покое! Если хотите послушаться доброго совета, налейте не английской, а обыкновенной русской водки. <...> Дарья Петровна сама отлично готовит водку...» (Собачье сердце, с. 368).

Напротив, представитель «нового мира», Шариков, на протяжении всего произведения, использует только слово «водочка».

Борменталь налил Филиппу Филипповичу красного вина и предложил Шарикову.

— Я не хочу, я лучше водочки выпью.

Интересно отметить, что в пределах одной сцены чётко разграничено употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Даже авторская характеристика действий Шарикова и Борменталья включает в себя слова с оценочными суффиксами:

— А я ещё водочки выпью, — заявил он [Шариков] вопросительно.

— А не будет ли Вам? — осведомился Борменталь, — вы в последнее время налегаете на водку <...> Водки мне, конечно, не жаль <...> вы и без водки держите себя неприлично.

Шариков тем временем потянулся к графинчику и, покосившись на Борменталья, налил рюмочку.

Важно заметить, что подобные стилистические нюансы, имеющие большое значение для понимания булгаковской иронии, про-

низывающей те фрагменты текста, где речь идёт о представителях «нового времени», не передаются в переводе.

Рассмотрим несколько примеров:

*«Взметнулась волна горя, но подержалась, подержалась и стала спадать, и кой-кто уже вернулся к своему столику и — сперва украдкой, а потом и в открытую — **выпил водочки и закусил**. В самом деле, не пропадать же куриным котлетам де-воляй? Чем мы поможем Михаилу Александровичу? Тем, что голодные останемся?»* (Мастер и Маргарита, с. 377) — так выглядит эта фраза в оригинале.

Если обратиться к французскому тексту, то там мы обнаружим следующий перевод:

*«Une vague de douleur s'éleva, déferla, se maintint...puis retomba, et l'on commença à regagner sa table, et — furtivement d'abord, puis ouvertement — **on but un petit coup de vodka et on mangea un morceau...**»* (Le Maître et Marguerite, p. 98) — дословно интересующий нас фрагмент будет звучать так: *«...выпил глоток водки и съел кусок...»*.

Сравнивая две эти фразы, мы видим, что русский вариант не предполагает однократности действия, в то время как по-французски это явление налицо.

Таким образом, во французском переводе эта картина предстаёт перед нами следующим образом: те, кто подразумевается под неопределённым местоимением «*on*» разделяются на две группы: на тех, кто сначала украдкой выпил глоточек водочки и съел кусочек, и тех, кто это сделал это открыто.

По-русски же этот процесс охватывает одну и ту же группу людей, которые сначала украдкой, а потом и открыто, выпили и закусили.

Получается, что М. Булгаков в романе описывает множественный процесс, а переводчик передаёт этот процесс как единичный.

Таким образом, уменьшительно-ласкательный суффикс *-очк-* в русском слове «*водочка*» не имеет семы небольшого количества, а обозначает лишь некую вожденность со стороны персонажей романа, над которыми иронизирует автор.

Интересно отметить, что во французском переводе оценочный компонент значения регулярно замещается количественным. Более того, невозможность передачи этого количественного компонента в самом слове, обозначающем продукт, вызывает необходимость компенсировать его в другом слове синтагмы, обозначающим либо посуду, либо глоток, либо неопределённое количество, то есть те категории, которые могут представлять большее или меньшее количество (*un petit verre, un coup, un peu...*).

Это отчётливо проявляется и в следующем примере:

*«Я и сам бы сейчас с удовольствием на **балкончике чайку** попил, вместо того чтобы здесь вариться»* (Мастер и Маргарита, с. 324).

«*Personnellement, je m'installerais avec plaisir à une terrasse pour boire un bon petit verre de thé, au lieu de rester à cuire ici*» (Le Maître et Marguerite, p. 93).

В России принято пить чай из большой посуды и, как модно было в 30-е годы XX века, из тонкого стакана в подстаканнике либо из большой фарфоровой чашки. Употребление же уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-* в тексте М. Булгакова явно не имеет здесь значения количества, а подразумевает то, что герой, автор «популярных скетчей Загринов», с большим бы удовольствием посидел бы где-нибудь на балкончике с чашечкой чая. И выражение «попить чайку» с уменьшительно-ласкательным суффиксом имеет устойчивое значение — «приятное времяпрепровождение», которое и реализуется в данном контексте. Подтверждение этому мы находим и в следующей фразе «...*вместо того, чтобы здесь ва-рится*», противопоставленное «*балкончику и чайку*».

Если же перевести французскую фразу дословно, то получится, что герой хотел всего-навсего выпить чаю из «маленького стаканчика», о чём вообще не идёт речь в тексте оригинала. Переводчик старается передать значение уменьшительного суффикса *-к-* (*чайку*) через посуду с уменьшительным прилагательным *petit* и оценочным прилагательным *bon*, что создаёт совсем иное представление о чаепитии, так как глагол «попить» передаёт определённую продолжительность действия во времени и некоторым образом связан с количеством потребляемого (см. Словарь русского языка). Во французском же языке через посуду рисуется иная картина, больше свойственная французской культуре, так как слово *verre* употребляется с неопределённым артиклем «*un*» в данном случае скорее являющимся числительным «один».

Таким образом, картина, возникающая во французском тексте, предстаёт следующим образом: «*выпить где-нибудь на открытой террасе один маленький стаканчик чая*», хотя «какой-нибудь» (неопределённость) тоже возможна.

Иногда в русском языке оценка, выраженная уменьшительно-ласкательным суффиксом, может переноситься с предмета потребления на посуду. Так, следующая фраза демонстрирует нам не столько размер рюмки, сколько отношение персонажа к выпивке, над которым иронизирует Булгаков.

«*Никанор Иванович налил лафитничек водки и выпил, налил второй, выпил, подхватил на вилку три куса селедки... и в это время позвонили*» (Мастер и Маргарита, с. 367).

Русское «лафитничек» — «стопка или большая рюмка удлиненной формы» (Толковый словарь Ожегова), из которой обычно

пьют вино («лафит» — сорт красного виноградного вина). Данная форма, «лафитничек», с оценочным суффиксом демонстрирует не размер предмета, а положительное отношение персонажа, Никанора Ивановича, к тому, что в него налито. Помимо этого, явно прослеживается и ироническое отношение автора к этому герою и его действиям.

Во французском тексте обнаруживаем совсем иное обозначение предмета, конкретизирующее его предназначение как «посуда для определённого сорта вина» — «*verre à bordeaux*». Интересно, что переводчик в данном случае использует не привычное наименование «*verre à vin*», которое по замыслу должно демонстрировать размер (естественно, бокал для вина больше, чем рюмка для водки), а «*verre à bordeaux*», который меньше обычного бокала для вина. В то же время русское «лафит» полностью устраняется из французского перевода, хотя этимологически восходит именно к французскому языку.

«Nicanor Ivanovitch remplit de vodka un petit verre à bordeaux, le but, le remplit encore, le but, pêcha du bout de sa fourchette trois morceaux de filet de hareng... et on sonna à la porte» (Le Maitre et Marguerite, p. 149).

Как мы видим, и в этом случае для переводчика оказывается важным передать размер посуды, а совсем не отношение героя к тому, что он пьёт, и тем более не авторскую позицию по отношению к этому персонажу.

Прилагательное «*petit*» последовательно служит аналогом русского уменьшительно-ласкательного суффикса. Однако оно оказывается неспособным передать всю гамму оценочных значений, заключённых в русской суффиксальной форме.

С другой стороны, употребление оценочного прилагательного «*petit*» в выражениях «*un petit coup*», «*un petit verre*», «*un bon petit coup*».

Рассмотрим ещё один пример, из которого отчётливо видно, что уменьшительный суффикс *-очк-* выполняет здесь, прежде всего, оценочную функцию положительного отношения героя к желаемому напитку и, безусловно, сатирический взгляд автора на поведение данного персонажа:

«Арчибальд Арчибальдович, — водочки бы мне...

Пират сделал сочувствующее лицо, шепнул:

— Понимаю... сию минуту... — и махнул официанту» (Мастер и Маргарита, с. 340).

«Archibald Archibaldovitch, un peu de vodka me...

Le pirate prit un air de sympathie et murmura:

— Mais naturellement...tout de suite..., et il fit signe à un garçon» (Le Maitre et Marguerite, p. 115).

Писатель рисует следующую картину: ресторан уже закрыт и клиент не может рассчитывать, что его обслужат, и выражает своё пожелание в очень просящей форме.

Переводчик же совсем по-иному понимает этот эпизод и, следовательно, у него получается совсем иная картинка, более нейтральная. Герой обращается к официанту с обычной просьбой, не ставя себя в положение зависимого, униженного, но, делая акцент лишь на том, что это могло бы улучшить его состояние «...*un peu de vodka me...*».

Русское высказывание полностью завершено. Оно показывает ситуацию, не оставляя читателю каких бы то ни было вопросов. Суффикс *-очк-* из двух возможных значений, уменьшительного и ласкательного, в данном случае используется во втором, ласкательном, показывая отношение говорящего к предмету как к желанному.

Форма «...*бы мне*» довольно распространённая форма просьбы.

Французское же высказывание, во-первых, остается открытым, незавершённым, оно оканчивается местоимением «*me*», которое предполагает дальнейшее развитие высказывания, примерно «*me ferait du bien*» («мне бы не помешало», «было бы кстати»).

Форма «*un peu*», заменяющая суффикс *-очк-*, соответствует другому значению этого суффикса, а именно уменьшительному, таким образом, обратный перевод этой фразы может выглядеть следующим образом: «немного водки мне бы...»

Картина, заключённая во французском высказывании, имеет ту же актантовую модель, что и описанная в русском тексте. В этой модели основными актантами являются: клиент — администратор — предмет потребления. Но отношения между актантами оказываются различными.

Ситуация, описываемая русским высказыванием, демонстрирует несколько униженное, зависимое положение клиента по отношению к администратору ресторана — феномен, свойственный русской культуре советского периода. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить описание портрета администратора. «*Вышел на веранду черноглазый красавец с кинжальной бородой, во фраке и царственным взором окинул свои владения*» (Мастер и Маргарита, с. 327).

Во французской фразе ситуация оказывается адаптированной под французскую культуру, где клиент в ресторане занимает по отношению к владельцу заведения или администратору либо более высокое, либо равное положение.

Таким образом, уменьшительно-ласкательные суффиксы являются характерной чертой словообразования в русском языке, передающей эмоционально окрашенную коннотацию. Но использование уменьшительно-ласкательных суффиксов не столь распространено при словообразовании во французском, с чем и связаны проблемы

их перевода. Многие авторские коннотации, раскрывающие отношение автора к персонажам с помощью данных морфологических средств, остаются вне поля зрения читателей текста перевода.

Свидетельствует ли это об ограниченности художественной выразительности перевода. Отчасти, да. Но вдумчивый переводчик, поняв, что единицы перевода, наделённые с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов особыми коннотациями, неизбежно утрачивают в переводе часть значений, попробует найти им какую-либо компенсацию, либо постарается убедить читателя, что тот соприкасается с «чужой» и не всегда понятной культурой.

И, наконец, следует иметь в виду, что менталитет читателя текста перевода также имеет свои особенности. Нельзя исключить, что французское определение *petit*, замещающее морфологические формы русского языка (уменьшительно-ласкательные суффиксы), способно вызвать у носителя французского языка близкие чувства вожеления и пр.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности: Сб. науч. тр. / ИЯ АН СССР. М., 1988.
- Aprésjan, U.D.* Pragmatische informacija dlja tolkovogo slovarja [Pragmatic information for an explanatory dictionary], *Pragmatica i problemi intensional'nosti*, Sb. nauch. tr., IA AN USSR, Moscow, 1988 (in Russian).
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004.
- Akhmanova, O.S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov [A Dictionary of Linguistic Terms], Moscow: URSS: Editorial URSS, 2004. (in Russian).
- Булгаков М.А.* Под пятой. Мой дневник. М.: Правда, 1990., С. 13.
- Bulgakov, M.A.* Pod Pjatoj. Moy Dnevnik. [Under the thumb. My diary], Moscow: "Pravda", 1990, pp. 13 (in Russian).
- Булгаков М.А.* Правительству СССР // Булгаков М.А. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М.: Художественная литература, 1992.
- Bulgakov, M.A.* Pravitel'stvu USSR [To the USSR government], Bulgakov M.A. Sobranie Sochinenij v piaty tomah. Vol. 5, Moscow: "Khudozhestvennaya Literatura", 1992 (in Russian).
- Варатьян Э.* Путешествие в слово. М.: Советский писатель, 1975.
- Varatjan, E.* Puteshestvie v slovo [Trip to the word], Moscow: "Sovetskiy pisatel", 1975. (in Russian).
- Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М., 2006. 448 с.
- Vlahov, S.I., Florin, S.P.* Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation], Moscow, 2006, 448 p.
- Гарбовский Н.К.* Перевод: ремесло, искусство, теория // О переводе. М.: Форум, 2016.

- Garbovskij, N.K.* Perevod: remeslo, iskustvo, teorija. O perevode [Translation: craft, art, theory], Moscow: Forum, 2016 (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода: Лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990.
- Komissarov, V.N.* Teoria perevoda: lingvističeskie aspekty [Translation theory: linguistic aspects], Moscow: Vischaya shkola, 1990 (in Russian).
- Фёдоров А.В.* (1) Основы общей теории перевода. М., 1983, 303 с.
- Feodorov, A.V.* (1) Osnovi obshey teorii perevoda [General theory of translation: fundamentals], Moscow 1983. pp. 303 (in Russian).
- Фёдоров А.В.* (2) Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983. С. 49.
- Feodorov, A.V.* (2) Iscusstvo perevoda i jizn' literaturi [The art of translation and life of literature]. Leningrad, 1983, pp. 49 (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973. 280 с.
- Shveycer, A.D.* Perevod i lingvistica [Translation and linguistics]. Moscow, 1973. pp. 280. (in Russian).
- Якименко Н.В.* Каламбур как лингвостилистический приём в английском языке и пути его воссоздания в переводе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1984. 26 с.
- Akimenko, N.V.* Kalambur kak lingvističeskiy priem v angliyskom iazike i puty ego vosstanovlenija v perevode [A pun as a linguostylistic method in the English language and the ways of its reconstruction in translation], extended abstract of candidat-s thesis philology, Kiev, 1984, pp. 26 (in Russian).

Источники

- Булгаков М.А.* Собачье сердце. Санкт-П.: Кристалл, 1998.
- Boulgakov, M.A.* Coeur de chien: Traduit du Russe par Michel Pétris, Paris, 1996 (in Russian).
- Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. Санкт-П.: Кристалл, 1998.
- Boulgakov, M.A.* Le Maitre et Marguerite: Traduit du Russe par Claude Ligny, Paris, 1997 (in Russian).

Е.С. Лаврентьева, аспирантка Высшей школы перевода (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: katerinken@mail.ru

ПЕРЕВОД СЛОГАНОВ ИМИДЖЕВОЙ РЕКЛАМЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В статье постулируется необходимость поиска адекватных способов перевода англоязычных слоганов автомобильных компаний, наделяющих объекты рекламирования дополнительным символическим содержанием для осуществления имиджевой коммуникации. В работе определяются доминанты перевода рекламного текста с учётом лингвостилистических особенностей организации рекламного послания, проводится анализ переводов корпоративных слоганов автомобильных компаний с английского языка на русский, даются конкретные рекомендации, обеспечивающие при переводе сохранение перлокутивного эффекта оригинала. Изучается способность оценок оказывать косвенное управление действием с помощью создания у адресата мотивов, отражающих затронутые рекламой потребности.

Ключевые слова: коммерческая реклама; речевое воздействие; прагматика; слоган.

Yekaterina S. Lavrentyeva, Postgraduate Student at the Higher School of
Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: katerinken@mail.ru

TRANSLATING IMAGE-BASED ADVERTISING SLOGANS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

The article stresses the necessity to find appropriate ways of car brand slogans translation taking into account the fact that automotive companies convey an additional symbolic meaning to promotional items so as to establish an image-based communication. Considering linguistic and stylistic peculiarities of advertisements, we define means that ensure the invariant character of the target text, analyze car brand slogans translation from English into Russian and propose ways aimed at conveying a perlocutive effect of the original message. The author studies the capability of evaluation expressions to control the addressee's actions indirectly through creation of incentives related to essential needs stressed in the advertisement.

Key words: commercial advertising, language persuasion, pragmatics, slogan.

Перевод рекламных текстов представляет известную трудность в силу комплексного содержания рекламного послания, единства его смысловой и стилистической организации. Наряду с заголовком (рекламное обращение и рекламный тезис), основным рекламным текстом (проведение аргументации для доказательства тезиса в рекламном заголовке) и эхо-фразой (повторение ключевой идеи основного рекламного текста)¹, слоган является ключе-

¹ Наиболее традиционным считается представление о четырёхчастной структуре рекламного текста. См.: *Кафтанджиев Х.* Тексты печатной рекламы. М.: Смысл, 1995. 73 с.

вым компонентом вербальной части рекламы, фигурируя в качестве рекламного лозунга, «образного, эмоционального словесного выражения предложения фирмы или какой-либо организации обществу» [Ильинский, 2006: 363].

Мы рассматриваем рекламу как однонаправленное и неличное общение через каналы массовой коммуникации, направленное на убеждение аудитории в преимуществах определённого товара, услуги или фирмы. Мы также принимаем во внимание, что в рекламной коммуникации осуществляется воздействие на адресата с целью побудить его выбрать рекламный товар не только в прямом, но и в переносном смысле. В частности, часть исследователей склонна считать политическую рекламу составным элементом рекламы коммерческой на том основании, что кандидат представляется как товар, к выбору которого нужно призвать избирателей. Иными словами, рекламист пытается не просто убедить адресата в преимуществах того или иного товара/услуги и подтолкнуть к нужному действию (приобретению товара/услуги), но и коренным образом изменить или сформировать его взгляды и установки.

Как известно, перевод рекламного текста должен опираться на передачу коммуникативной интенции адресанта послания, выполнение определённой прагматической цели. Как следствие, возникает необходимость в правильном толковании рекламных задач и воспроизведении в переводе значения языковых средств, обеспечивающих их достижение. Рассматриваемая нами корпоративная реклама нацелена на формирование положительного отношения к объекту рекламы (к самой организации или к одному из её брендов). В центре воздействующего послания оказывается образ жизни, который ведут обладатели товара/услуги, причём положительные впечатления и ощущения покупателей ставятся в прямую зависимость от пользования товаром/услугой. Иными словами, речь идёт об имиджевой коммуникации, которая выделяется особенно отчётливо в слоганах фирм и компаний, кратко формулируя их кредо.

Для слоганов характерны средства экспрессии, а также семантическая компрессия, и, как следствие, наличие имплицитных смыслов и плюральность интерпретаций². Рассматривая языковые особенности англоязычной рекламы, Ф. Джефкинс указывает использование действенных слов (глаголов в повелительном наклонении, клише, аллитерации, разговорных выражений, эмоционально воздействующих слов, стилистических повторов, а также обыгрывание пунктуации и грамматики [Jefkins, 2000: 204–208]. Предложенную

² См. напр.: *Шокина А.Б.* Языковая компрессия в рекламном тексте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: 2008. 22 с.

классификацию следует дополнить фонетическими (ассонанс, рифма, ритм и т.д.) и стилистическими приёмами (метафора, противопоставление, игра слов, использование пословиц и поговорок, аллюзия, включение иноязычных заимствований). Примечательно, что выделенные языковые особенности оформления рекламного текста характерны и для русскоязычной рекламы, что позволяет говорить об универсальности большинства рекламных приёмов.

Вслед за Е.В. Медведевой, мы относим рекламу к имиджевой коммуникации, которая представляет собой обращение адресанта рекламы к потребителю с предложением трансформировать себя или часть своей жизни с помощью приобретения определённого товара или услуги, где трансформация достигается путём переноса положительных качеств объекта рекламы на его владельца [Медведева, 2008: 80]. Вследствие наделения символическим смыслом объекта рекламирования в рамках имиджевой коммуникации, потребитель убеждён, что имидж приобретаемого товара делает его частью той социальной группы, с которой он хотел бы себя отождествлять. Г.Г. Почепцов отмечает также преследование рекламистами экономических целей при провозглашении целей социальных с опорой на универсальные структуры восприятия, затрагивающие концепты «жизнь», «страх»³ и т.д. Как следствие, переводчику приходится работать как над передачей имиджа объекта рекламирования, так и над отражением апелляции рекламиста к базовым потребностям адресата для маскировки прагматических целей адресанта послания.

Потребитель при просмотре рекламы занимается познавательной-оценочной деятельностью, находясь в поиске способов удовлетворения своих потребностей. Как правило, в качестве мишенной рекламисты используют базовые потребности согласно классификации А. Маслоу (физиологические потребности, потребность в безопасности, социальные потребности, потребности, связанные с самореализацией и получением признания)⁴. В коммерческой рекламе товар или услуга становятся объектом положительной оценки, которая выдвигается имплицитно или эксплицитно в расчёте на актуализацию у адресата послания определённых физических, психологических или социальных потребностей. При рассмотрении частнооценочных значений Н.Д. Арутюнова выделяет следующие три группы: 1) сенсорные оценки (оценки, связанные с физическим и психическим чувственным опытом); 2) эстетические и этические оценки (т.н. сублимированные оценки); 3) раци-

³ См. подробнее: *Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001. 656 с.

⁴ См. подробнее: *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. СПб., 1999. 181 с.

оналистические оценки (оценки, связанные с практической деятельностью и практическими интересами человека) [Арутюнова, 1988: 77]. Иными словами, разновидности оценок осуществляют управление сознанием адресата, убеждая его, что именно предлагаемый товар сможет удовлетворить имеющуюся потребность. В некоторых случаях реклама заставляет адресата ощутить само наличие ранее не испытываемой им потребности.

Проанализировав 134 корпоративных слогана 55 торговых марок автомобилей, мы выделили концепты в составе структуры слогана, оформляющие сенсорные, рационалистические и эстетические оценки. Стоит отметить, что рационалистические оценки призваны апеллировать к логике адресатов, стремясь убедить их в практической пользе объектов рекламы (концепты «передовые технологии», «производительность», «долговечность»). Эстетические оценки направлены на отождествление объекта рекламирования с произведением искусства (актуализация концептов «настоящий», «стандарт», «уникальность», «красота», «роскошь») и создание у адресата послания потребности в получении признания. (Примечательно, что несмотря на упор рационалистических оценок на потребность потребителя в безопасности, использование таких концептов, как «передовые технологии», также может акцентировать у реципиента необходимость признания). Наиболее обширную группу составляют сенсорные оценки, которые описывают физические ощущения («движение», «управление»), чувства («любовь», «наслаждение», «желание», «страсть»), психические процессы («мышление», «воображение», «удивление») и переживания («свобода», «обладание»). Рекламисты используют сенсорные оценки, чтобы затронуть эмоциональные потребности аудитории, включая и потребности, связанные с самореализацией.

Учитывая направленность рекламного текста на оказание воздействия, на обеспечение действенности рекламного лозунга, переводчик должен декодировать коммуникативную интенцию автора на основе выявления функциональных доминант текста оригинала. Для достижения коммуникативного эффекта, соответствующего интенции автора, переводчик передаёт функции языковых элементов, но допускает сдвиги в референциальном содержании и осуществляет необходимую прагматическую адаптацию, чтобы текст перевода соответствовал нормам и узусу языка перевода при сохранении функциональной эквивалентности с текстом оригинала.

Вслед за И.С. Алексеевой, в качестве доминант перевода в рекламном тексте мы ставим на первое место лексику, оформляющую когнитивную информацию, и языковые элементы, служащие для усиления когнитивных компонентов (эмоционально-оценоч-

ная лексика с семантикой положительной оценки, иностранные слова, обороты речи и цитаты, специфика синтаксиса, повторы всех уровней, игра слов, метафоры и др.) [Алексеева, 2001: 67]. Когнитивные компоненты рекламного сообщения дают аудитории сведения о названии компании и продукта, выделяют их среди подобных, указывают на особенности товара/услуги. Однако агитация в пользу того или иного продукта осуществляется благодаря средствам экспрессии, которые привлекают внимание аудитории к объекту рекламирования, делают рекламное обращение запоминающимся и создают определённый имидж компании, задавая стиль рекламирования. Таким образом, передача имиджевого послания должна включать в себя сохранение семантики концептов, использующих в качестве мишени потребности адресата, и воспроизведение лингвостилистических особенностей оформления рекламного текста.

Во внимание также нужно принимать уровень доходов целевой аудитории, на которую рассчитано сообщение автомобильной компании. Корпоративные слоганы отражают ценовую политику компании, варьируясь в зависимости от достатка аудитории. В рекламе автомобилей бюджетной категории акцент будет ставиться не на дешёвизне производимых автомобилей, а на тех достоинствах, которые адресат не ожидает обнаружить. Для воздействия на среднюю потребительскую аудиторию будут задействованы концепты «мечта» и «удовольствие», обслуживающие сенсорные оценки. В рекламе автомобилей класса люкс будут фигурировать концепты, оформляющие эстетические оценки и затрагивающие у адресата потребность в получении признания. Корпоративные слоганы примечательны тем, что заложенное послание оказывается применимо и к самой компании, и ко всем её автомобилям, так как семантическая начинка слогана призвана формировать образ бренда, который затем уже в качестве кредо переносится на все сопутствующие товары и услуги.

Реклама автомобилей бюджетной категории

Kia — The Power to Surprise. «Искусство удивлять».

В оригинальном высказывании задействованы концепты «мощь» и «удивление». В переводе воспроизведён только второй концепт, но включение нового концепта («искусство»), передающего эстетическую оценку, позволяет сохранить воздействующий потенциал высказывания.

Hyundai — New thinking. New possibilities. «Новое мышление. Новые возможности».

В переводе сохранены семы «мышление» и «возможности», а также воспроизведена синтаксическая структура оригинала и лексический повтор.

Fiat — Driven by passion. «Управляемый страстью».

В переводе воспроизведён концепт «страсть», а третья форма смыслового глагола (v3) переводится причастием, что можно признать эквивалентным.

Suzuki — Way of life. «Способ жизни».

Из перевода уходит значение «путь», которое использовалось в оригинале для создания игры слов на основе обыгрывания буквального и переносного значения. Словосочетание «способ жизни» не вполне соответствует нормам и узусу русского языка, проигрывая выражению «образ жизни». Семантические потери и нарушение логики высказывания препятствуют достижению прагматической цели послания.

Skoda — Simply clever. «Просто гениально».

В переводе неверно передаётся смысл лексемы «clever», выражающей значения «умный», «ловкий», «разумный», «рациональный» без акцентуации превосходной степени признака. Привнесение значения «гениальный» приводит к видоизменению коммуникативной интенции автора оригинального послания с констатации «бесхитрости» изобретения на откровенное бахвальство.

Реклама автомобилей средней потребительской категории

Peugeot — Live the pleasure. «Создан для удовольствия».

Концепт «жизнь», присутствующий в оригинальном послании не передан в переводе. Однако наибольшей смысловой ошибкой является непонимание того, что в рекламном послании сам товар преподносится как «удовольствие», а призыв дословно гласит: «Проживи удовольствие». Смена побудительной интонации на повествовательную вкпе с предпочтением более шаблонного высказывания не способствуют сохранению оригинальности слогана.

Toyota — Drive your dream! «Управляй мечтой»; **Always a better way** «Стремиться к лучшему».

Первый слоган эквивалентно передан на русский язык благодаря передаче побудительной интонации оригинала и сохранению важных концептов «мечта» и «управление», обслуживающих сенсорные оценки. При переводе второго слогана переводчик уходит от значения «путь», которое в рекламе автомобилей неизменно связано с обыгрыванием буквального и переносного значения лексемы. Характер высказывания-констатации заменён в переводе на безличное высказывание с инфинитивом, что в сочетании с аб-

страктым значеннем лексемы «лучшее» лишае т воздзейстующей силы всю фразу.

Honda — The power of dreams. «Сила мечты».

При переводе удалось сохранить ключевые концепты, поэтому перевод можно признать эквивалентным. Стоит также отметить, что лексема «power» фигурирует в слогане и в значениях, связанных непосредственно с автомобильной тематикой («движущая сила», «усиление»). Чтобы создать в переводе прямую отсылку к деятельности компании, можно избрать вариант перевода «Движущая сила мечты».

Nissan — Shift expectations. «Превосходя ожидания».

В дословном переводе английское высказывание означает «подними планку ожиданий». Предложенный перевод нельзя признать эквивалентным в силу того, что добавлен новый концепт («превосходство»), а тон предложения изменён с побудительного, предполагающего обращение к читателю, на повествовательный.

Subaru — Think. Feel. Drive. «Мыслить. Чувствовать. Управлять».

В переводе сохранены концепты «мышление», «чувство» и «управление», но тон предложения изменён с побудительного на повествовательный. Отсутствие в переводе обращения к читателю нарушает адекватность перевода.

Ford — Feel the difference. «Почувствуй разницу»; **Go further** «Иди дальше».

При переводе первого слогана удалось сохранить как семантическое содержание оригинального сообщения, так и сам тон послания. Однако при работе со вторым слоганом переводчик забывает о нормах языка перевода, избирая сочетание «иди дальше» для обращения к потенциальному адресату, которое будет воспринято как «проходите мимо». Более уместным представляется вариант «Двигайся вперёд», в котором глагол включает не только ходьбу пешком, но и езду на автомобиле, что крайне важно для передачи смысла послания.

Mitsubishi — Go far. «Зайди далеко».

Примечательно, что выражение “Go far” идиоматично и в переносном значении имеет смысл «переступить границы» и «далеко пойти (т.е. преуспеть)». Несмотря на то, что предложенный вариант перевода верно передаёт вызов оригинального послания, переводчику не удаётся обыграть переносный смысл сочетания.

Реклама автомобилей представительского класса

Audi — Keeping ahead through technology. «Превосходство высоких технологий».

Дословный перевод выражения звучит следующим образом: «Опережаем благодаря высоким технологиям». Подразумеваемое в оригинале превосходство компании над конкурентами получает дополнительный смысл в силу актуализации автомобильной метафоры. В переводе необходимо сохранить метафорическое наполнение высказывания с помощью глаголов «обгонять», «опережать» и сделать акцент на превосходстве самой компании и её продукции, а не на технологиях, служащих лишь в качестве средства для достижения цели.

Lexus — The Passionate Pursuit of Perfection. «Стремление к совершенству».

В переводе не передан концепт «страсть», который участвует в создании анафоры, несмотря на то, что есть возможности воспроизвести этот приём — «Страстное стремление к совершенству».

Mercedes-Benz — The best or nothing. «Лучшее или ничего».

В переводе эквивалентно передаётся безапелляционность слогана, отражающая специфику рекламных посланий в сегменте представительского класса.

Alfa Romeo — Beauty is not enough. «Красота — это ещё не всё».

В данном слогане можно легко проследить пресуппозитивное утверждение эстетической ценности предлагаемых автомобильной компанией моделей. В то же время, сформулированное кредо компании даёт понять аудитории, что внешними достоинствами дело не ограничивается. Эквивалентная передача слогана на русский язык сохраняет перлокутивный эффект оригинала.

Land Rover — Go beyond. «За грань обыденного».

Переводчик предпочёл осуществить прагматическую адаптацию оригинального послания, верно передав заложенный смысл. Такое решение позволило ему избавиться слоган от сходства с аналогичными лозунгами Ford и Mitsubishi.

Корпоративные слоганы автомобильных компаний относятся к имиджевой коммуникации, наделяющей объекты рекламирования дополнительным символическим содержанием. Адресант рекламного послания увязывает положительную для адресата ценность с компанией-производителем, создавая привлекательный и запоминающийся образ. Совокупность всех ассоциаций, вызываемых названием, логотипом и кредо торговой марки, транслируется на все её товары и услуги. Создание положительной ценности продукта рекламирования опирается на типологию базовых потребностей человека, причём актуализация потребностей осуществляется с помощью привлечения концептов, оформляющих сенсорные, эстетические и рационалистические оценки. Переводчику необходимо учитывать способность имплицитно и эксплицитно выра-

женных оценок обеспечивать косвенное управление действием, и, следовательно, передавать в переводе ключевые концепты. Сдвиги в референциальном содержании допустимы при сохранении ведущего концепта и замене утраченного языковым элементом, придающим объекту рекламирования дополнительную (эмоциональную, эстетическую, рационалистическую) ценность. При переводе автомобильных слоганов крайне важно обращать внимание на принадлежность объекта рекламирования к определённому статусному сегменту. Анализ переводов корпоративных слоганов позволяет отметить, что англоязычные слоганы с побудительной интонацией при переводе на русский язык передаются безличными конструкциями с повествовательным тоном. Для иностранных слоганов характерно прямое обращение к адресату, однако переводчики зачастую отдают предпочтение безличным конструкциям с инфинитивом. Игра слов, использование фразеологизмов, стилистические повторы не всегда адекватно передаются для российской аудитории. Внимание к указанным переводческим недочётам обеспечивает сохранение перлокутивного эффекта оригинального послания коммерческой рекламы.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Союз, 2001. 288 с.
- Alekseeva, I.S.* Professional'nyj trening perevodchika: Uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlja perevodchikov i prepodavatelej [Professional training for a translator: Study guide on translation and interpretation for translators and professors], I.S. Alekseeva. Saint-Petersburg: Izd-vo "Sojuz", 2001. 288 p. (in Russian).
- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Arutjunova, N.D.* Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt [Types of language meanings: Evaluation. Occurrence. Evidence], Moscow: Nauka, 1988. 341 p. (in Russian).
- Ильинский С.В.* Общественные связи. Реклама. Маркетинг. Нейро-лингвистическое программирование. (Оперативный словарь-справочник). М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. 479 с.
- Il'inskij, S.V.* Obshhestvennyye svjazi. Reklama. Marketing. Nejro-lingvisticheskoe programmirovanie. (Operativnyj slovar'-spravochnik) [Public relations. Advertising. Marketing. NLP. (Operational dictionary and reference book)], S.V. Il'inskij. Moscow: AST: Vostok — Zapad, 2006. 479 p. (in Russian).
- Кафтанджиев Х.* Тексты печатной рекламы. М.: Смысл, 1995. 73 с.
- Kaftandzhiev, H.* Teksty pechatnoj reklamy [Print adverts], Moscow: Smysl, 1995. 73 p. (in Russian).

Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 280 с.

Medvedeva, E.V. Reklamnaja komunikacija [Advertising communication], Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008. 280 p. (in Russian).

Jefkins, F. Advertising. — Dorchester: Dorset press, 2000. 394 p.

Textart.ru. База слоганов [Электронный ресурс] / База слоганов: имиджевые корпоративные слоганы — автомобили. URL: <http://www.textart.ru/baza/slogan/avto-korp.html>

Textart.ru. Database of slogans [Электронный ресурс] / Car brand advertising slogans. URL: <http://www.textart.ru/database/slogan/4-car-brand-advertising-slogans.html>

Е.Г. Торсуков, кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mitina.v2014@yandex.ru

А.И. Галичев, кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: dr_galichev@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИСТОВОК И ПРОГРАММ УСТНОГО ВЕЩАНИЯ

В статье рассматриваются особенности перевода материалов информационно-психологического воздействия (листовок, программ устного вещания) на солдат и население фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны. На основе анализа языка и стиля оригинальных материалов выявляются грамматические, синтаксические и стилистические тонкости перевода при передаче смысла боевого документа при воздействии на различные демографические и социальные группы. При исследовании дискурса речевого воздействия на военнослужащих вермахта формами устной и печатной пропаганды особое внимание уделено умению переводчика использовать языковые средства для влияния на чувства солдат, на их эмоциональное состояние, в частности, эпитеты, аллегории, антитезы, метафоры, гиперболы, инверсии и т.п. Авторы статьи на основе изучения опыта перевода документов информационно-психологического воздействия формулируют ряд требований, необходимых переводчикам при переводе листовок и программ устного вещания.

Ключевые слова: специальная пропаганда, листовка, программа устного вещания, психологическое воздействие, литературные тропы, реалии языка, речевое поведение, требования к переводчику материалов информационно-психологического воздействия.

Yevgeniy G. Torsukov, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mitina.v2014@yandex.ru

Alteksandr I. Galichev, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: dr_galichev@mail.ru

SPECIAL TECHNIQUES IN TRANSLATION OF LEAFLETS AND RADIO BROADCASTING PROGRAMS

The article focuses on the peculiarities of translation of indoctrination materials (leaflets and radio broadcast programs) aimed at soldiers and the population of Nazi Germany during the Great Patriotic War. Based on the language and style analysis of original materials, we define grammatical, syntactical and stylistic transformations in translation intended to convey the meaning of combat documents which exert influence over different demographic and social groups. While analyzing the discourse of verbal persuasion in the armed forces of Wehrmacht through oral and printed propaganda, we emphasize the translator's capability to use language means, particularly epithets, allegories, antitheses, metaphors, hyperbolae, inversions, etc., to affect soldiers' feelings and emotional state.

A thorough study of indoctrination documents allows the authors to suggest a set of necessary requirements for translators who work with leaflets and broadcast programs.

Key words: special propaganda, leaflet, broadcast program, psychological influence, culture-specific language terms, literary figures of speech, verbal behavior, requirements for translation of indoctrination materials.

Многие области человеческой деятельности имеют свою языковую специфику. Почти во всех областях человеческих знаний, например, в химии, математике, музыке и т.д., выработались свои специфические средства языкового общения. Имеется некоторая специфика у языка и стиля листовок, и программ устного вещания.

Как листовки, так и программы устного вещания являются средством психологического воздействия на солдат и офицеров противника. В годы Второй мировой войны эти средства широко применяли как войска вермахта, так и Советская Армия. Так на фронте в 1600 км, простирающемся от Балтийского до Северного моря было задействовано 11 рот пропаганды сухопутных сил Вермахта. В составе этих рот было 2240 человек [Buchbender, Schuh, 1988].

За годы войны политические органы Советской Армии подготовили, обеспечили перевод на 20 иностранных языков, издали и распространили свыше 20-ти тысяч наименований листовок и брошюр, общий тираж которых составил почти 3 миллиарда экземпляров. Непосредственно с передовых позиций фронта было проведено более 2 миллионов 700 тысяч агитационных передач [Burtzew, 1985]. Подразделения, воюющие «оружием слова» в ходе Второй мировой войны, имели следующие задачи:

- систематически подрывать волю к сопротивлению личного состава войск противника и гражданского населения;
- укреплять веру в победу своего народа, своих вооружённых сил, а также союзников;
- завоевать симпатии и, по возможности, склонить к сотрудничеству нейтральные страны или, по крайней мере, противодействовать сложившемуся там неблагоприятному общественному мнению [Buchbender, Schuh, 1988].

Язык листовок должен доносить их смысл до необычайно разнообразной аудитории. Задача переводчика заключается в том, чтобы сделать смысл материалов понятным для всякого адресата.

Поэтому от переводчика требуется умение уверенно разбираться в грамматических, синтаксических и стилистических тонкостях как родного, так и иностранного языков, чтобы в случае необходимости улучшить язык авторского текста и перевода. Переводчик должен учитывать, что между такими понятиями, как «значение» и «смысл» слова может существовать значительная разница, которая может

свести на нет все его усилия. Если значение определяется коллективным опытом и носит кумулятивный обобщающий характер, то смысл определяется опытом каждого человека. Например, слово «смерть» имеет одинаковое значение для каждого, но оно будет иметь разный смысл для молодого человека и для старика, для верующего и атеиста, для здорового и больного. Переводчик должен хорошо представлять, какие ассоциации вызовет текст у разных демографических, социальных и иных групп.

Прежде чем говорить об особенностях перевода листовок, нужно подчеркнуть особенности их языка и стиля. Они обусловлены, прежде всего, её целевой направленностью и форматом, спецификой адресата, оперативностью подготовка и доставки, условиями прочтения и другими факторами.

Язык листовок должен отвечать следующим требованиям:

- безупречная грамотность, простота и доходчивость;
- краткость и лаконичность языковых форм и выражений (оптимальный объём текста не более 1,5 машинописных страниц);
- отсутствие громоздких сложноподчинённых предложений;
- расширенных деепричастных и причастных оборотов и т.п.;
- выразительность, образность, эмоциональность речевых оборотов (сравнения «голод не тётка», «голодный как волк»).

Переводчики должны эффективно использовать языковые средства для эмоционального воздействия на объект пропаганды: **эпитеты; аллегорию; антитезы; фигуры; апостроф; перифраз; символы**, а также используют **метафоры, гиперболы, инверсии** и другие средства языка.

В области стилистики язык листовок часто характеризуется отклонениями от нормативного порядка слов, наличием вопросительных и восклицательных конструкций, наличием неожиданных обрывов предложений и включений. Важно помнить, что для убеждения широко используются логический вид речи, характеризующийся чётким изложением сути явления, отсутствием логических противоречий, двусмысленностей. Для устрашения и внушения отбираются наглядно-экспрессивные обороты речи и эмоционально окрашенные слова. Для ультиматума характерен волевой императивный тип речи.

Листовки, как правило, строятся на богатом фактическом материале, который передаётся через обозначение актуальных реалий (названий мест, времени действий, номеров частей и подразделений организаций, цитат и цифр). Переводчик должен хорошо знать их написание на иностранном языке, отличие фонетического произношения от написания, так как фонемы как единицы звукового уровня участвуют в выражении и дифференциации смысла, т.е.

связаны со смысловой стороной языка (пример: транспортники и транспортёры).

В любом обществе люди подвергаются социальной дифференциации по различным признакам. На этой основе возникает дифференциация языка: по возрастному признаку; по половому признаку; по территориальному признаку; по социально-классовому признаку; по профессиональному признаку; по религиозному признаку; социально-идеологическому признаку.

Используя средства языка для воздействия на различные социальные группы, переводчик должен широко использовать лексические средства языка: **профессионализмы; диалектизмы; жаргонизмы; арготизмы; вульгаризмы.**

Общеизвестно, что в плане психологического восприятия слова делятся на «тёплые», «холодные» и «нейтральные». Они по-разному воспринимаются. Так, если слушателям предложить список, состоящий из 30 слов, 10 из которых вызывают у всех отрицательное эмоциональное отношение (например, «болезнь», «смерть», «несчастье» и т.п. — «холодные слова»), 10 слов, которые вызывают у всех людей положительное эмоциональное отношение («счастье», «радость», «весна» — «тёплые слова», и 10 нейтральных слов («чайник», «стол», «стул», «стена»), то они лучше запомнят слова, вызывающие эмоциональное отношение, нежели нейтральные.

Отсюда следует, что в переводе необходимо больше использовать «тёплые» слова, включать их в центр текста, которые будут способствовать эффективному психологическому воздействию на объект.

При переводе листовок, в ходе Второй мировой войны, эффективно использовались языковые средства эмоционального воздействия на объект пропаганды: отбор наглядно-экспрессивного словарного состава, эмоционально окрашенная фразеология, многочисленные тропы и сравнения, перифразы, эпитеты, самые разнообразнейшие средства сатиры, местный колорит и т.п. При этом в ходе перевода широко использовался семантический ряд понятий (семантический дифференциал). Например:

отказываться — sich lossagen: mit D. brechen; sich von D. losmachen; j-m den Rucken zuehren, wenden,

избежать — entgehen: entkommen; entrinnen; entfliehen; entweichen einstellen: abrechnen; aufgehen; mit D. Schluss machen; mit D. aufhoren hinziehen: dehnen; verlängern ; verzögern; hinauszögern; in die Länge ziehen,

окончательный — endgültig: für immer, letztgültig,

надежда — Hoffnung: hoffen, Hoffnung auf A. haben; eine Hoffnung haben;

die Hoffnung aufgeben (sinken, lassen) seine Hoffnungen setzen auf A.;
bei j-m Hoffnungen erwecken,

сопротивление — Widerstand: widerstehen, Widerstand leisten, den
Widerstand fortsetzen, den Widerstand abbrechen (einstellen, aufgeben).

В области стилистики, язык листовок часто характеризуется отклонениями от нормативного порядка слов, наличием восклицательных и вопросительных конструкций, наличием неожиданных обрывов предложений и включений. Приведём несколько примеров, иллюстрирующих эту мысль:

Verloren sind die besetzten Gebiete im Osten und Westen!

Verloren sind die reichen Wirtschaftsquellen Europas!

Verloren hat Hitler seine einstigen Verbundeten-Itallien, Rumänien, Bulgarian und Finnland!

Verloren sind die Millionenheere mit ihrem gesamten Kriegsmaterial!
[Sie kämpften für Deutschland, 1959: 548].

На первом месте может стоять даже отдельная глагольная приставка:

“Zurück bieiben Trümmer zerstörter Städte, zurück bleibt eine Bevölkerung voller Hass, Ekel und Verteidigung gegen die Täter, die von deutscher Kultur sprachen und als Barbaren handelten” [ibid.].

Рассмотрим кратко некоторые особенности стиля языка агитационных документов. Первое, что бросается в глаза человеку, который начинает изучать язык листовки — это широкое использование анафоры.

Анафора может быть дословной и смысловой:

Das rumänische Volk hat Antonescu gestürzt...

Das bulgarische Volk beseitigte die hitlerhörige “faschistische Regierung...”

Das jugoslawische Volk führt seit der Besetzung einen zähen erfolgreichen Kampf um seine Freiheit...

Das griehische Volk wehrt sich energisch gegen die Unterdrückung (также, с. 586).

Второй особенностью листовочного стиля является эпифора. Она встречается в листовках несколько реже, чем анафора:

In Winter **1942** schickte Hitler die “Todessense” — **es folgte** Stalingrad.

in Frühjahr 1943 schickte Hitler den “Tiger” — **es folgte** Tunis.

In Sommer 1943 schicke Hitler den “Panther” und “Ferdinand” — **es folgte**

Orel, Kursk, Belgorodusw [ibid.].

Близким по форме к эпифоре является рефрен. “Гитлер — твой враг, порви с ним”. После каждого аргумента приводились как рефрен выводы “Hitleristdein Feind”.

Важной для переводчика особенностью листовочного стиля является наличие противопоставлений и антитез. Это особенно характерно для перевода эмоционально заряженных текстов, таких как, например, «Мёртвые говорят живым», где у первичных кодовых значений слов появляются вторичные кодовые значения, актуальные только для данного текста листовки. Поскольку в пропаганде среди войск и населения противника приходится обнажать и опровергать лживые аргументы противника, то метод противопоставления наших правдивых аргументов приобретает очень широкое употребление.

Die Toten an die Lebenden
Kameraden!

Wo immer Ihr seid, im Bunker, im Unterstand, in Ruhe oder auf Posten, bei Tage und bei Nacht wir heften uns an Eure Fersen, wir treten vor Euch hin, wir die Schatten von Stalingrad ! Wir waren unsere 240 000, 240 000 deutsche Soldaten wie Ihr. Jetzt modern unsere Gabeine ruhelos in fremder Erde. Sinnlos war unser Tod. Gebt ihm einen letzten Sinn. Hört unsere Warnung und lernt aus ihr.

Glaubt nicht was wir geglaubt haben! [Kirchner, 1986]...

Ещё одной особенностью листовочного стиля является широкое употребление риторических вопросов. Так, в одной листовке ставятся несколько раз следующие вопросы:

Unter wessen Führung sind wir in den Krieg getrieben?

Unter wessen Führung fanden viele Millionen an der Front und in der Heimat den Tod.

Unter wessen Führung erlebten wir die Zerstörung unserer Städte?

Unter wessen Führung haben wir uns die ganze Welt zum Feinde gemacht? [ibid.].

Читатель может сразу же дать ответ на первый риторический вопрос. Автор не торопится с ответом, а начинает серию риторических вопросов и лишь тогда, когда все возможности исчерпаны, даёт окончательный ответ: Unter Hitlers Führung!

Особенности перевода программ устного вещания

Среди известных видов речевого поведения (слушание, говорение, чтение, письмо) в военной пропаганде наибольший интерес представляет связь говорения и слушания как фактора регистрирующего цикличность процесса речевой деятельности (мотив — цель — результат). Отправителем сообщения с учётом высокой ролевой регламентации военно-профессиональной среды выступает, как правило, ведущий передачу. Поэтому особенностью речи ведущего является высокая значимость психологической составляющей

шей. Получателем информации (индивидуальным или коллективным) является офицер, солдат.

Поэтому, эмоционально-образная выразительность речи ведущего достигается лаконичностью фраз, энергичным слогом, смелыми выражениями. Расплывчатость, описательность, многословие, полисемия, синонимия из уст ведущего не вызывают побуждения к действию, так как придают выражению характер неопределённости.

Динамика боевых действий не даёт времени слушающему для обдумывания речевой формы высказывания. Соответственно и программы устного вещания по своей структуре, языку и стилю сильно отличаются от языка и стиля листовки. Отсюда вытекает один практический вывод: устное вещание требует в большинстве случаев специально для этой цели предназначенных текстов и программ, отвечающих требованиям устной агитации и особенно-стью восприятия устной речи на слух.

1. Простота материала. Следует постоянно помнить, что радиослушатели воспринимают передаваемый материал только один раз.

Простота программы означает:

а) меньше разбираемых вопросов, по возможности одна программа, один вопрос;

б) меньше сложных аргументов, т.е. преобладание аргументации конкретными фактами над логическими доводами, как правило, трудно воспринимаемыми на слух;

в) меньше деталей, уводящих в сторону, от главного или заслоняющих его;

г) меньше малоизвестных имён и титулов;

д) меньше цифр, если же, однако, имеется какой-то минимум необходимых цифр, которые обязательно нужно сохранить в программе, то недостаточно эти цифры назвать: их необходимо оживить и сделать запоминающимися посредством языка сравнений и образов. Например, в стране производится в месяц 1000 самолётов. Если эти самолёты поставить крыло к крылу вдоль автострады, то они протянутся на 15 километров.

Наглядным примером такого типа членения может быть текст устного вещания 1943 года:

«Летом 1941 года немецкая армия наступала 5 месяцев.

Летом 1942 года она наступала только 3 месяца.

А летом 1943 года её наступление длилось только 9 дней.

Летом 1941 года немцы наступали на фронте 3000 километров.

Летом 1942 года они наступали только на участке 1000 километров.

А летом 1943 года они смогли наступать лишь на отрезке 300 километров [Kirchner, 1974].»

2. Лаконизм и ясность языка.

3. **Обязательность повторений.** Учитывая неизбежные в условиях боевых действий пропуски в восприятии слушателя, в текстах передач необходимо настойчиво, по несколько раз повторять наиболее важные положения, выпадение которых может обесценить или даже сделать вредным передачу.

Повторения в программах передач возможны двух видов:

а) повторения дословные («Внимание! Мы говорим на тему: “Русский плен”! Внимание! Мы говорим на тему “Русский плен”!»);

б) повторения смысловые, т.е. осуществляемые с помощью других словосочетаний (Тема нашей передачи: «Русский плен!» Слышите? Мы будем говорить о плене, о том, как живут военнопленные в советском плену»). При каждом изменении формулировок, при каждом новом словосочетании облегчается понимание текста.

Наглядным примером может быть перевод программы устного вещания, посвящённой теме боёв под Сталинградом.

Text des Sendeprogramms:

Thema: Folgt dem Beispiel der 70 000!

Sprecher: Achtung! Achtung! Achtung!

Deutsche Soldaten! Wisst Ihr, was im Kampfraum vor Stalingrad gesehen ist?

Vor Stalingrad hat die Rote Armee den Hitlertruppen eine schwere Niederlage beigebracht. Vom 19. November bis zum 11. Dezember erbeuteten die Truppen der Sowjetarmee: 3068 Geschütze, 6162 Maschinengewehre, 2058 Panzer, 8692 Kraftfahrzeuge.

Die russischen Truppen sind schon 100–150 Kilometer westwärts und südwestwärts von Stalingrad vorgeückt. Die Offensive dauert an.

22 deutsche Divisionen wurden zwischen dem Don und der Wolga völlig eingekesselt. Ihre Lage ist hoffnungslos. 100 000 Eurer Kameraden sind im Raum vor Stalingrad gefallen. Doch bei vielen Soldaten und Offizieren hat die Vernunft gesiegt. Sie retteten ihr Leben, sie gaben sich gefangen.

Deutsche Soldaten! Mehr als 70 000 — ist die Zahl Eurer Kameraden, die in zwei Wochen vor Stalingrad die Waffen niederlegten und sich der Roten Armee gefangengaben.

Bedenkt, mehr als 70 000 Soldaten der Hitlerarmee glaubten nicht den Lügen des OKW über die angeblichen Schrecken der russischen Gefangenschaft. Auch Ihr habt den Krieg satt und möchtet Schluss machen. Aber wie? Hört, was Euch jetzt der Soldat der 6. Kompanie des Infanterieregiments 518 der 295. Infanteriedivision, Hermann Roder, berichtet.

Achtung! Es spricht der Kriegsgefangene Hermann Roder.

Hermann Roder: Kameraden! Am Abend des 29. November war unsere Kompanie von allen Seiten eingekesselt. Die Kompaniehatschwere-Verlusteerlitten [Flugblätter des Nationalkomitees, 1989].

Анализируя приведённый в качестве примера текст, следует отметить, что глубина и сила мысли выражены точными образами, сравнениями и метафорами правильно подобранными переводчиками. Например, точным подбором прилагательных и наречий.

Adjektive und Adverbien: hoffnungslos (Lage); aussichtslos (Fortsetzung des Kampfes); schwer (Niedelage, Verluste); restlos (aufreiben); streng (einhalten).

Адекватная замена и правильный выбор смыслового эквивалента — неотъемлемая часть работы переводчика над текстом.

Wendungen: Schluss machen; in Sicherheit sein; bis zum letzten Mann kämpfen; kaputt gehen; Mut und Verstand haben; am Leben sein (bleiben).

Особенностью перевода передач устного вещания является использование просторечий, солдатского сленга, что приближает слушающего к диктору. Например, высказывание военнослужащего звучит как поговорка:

“Sterben kann jeder Esel. Die Kunst ist, am Leben zu bleiben”.

Одной из особенностей перевода является приближенный перевод. Суть этого приёма в том, что вместо иностранной реалии переводчик использует реалию ПЯ, которая (по определению) обладает собственной национальной спецификой, но в то же время имеет много общего с реалией ИЯ. К примеру, понятия Sankt Nikolaus и Дед Мороз, Hanswurst и Петрушка нельзя считать идентичными, но очевидно, что в определённых контекстах они взаимозаменяемы.

Исходя из анализа перевода листовок и программ устного вещания, можно утверждать, что часто используется приём транслитерации. Он уместен только в тех случаях, когда эквивалент действительно отсутствует (самовар).

Важной особенностью является описательный перевод. Это, пожалуй, наиболее часто используемый приём перевода безэквивалентной лексики, заключающийся в передаче значения безэквивалентной лексической единицы с помощью развёрнутого описания. Например: Anlernberuf — профессия, осваиваемая в процессе краткосрочного обучения непосредственно по месту работы.

Достоинством описательного перевода является то, что он способен полно раскрыть суть явления, обозначенного безэквивалентной лексической единицей. Именно поэтому у некоторых авторов они именуется разъяснительным.

Сложные в слуховом восприятии, как по содержанию, так и по языку официальные документы (коммюнике, приказы, ноты и т.п.), по возможности, даются не текстуально (как в листовках), а в специально обработанном, облегчённом изложении: основное содер-

жание пересказывается простыми словами, детали сокращаются, а главное положение повторяется в нескольких вариантах, в том числе один-два раза — в форме цитаты. (Выдержки из Манифеста НКЗГ [Heinrich Graf von Einsiedel, 1993]).

Для привлечения внимания слушателей и облегчения восприятия в программу включается музыка, в тексте применяются диалоги, передача в два, три голоса и другие способы драматизации, вопросно-ответная форма, стихи, комментарии, памфлеты, рифмованные лозунги и другие формы оживления.

Большое значение в программе устного вещания имеет ударная, хлёсткая, хорошо запоминающаяся концовка. Следует рекомендовать рифмованные концовки-лозунги, например «Пленён — спасён!» (Gefangen — gerettet!), Для Германии есть только одна победа — конец Гитлеру и конец войне» (Es gibt für Deutschland nur einen Sieg—Schluß mit Hitler und Schluß mit dem Krieg!).

Некоторые другие требования к языку и переводу программ устного вещания:

а) Осторожное использование местоимений. Рекомендуется избегать относительных и указательных местоимений. Не злоупотреблять местоимениями «который». Личные местоимения рекомендуется употреблять только в том случае, когда совершенно ясно, к кому они относятся. Если у переводчика возникает хоть малейшее сомнение, то лучше ещё раз повторить имя собственное;

б) чаще пользоваться прямой речью и избегать употребления косвенной речи. В немецком языке для передачи косвенной речи существуют специальные языковые формы (конъюнктив), трудно воспринимаемые на слух.

Получается, что основные требования к переводу сводятся к тому, чтобы он как можно больше приближался к разговорной речи. Дело заключается не только в придании языку простоты, лаконичности и ясности. Важную роль играет при этом умение творчески использовать в передаче пословицы, устойчивые выражения, литературные образы, крылатые слова и т.д.

Удачный перевод листовок и программ устного вещания — это не только мастерское владение соответствующими трансформационными приёмами из переводческого арсенала. Он предполагает повышенное внимание сохранению в тексте перевода глобальной связности всех элементов текста в том числе на уровне его образной системы, обеспечивающей максимально возможную степень проникновенности и постижимости целостного содержания подобного рода пропагандистских материалов.

Список литературы

- Берников Н.* Оружием правды. М.: Воениздат, 1970.
- Bernikov, N.* Oruzhiem pravdy [With Weapons of Truth], Moscow: Voenizdat, 1970 (in Russian).
- Лейнбарджер П.* Психологическая война. М.: Воениздат, 1961.
- Lejnbarzher, P.* Psixologicheskaya vojna [Psychological Warfare], Moscow: Voenizdat, 1961 (in Russian).
- 70 лет Национальному комитету «Свободная Германия» / Сборник материалов научной конференции. М.: Издательство им. Сабашниковых. 2013 // Е. Торсуков. «Правнук Бисмарка о НКСГ».
- 70 let Nacionalnomu komitetu “Svobodnaya Germaniya” [70th Anniversary of “Free Germany” National Committee], Sbornik materialov nauchnoj konferencii. Moscow: Izdatelstvo im. Sabashnikovyx. 2013, E. Torsukov “Pravnik Bismarka o NKSG” (in Russian).
- Buchbender, Ortwin, Schuh, Horst.* Die Waffe, die auf die Seele zielt. Kriegführung 1939–1945. Motorbuch Verlag, Stuttgart, 1988.
- Burtzew, M.* Einsichten, Militärverlag der DDR, Berlin, 1985.
- Sie kämpften für Deutschland. Verlag des Ministeriums für Nationale Verteidigung, Berlin, 1959.
- Kirchner, Klaus.* Flugblattpropaganda im 2. Weltkrieg. Flugblätter aus Deutschland 1941, Verlag D+C, Erlangen, 1986.
- Kirchner, Klaus.* Flugblätter. Psychologische Kriegführung im Zweiten Weltkrieg in Europa, München, Carl Hanser Verlag, 1974.
- Flugblätter des Nationalkomitees Freies Deutschland. Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz, Berlin, 1989.
- Heinrich Graft von Einsiedel, Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten, Verlagsbuchhandlung, GmbH, München, 1993.

И.А. Хромова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской словесности и культурологии Ивановского государственного университета (ИвГУ); e-mail: khromova54@mail.ru,

Г.В. Токарева, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского и французского языков Ивановского государственного энергетического университета имени В.И. Ленина (ИГЭУ); e-mail: galina.tokareva@gmail.com

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА «ЧУЖОГО» (на материале переводов А.Н. Островского интермедий Сервантеса)

Рассматриваются переводы А.Н. Островского интермедий Сервантеса с точки зрения выбора стратегии перевода «чужого», сохранения в нём национально-культурных особенностей оригинала. Авторы показывают, что для переводческой манеры русского драматурга характерно преобладание дословного перевода, стратегия «остранения», в то же время он стремится сделать текст понятным русскому читателю. В статье уделяется большое внимание вопросу изучения Островским испанской литературы, культуры, испанского танца. Рассматриваются переводческие комментарии русского драматурга к интермедиям Сервантеса.

Ключевые слова: А.Н. Островский, Сервантес, интермедии, перевод, стратегии перевода, «чужое», «остранение», реалии, комментариев.

Irina A. Khromova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Russian Literature and Cultural Studies, Ivanovo State University, Russia; e-mail: khromova54@mail.ru

Galina V. Tokareva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of the Russian and French Languages, Ivanovo State Power University, Russia; e-mail: galina.tokareva@gmail.com

FOREIGNIZATION TRANSLATION STRATEGIES: TRANSLATIONS OF MIGUEL DE CERVANTES' INTERLUDES BY ALEKSANDR OSTROVSKY

The paper discusses the translations of Miguel de Cervantes' interludes by Aleksandr Ostrovsky made through the use of the foreignization translation strategy that consists in preserving national and cultural features of the original. The authors show that literal translation and the strategy of "distancing" are characteristic of the Russian playwright's translation method (although at the same time he tries to make the text clear to the Russian reader). Special attention is paid to Ostrovsky's studies in the field of Spanish literature, culture and dance. Ostrovsky's translation comments on Cervantes' interludes are analyzed.

Key words: Aleksandr Ostrovsky, Miguel de Cervantes Saavedra, interludes, translation, translation strategy, foreignization, distancing, realia, comments.

А.Н. Островский работал над переводами интермедий Сервантеса с февраля по апрель 1879 г., совершенствовал их и составлял комментарии до весны 1886 года. Это свидетельствует о том, как тщательно и добросовестно относился он к своему детищу. По мнению специалистов, эти переводы превосходят по своему качеству существовавшие в то время французские и немецкие переводы пьес испанского писателя. Однако переводы русского драматурга интермедий Сервантеса не так широко известны современному читателю. Кроме того, в полной мере не определено их место в русском переводном дискурсивном пространстве. Исключением являются глубокие, обстоятельные статьи московского учёного Ю.Л. Оболенской о переводах А.Н. Островским интермедий М. де Сервантеса¹.

Нам представляется целесообразным вновь обратиться к этим переводам в свете современной теории художественного перевода. Последняя имеет в настоящее время междисциплинарный статус в системе гуманитарных наук. Не вызывает сомнений, что её новая концепция базируется на идее связи между языком и культурой, на современных достижениях в области лингвокультурологии, устанавливающей сложные диалектические связи между ментальностью, этнической идентичностью, культурой и языком.

Переводные тексты, являясь вторичными, несут в себе отпечаток «чужого», вместе с тем переводчик должен сделать любой текст понятным читателю. Е.С. Грибановская даёт, на наш взгляд, точное определение понятия «чужого» с точки зрения теории перевода. По её мнению, это «то чужое, с чем постоянно сталкивается перевод, — это то, что не выражено в языке перевода, явления культуры исходного языка, отсутствующие в культуре языка перевода [Грибановская, 2012: 152]. Исследователь считает, что в настоящее время именно такой подход к переводу должен быть основополагающим. В другой своей статье она выделяет два основных принципа стратегии перевода «чужого»: «...перевод или «остраняется», то есть максимально приближается к оригиналу, сохраняя в себе «чуждость», свойственную произведению, созданному на другом языке <...>, или «одомашнивается», то есть приближается к принимающей культуре, делая произведение близким для читателя» [Грибановская, 2014: 234]. При этом важно, какие задачи ставит перед собой переводчик, ориентируется ли он на автора, текст оригинала или на читателя,

¹ *Оболенская Ю.Л.* А.Н. Островский — переводчик М. де Сервантеса // А.Н. Островский. Материалы и исследования. Сборник научных трудов. Вып. 2. Шуя: Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ», 2008. 310 с.; Оболенская Ю.Л. Интермедии М. де Сервантеса в переводе А.Н. Островского // Вопросы иберо-романского языкознания / МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2011. Вып. 11. С. 187–196.

прежде всего. В свете этих размышлений нам представляются особенно значимыми суждения профессора Н.К. Гарбовского, который пишет, что процесс перевода очень сложен, а переводческие стратегии «располагаются между двумя полюсами, обусловленными стремлением достичь в той или иной степени две цели: сделать непонятное понятным и в то же время сохранить верность оригиналу. Асимметрия языков и культур, сталкивающихся в акте перевода, делает невозможным достижение обеих целей одновременно» [Гарбовский, 2012: 131–132].

Переводческие стратегии зависят от многих факторов, в том числе и от того, какие языки и культуры сталкиваются в переводе. В этой связи важной задачей становится исследование механизма «включения инокультурного текста в новую культурную парадигму» [Владова, 2011: 3]. На наш взгляд, перевод А.Н. Островским интермедий Сервантеса представляется интересным и значимым именно в этом аспекте.

А.Н. Островский не был в Испании во время своего путешествия по Европе, но он всегда интересовался испанской литературой и особенно творчеством Сервантеса. В его библиотеке было собрание сочинений великого испанского писателя. Островский даже хотел перевести отдельные главы романа «Дон-Кихот». Известный театральный критик А. Кугель так объяснял интерес русского драматурга к творчеству Сервантеса: «...между духом Островского и Сервантеса очень много общего, и, во всяком случае, у Островского есть пьеса о «рыцаре печального образа» в специальной трактовке» [Кугель, 1933: 68–69]. Критик имел в виду комедию «Лес», в которой, как он считал, личность и творчество драматурга проявились наиболее ярко.

Островский высоко ценил интермедии Сервантеса: «...эти небольшие произведения представляют истинные перлы искусства по неподражаемому юмору и по яркости, силе изображаемой быденной жизни. Вот настоящие образцы того, что в живописи называют жанром. Вот настоящее высокое реальное искусство» [Островский, 1980: 204]. Драматурга-переводчика особенно привлекли «рисовка характеров» и язык его пьес, естественный и выразительный. Как известно, русский драматург сам был непревзойдённым мастером создания характеров и речевой характеристики своих героев.

А.Н. Островский, по-видимому, самостоятельно изучил испанский язык, сделал перевод интермедий Сервантеса с испанского издания 1868 года, о чём свидетельствуют пометы на полях книги испанского оригинала, который хранится в научной библиотеке Института русской литературы (Пушкинского дома). Весной 1879 года

он осуществил перевод восьми интермедий испанского писателя и пьесы «Два болтуна», приписываемой Сервантесу. Переводы первых четырёх пьес были опубликованы в журнале «Изящная литература». До последнего момента драматург сверял их с оригиналом, о чём и писал издателю журнала П.И. Вейнбергу в 1883 г.: «Они уже готовы, нужно только их проверить по другому хорошему оригиналу, который я жду из Испании» [там же: 169]. В сентябре этого же года Островский снова пишет П.И. Вейнбергу: «Всё у меня готово, но я очень совестлив и боюсь показаться перед публикой, пока не уверен, что мой перевод совершенно близок к подлиннику, что мной подобраны все слова и фразы русского языка для выражения того или иного оттенка мысли Сервантеса...» [там же: 186]. Как видим, Островский сознательно стремился к дословному, точному переводу. Специалисты так определяют метод работы Островского-переводчика: «Сперва точный подстрочник, потом постепенное его «оживление» [Маликов, Томашевский, 1978: 610].

Тонкий знаток русского языка, А.Н. Островский оказался мастером слова и в переводе, сумел художественно освоить иноязычные образы, что позволило ему дать собственную интерпретацию интермедий Сервантеса и в то же время остаться близким к подлиннику.

Напомним, что интермедии — это комические сценки, которые разыгрывались между действиями пьесы. Возникли они в средневековом театре в представлении мистерий, в которые проникали элементы народного комедийного театра, продолжали существовать и в театре эпохи Возрождения. В Испании интермедия получила развитие как самостоятельный жанр народного театра, основанного на бытовом сатирическом материале, и достигла вершины своего развития в творчестве Лопе де Руэда и Мигеля де Сервантеса. В своих интермедиях последний продолжал традиции «пасос» Лопе де Руэда, замечательного актёра, руководителя бродячей театральной труппы и драматурга.

Этот жанр был близок А.Н. Островскому, который в своём творчестве широко использовал фольклор. Особенно активно драматург обращается к нему в москвитянинский период своего творчества в начале 1850-х годов, когда пишет пьесы «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется», которые построены, во многом по эстетическим законам народного театра. Драматург почти полностью включил народную интермедию (*interludium*) «Цыган и лекарь» во второе действие исторической комедии «Комик 17 столетия».

Таким образом, как и любой переводчик, Островский столкнулся с проблемой «двойственности» перевода, о которой пишет Н.К. Гарбовский: «Переводные тексты в большей или меньшей степени несут отпечаток «чужого» текста, если переводчик старается

следовать за оригинальным текстом и не превращает перевод в переделку или переложение». С другой стороны, «текст перевода не может быть вовсе неприемлемым, «чужим» для принимающей культуры. В нём должно сохраняться ровно столько «чужести», сколько позволит носителям принимающей культуры его воспринимать» [Гарбовский, 2012: 134]. А.Н. Островский стремился сохранить эти «остатки чуждости» и в то же время сделать их понятными русскому читателю, поэтому столь тщательно и в течение длительного времени отделявал переводы, составлял комментарии к интермедиям Сервантеса.

Драматург прекрасно осознавал, что глубокое знание национально-культурного фона, стоящего за речевыми формами, очень важно при переводе художественных текстов, что особую роль здесь играют реалии (географические, этнические, бытовые, общественно-политические и др.).

С проблемой перевода реалий сталкивается практически любой переводчик. Как известно, реалии представляют собой понятия, присущие одной культуре, и отсутствующие в другой, поэтому их передача средствами переводящего языка представляет особую сложность. Большинство специалистов сегодня относят реалии к неперебиваемому в переводе, к категории безэквивалентной лексики (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров). А.Н. Островский также столкнулся с проблемой перевода реалий, решая её следующим образом: он сохраняет инокультурные реалии и поясняет их в примечаниях. Драматург кропотливо изучает испанскую литературу, культуру, традиции. Он стремится верно воспроизвести исторические и бытовые особенности эпохи начала XVII века в Испании, времени действия в интермедиях Сервантеса, изданных впервые в 1615 году. В цитированном выше письме Вейнбергу Островский сравнивает интермедии с «жанром» в живописи, изображающим повседневную жизнь, поэтому так много внимания уделяет комментированию бытовых реалий испанской жизни того времени. В пьесах «Саламанкская пещера» и «Ревнивый старик» Островский с помощью русских аналогий объясняет причины фамильярных отношений между барыней и горничной: «...было в обычае брать в услужение бедных родственниц. <...> Тот же обычай существует и у нас в среде достаточных крестьян, мещан и мелких купцов, у которых прислугу заменяют бедные племянники и племянницы» [Островский, 1978: 281]. В других случаях он поясняет название денежных единиц, неперебиваемых на русский язык: «Испанские талеры и по-русски назывались “крестовики”» [там же: 318]. В примечаниях к интермедиям «Театр чудес», «Избрание алькальдов в Дагансо» А.Н. Островский поясняет русскому читателю названия таких должностных лиц,

чиновников и служителей церкви, как «гобернадор», «алькальд», «рехидор», «сакристан» и др.

А.Н. Островскому удалось избежать «русификации» испанского быта, несмотря на то, что он стремился приблизить текст Сервантеса к читателю. Например, в комедии «Два болтуна» он заменяет словосочетание «грушевый напиток» на «грушевый кисель», что было более понятно русскому человеку. В то же время Островский не стремится быть точным во всех деталях. В интермедии «Избрание алькальдов» он не перечисляет сложные для восприятия названия городов Испании, известных своими винами, а просто уточняет: «В любом из всех испанских городов» [там же: 360].

Проблема «чужого» в переводе, как справедливо отмечает Е.С. Грибановская, не может рассматриваться только на лексико-семантическом уровне, «чужое» может принимать в тексте разные формы. [Грибановская, 2012: 152]. Это замечание справедливо и в отношении переводческой манеры Островского. Обратим внимание на тот факт, что большое место в его примечаниях к интермедиям Сервантеса занимают комментарии, в которых воспроизводится культурный контекст. При этом Островский-переводчик старается сохранить национально-литературный колорит подлинника. Он прослеживает историю сюжета, положенного в основу интермедии «Саламанкская пещера», соотносит её с «малороссийской опереткой» «Москаль-чаривник» («Солдат-колдун»), одноактной пьесой И.П. Котляревского, написанной в 1819 году, которая долгое время и с огромным успехом шла в Санкт-Петербурге в Александринском театре и в московском Малом театре. Дважды Островский в примечаниях упоминает роман Сервантеса «Дон-Кихот», а в комментарии к пьесе «Бискаец-самозванец» вспоминает испанского сатирика Луиса Велеса де Геваро и его плутовской роман «Хромой бес», который переводил в начале 1880-х гг. В примечании к интермедии «Бдительный страж» он сравнивает Сервантеса и Лопе де Вегу. К творчеству последнего он обращался ещё раньше, в 1877 году, в незавершённой рецензии о постановке пьесы «Лучший алькальд-король» на сцене Малого театра.

Свидетельством тщательного, почти научного изучения культуры Испании является статья Островского «О танце в Испании», написанная в 1879 г. во время работы над переводами интермедий. Статья была обнаружена Ю.Л. Оболенской в рукописном фонде Института русской литературы и опубликована ею в 2008 г. в сборнике «А.Н. Островский. Материалы и исследования». Особое внимание драматурга к испанскому национальному танцу было обусловлено тем, что именно этот вид искусства для него был наиболее ярким выражением духа народа, его национального своеобразия.

Как пишет Ю.Л. Оболенская, «переводчик-драматург проявил себя дотошным исследователем, пытаясь изучить историю и те характеристики испанских танцев, которые позволили бы ему глубже понять и полнее передать их функции при переводе интермедий и составлений комментариев к ним» [Оболенская, 2008: 301]. В своей статье А.Н. Островский отмечает значимость танца и сопровождающего его пения в интермедиях Сервантеса (“Saynetas”), которым в примечаниях даёт понятное русскому читателю определение: «Сайнете — это комические пьески — одноактные или двухактные, обычно завершаемые танцами и пением» [Островский, 2008: 302].

Видимо, такое понимание значимости танца в интермедиях побудило А.Н. Островского изменить порядок их следования в сравнении с испанским изданием: первая пьеса «Саламанкская пещера» и последняя, девятая, «Вдовый мошеник, именуемый Трапагос», составляют своеобразную кольцевую композицию. В первой упоминаются испанские танцы «сарабанда», «самбапало», «эскаррамон», в финале пьесы Леонарда хочет научиться танцевать «знаменитый новый эскаррамон». В последней пьесе появляется сам Эскаррамон, авантюрист и пройдоха, существовавший в действительности и по имени которого был назван танец. Он танцует под песню: «Вот из каторги вернулся молодец Эскаррамон». Островский подробно описывает испанский танец [Островский, 1978: 400]:

Что за руки, что за плавность.
Вдруг все вместе, вдруг все врозь.
И какие лабиринты —
Есть и выход, есть и вход.

Эти танцы назывались большей частью первыми словами песни, под звуки которых их исполняли. А.Н. Островский переводит эти песни в стихотворной форме, в них он выделяет припев, который повторяется в каждой строфе. Во всех девяти интермедиях, кроме пьесы «Два болтуна», песни или танцы играют существенную роль, разряжают напряженную ситуацию, как, например, в интермедии «Судья по бракоразводным делам». Причём в этой пьесе танцы и песни возникают в финале, совершенно неожиданно: «Судья. Но что это? Музыка и гитары в моей присутственной зале?» [там же: 340].

Драматург-переводчик стремился воспроизвести стиливую индивидуальность Сервантеса. Чувство языка, вкус и такт позволили Островскому интерпретировать пьесы великого испанца на языке живых образов и художественных ассоциаций своей национальной литературы. Он понимал, что перед ним стояла трудная задача, так как язык интермедий «остроумен, игрив и блестит народными оборотами, пословицами и поговорками» [там же: 278], и достойно справился с этой задачей.

Исследователи отмечали удивительную верность драматурга-переводчика в передаче «сервантовской» интонации речи, предельную естественность выражений в его переводах [Плавский, 1969: 206]. Такого результата он достиг благодаря использованию богатейших возможностей русского языка, образных слов и выражений, метафор и фразеологических единиц, пословиц и поговорок, которые отражают этнокультурное своеобразие русского народа. Ему удалось заставить говорить текст Сервантеса на языке живых образов и художественных ассоциаций русской литературы и фольклора. Об этом свидетельствуют отступления от подлинника. Так, например, в «Саламанкской пещере» Островский заменяет «...то видать вам фигуры, как своих ушей» (со значением «никогда не получить чего-то») на «...то мы с вашими фигурами останемся, как раки на мели» [Островский, 1978: 197], используя другой разговорный иронический фразеологический оборот (со значением «оказаться в беспомощном, затруднительном положении»), тем самым усиливая комический эффект. Комическое у А.Н. Островского достигается умением выбрать нужные для русской публики обороты речи, способные вызвать у читателей и зрителей неподдельный смех. В финале пьесы «Бискаец-самозванец» один из героев произносит слова «...и пойдёт у нас пир горой», в то время как у Сервантеса читаем: «...пойдёт у нас веселье». В этой же пьесе вместо витиеватого оборота «и счастье на тебя обильным дождем пролилось» Островский использует другой — разговорный: «какое счастье тебе привалило» [там же: 347]. Драматург, таким образом, активно использует образный фонд русского языка.

Анна Вежицкая, говоря о важности понимания культур через посредство ключевых слов, отмечает, что «особенности русского национального характера раскрываются в трёх уникальных понятиях русской культуры — душа, судьба и тоска, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении, к которым неоднократно возвращается русская литература» [Вежицкая, 1992: 33]. В переводах интермедий Островского мы встречаем часто такие культурные концепты, как «душа» и «совесть», выражения «по душе», «душа нараспашку», «опять душа на своё место стала», «говорю по совести», «душа моя» и т.д. Писатель использует «русизмы» — «лазутчики», «выжига» и др.; русские пословицы и поговорки («Чему быть, того не миновать», «Не всё то золото, что блестит», «Старого воробья на мякине не обманешь», «Попа и в рогоже знают»). Их не так много, и они, в целом, не нарушают национально-испанский колорит, но переводят его на язык «живых образов» и ассоциаций, понятных русскому человеку.

В меньшей степени Островскому-переводчику удалось верно передать игру слов в интермедиях Сервантеса, перевести не понятые им фразеологические обороты, воровской жаргон, архаичный синтаксис. Это справедливо отмечает Л.Ю. Оболенская [Оболенская, 2008: 162]. Тем не менее, он смог достичь подлинного внутреннего сходства с оригиналом, в результате этого получился равноправный диалог писателя и драматурга-переводчика.

Личность и творчество Островского во многом определили его выбор стратегии перевода пьес Сервантеса, которую можно отнести к стратегии «остранения» (по определению Е.С. Грибановской), то есть дословного перевода, близкого оригиналу и сохраняющего его свойства. В то же время Островский стремился сделать понятным русскому читателю пьесы автора «Дон Кихота». По существу, драматург-переводчик балансирует между ориентацией на текст подлинника и ориентацией на читателя, и ему удаётся, на наш взгляд, в целом, достичь гармонии этих составляющих.

Обратившись к интермедиям Сервантеса, Островский нашёл в них материал, соответствующий его собственным художественным устремлениям, и создал переводы, ставшие фактом отечественной литературы. Важно отметить, что его переводы до сих пор остаются единственными переводами в России. Свидетельством этого является издание интермедий Сервантеса в переводе А.Н. Островского, в серии «Литературные памятники» (2011 г.).

Таким образом, именно наш выдающийся драматург и создатель национального русского театра во второй половине XIX века открыл для русского читателя Сервантеса-драматурга и заложил основы художественного перевода в области драматической литературы.

Список литературы

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1992. 411 с.
Vezhbitskaya, A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Knowledge], A. Vezhbitskaya. Moscow: Russkie slovani, 1992. 411 p. (in Russian).
- Владова И.М.* Перевод как межкультурная коммуникация // XII конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Русский язык и литература во времени и пространстве. Т. 4. Шанхай, 2011. 723 с.
- Vladova, I.M.* Perevod kak mezhkul'turnaya kommunikaciya [Translation as cross-cultural communication], I.M. Vladova, *XII kongress Mezhdunarodnoj asociacii prepodavatelej russkogo yazyka i literatury. Russkij yazyk i literatura vo vremeni i prostranstve*, t. 4. Shanxaj, 2011. 723 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Русский переводной дискурс: миф или реальность // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы III Международной научно-практической конференции. М.: Издательство Высшая школа перевода МГУ, 2012. 598 с.

- Garbovskij, N.K.* Russkij perevodnoj diskurs: mif ili real'nost' [Russian translated discourse: myth or reality], N.K. Garbovskij, Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. *Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Moscow: Izdatel'stvo Vysshaya shkola perevoda MGU, 2012. 598 p. (in Russian).
- Грибановская Е.С.* Перевод как познание «чужого» // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы III Международной научно-практической конференции. М.: Издательство Высшая школа перевода МГУ, 2012. 598 с.
- Gribanovskaja, E.S.* Perevod kak poznanie «chuzhogo» [Translation as learning of «stranger»], E.S. Gribanovskaja, Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. *Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Moscow: Izdatel'stvo Vysshaya shkola perevoda MGU, 2012. 598 p. (in Russian).
- Грибановская Е.С.* Стратегия перевода «чужого» // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы международной научной конференции. М.: Издательство Московского университета, 2014. 729 с.
- Gribanovskaja, E.S.* Strategija perevoda «chuzhogo» [Strategy of the translation of «stranger»], E.S. Gribanovskaja, Russkij yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2014. 729 p. (in Russian).
- Кугель А.Р.* Русские драматурги. Очерки театрального критика. М.: Мир, 1933. 180 с.
- Kugel', A.R.* Russkie dramaturgi. Ocherki teatral'nogo kritika [Russian playwrights. Sketches of the theatrical critic], A.R. Kugel'. Moscow: Mir, 1933. 180 p. (in Russian).
- Маликов В.* Островский-переводчик (1850–1886) // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 9. М.: Искусство, 1978. С. 599–613.
- Malikov, V.* Ostrovskij-perevodchik (1850–1886) [Ostrovsky as a translator (1850–1886)], V. Malikov, N. Tomashevskij, Ostrovskij A.N. Poln. sobr. soch. v 12 t. t. 9. Moscow: Iskustvo, 1978. pp. 599–613. (in Russian).
- Оболенская Ю.Л.* А.Н. Островский — переводчик М. де Сервантеса // А.Н. Островский. Материалы и исследования. Сборник научных трудов. Вып. 2. Шуя: Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ», 2008. 310 с.
- Obolenskaja, Ju.L.* A.N. Ostrovskij — perevodchik M. de Servantesa [A.N. Ostrovsky as a translator of M. de Cervantes], Ju.L. Obolenskaja, A.N. Ostrovskij. Materialy i issledovanija. Sbornik nauchnyh trudov. Vyp.2. Shuja: Izdatel'stvo GOU VPO «ShGPU», 2008. 310 p. (in Russian).
- Оболенская Ю.Л.* Интермедии М. де Сервантеса в переводе А.Н. Островского // Вопросы иберо-романского языкознания / Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2011. Вып. 11. С. 187–196.
- Obolenskaja, Ju.L.* Intermedii M. de Servantesa v perevode A.N. Ostrovskogo, Ju.L. Obolenskaja, *Voprosy iberoromanskogo jazykoznanija*, Mosk. gos. un-t imeni M.V. Lomonosova. Moscow: MAKS Press, 2011. Vyp. 11, pp. 187–196. (in Russian).
- Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 9. Переводы и переделки. М.: Искусство, 1978. 664 с.

- Ostrovskij, A.N.* Poln. sobr. soch. [Complete Edition] v 12 t. t. 9. Perevody i peredelki, A.N. Ostrovskij. Moscow: Iskusstvo, 1978. 664 p. (in Russian).
- Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 12. Письма. М.: Искусство, 1980. 631 с.
- Ostrovskij, A.N.* Poln. sobr. soch. [Complete Edition] v 12 t., t. 12. Pis'ma, A.N Ostrovskij. Moscow: Iskusstvo, 1980. 631 p. (in Russian).
- Островский А.Н.* О танце в Испании. Публикация Ю.Л. Оболенской // А.Н. Островский. Материалы и исследования. Сборник научных трудов. Вып. 2. Шуя: Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ», 2008. 310 с.
- Ostrovskij, A.N.* O tance v Ispanii. Publikacija Yu.L. Obolenskoj [About dance in Spain. Publication Yu.L. Obolenskoy], A.N. Ostrovskij. Materialy i issledovanija. *Sbornik nauchnyh trudov*. Вып. 2. Shuja: Izdatel'stvo GOU VPO «ShGPU», 2008. 310 p. (in Russian).
- Плавский З.И.* А.Н. Островский — переводчик Сервантеса // Сервантес и всемирная литература. М.: Наука. 1969. С. 197–211.
- Plavskij, Z.I.* A.N. Ostrovskij — perevodchik Servantesa [A.N. Ostrovsky is Cervantes's translator], Z.I. Plavskij, Servantes i vseмирnaja literatura. Moscow: Nauka. 1969. pp. 197–211. (in Russian).

П.А. Шмитт, профессор, Лейпцигский университет; e-mail: pas@gmx.biz

**ПЕРЕВОД, ТЕХНОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА: О МЕЖДИСЦИ-
ПЛИНАРНОЙ ПРИРОДЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА /
TRANSLATION, TECHNOLOGY, CULTURE — REMARKS ON
INTERCULTURAL ASPECTS OF TECHNICAL TRANSLATION**

Бытует ошибочное мнение, что техническая документация характеризуется предельной ясностью и чёткостью по определению, и, следовательно, легко переводится. Терминология, составляющая основу технической документации, как правило, недвусмысленна и стандартизирована на международном уровне, а в случае неверного использования термина выручает контекст, устраняющий проблемы в понимании, а следовательно, и в коммуникации. В статье рассматривается ряд примеров, иллюстрирующих особенности, связанные с пониманием как специфических профессиональных, так и бытовых технических реалий носителями разных языков, что представляет собой серьёзные сложности для перевода на первый взгляд «простых» и «однозначных» единиц.

Ключевые слова: технический перевод, машинный перевод, термин, понятие, культурные различия.

Peter A. Schmitt, Professor at the University of Leipzig, Germany;
e-mail: pas@gmx.biz

**TRANSLATION, TECHNOLOGY, CULTURE: REMARKS ON
INTERCULTURAL ASPECTS OF TECHNICAL TRANSLATION**

There is a common misconception that technical documentation is, by definition, clear and hence easy to translate. The terminology is often naively said to be unambiguous and internationally standardized. Even if a term is used in a wrong way, the context will set it right as it eases the understanding and further communication. The article deals with examples which show perfectly how bewildering both specific professional terms and household technical realia might be for native speakers of different languages, which poses a real challenge in translating these apparently “simple” and “unambiguous” units.

Key words: technical translation, machine translation, term, concept, cultural differences.

This is how I started my presentation on February 19, 2016 in Moscow. Note that this Russian introduction is a fully automatic machine translation (MT) from English, performed by Google Translate, without any postediting. It may serve as an example of the progress of technology, here in our own field of applied linguistics. The progress that has been achieved over the last couple of years is amazing — absolutely admirable, if we look at it from a technological point of view. To professional translators, however, the progress in machine translation may well be frightening.

In fact, as I have argued elsewhere [Schmitt, 2015], there is one group of translators who really have reason to worry about their future: *bad* translators. I am referring to translators who are not only 400 times slower than a MT system (a fact which applies to all human translators), who are not only much more expensive, but also not significantly better than a MT output. And as recent research into neural machine translation (NMT) indicates [Yonghui Wu et al., 2016], this quality gap between MT and human translation (HT) is closing.

Technology does not only provide the foundation for MT hardware and software, it is also a terrain where MT can be applied with the best results. Technical documentation, especially manuals — typically with short sentences, simple syntactic structures, and clearly worded instructions — are the ideal field for MT. Certainly so if the source material is written in controlled language, with strict style guides and a compulsory terminology with multilingual 1:1-equivalences.

However, one should not, as is often the case, assume that technical communication and technical documentation are by definition clear and hence easy to translate. Not even the terminology — often naively said to be unambiguous, internationally standardized, with 1:1-interlingual equivalences — is as simple as one might expect. Whilst technical documents will not be comprehensible without understanding the terms, terms account to only about 20 percent of technical texts such as manuals. The rest — i.e. actually the bulk of technical documents — consists of general language elements such as standard vocabulary and prepositions. And until today, the vast majority of technical documents are not written in controlled language — which means that they include all kinds of ambiguities and may leave room for interpretation (or hermeneutics, as some translation scholars prefer to call it nowadays).

But I am not saying that technical documents are generally vague in the sense that they can be interpreted in many ways. While the meaning may appear to be unclear when looking at individual words, the meaning of larger units is usually clear enough. And the larger unit may well include not just the immediate cotext, but also the wider context, including the communicative situation, the culture, and the cognitive resources of the communicants.

Thus, even wrong usage of a term — which happens more often than one might expect, even among experts — might not result in communication problems, because usually the context sets it right. As St. Jerome wrote in his famous letter to Pamacchius “leave others to catch at syllables and letters, do you for your part look for the *sense*.” He wrote this with Bible translation in his mind, but it also applies to technical documentation: We have to *interpret* a text, any text, including technical texts, to find its true intended meaning.

These considerations about terms, meaning and sense lead us to the basic relation between words and concepts, actually to the Semiotic triangle. Here let me quote a wonderful statement by the German philosopher Arthur Schopenhauer (my emphasis):

Accordingly in learning a language, the chief difficulty lies in getting to know every *concept* for which it has a *word*, even when our own language does not possess a word that corresponds exactly to this, as is often the case. When learning a foreign language we must, therefore, mark out in our minds several entirely new spheres of concepts. So we learn not merely *words*, but gain *concepts* and *ideas*. Only after we have correctly grasped all the *concepts* which the language to be learnt expresses through separate individual *words*, only when we directly call to mind in the case of each word of the language exactly the *concept* that corresponds thereto and do not first translate the word into a word of our own language and then think of the concept expressed by *this* word — a concept that never corresponds exactly to the first one, and likewise in respect of whole phrases — only then have we grasped the *spirit* of the language to be learnt¹.

This philosophical idea is generally accepted as far as common language is concerned. Everybody readily agrees that the objects referred to by words such as French *pain*, German *Brot* and Russian *хлеб* are quite different (see 1).

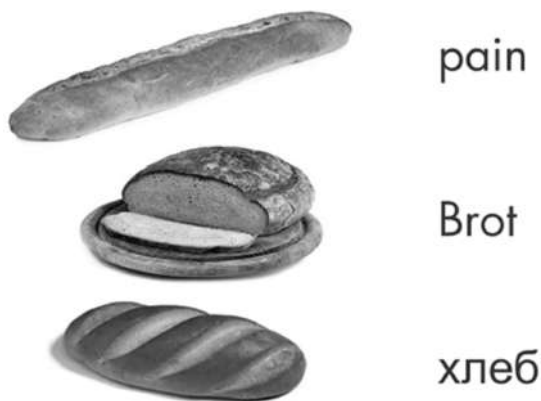

Рис. 1. Figure: Culturally different concepts of bread

¹ <http://www.bible-researcher.com/schopenhauer.html> [2017.02.05].

So, according to Schopenhauer, when reading or hearing the French word *pain*, we should NOT translate this into Russian by merely replacing the word *pain* by the word *хлеб* and only then think of a typical Russian loaf of bread (s. 2).

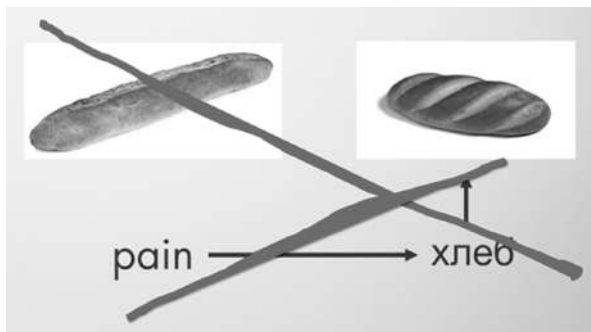

Рис. 2. Figure: Translation by replacement of words

Rather, we should first evoke the mental image (or concept) related to the word *pain* (and the prototypical French bread is the *baguette*), from there we should think of an equivalent (or closest possible) concept in the target culture, and only then should we look for a word in the target language which denotes this concept (s. 3). In Russian this would be *хлеб*. Lexically this is as close as we can get, but as the image shows, the mental concepts and real objects are fairly different.

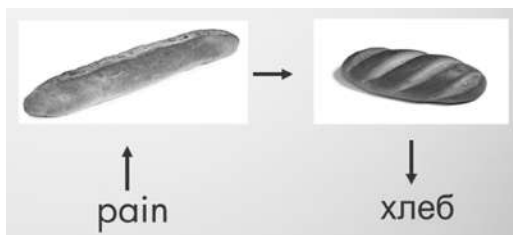

Рис. 3. Figure: Transfer from SL word via SL and TL concepts to TL word

In the following we will see that this applies to technical terms as well, and in doing so I shall proceed from very simple to highly complex terms, concepts, and objects.

Let us start with my favorite example — the term and concept of „hammer“, an example I have been using in my lectures since the mid 1980 s. Suppose we had to translate a do-it-yourself manual on house repairs. In this example we'd have the sentence „Then I used the hammer's claw to pull the nail out completely“ (s. 4).

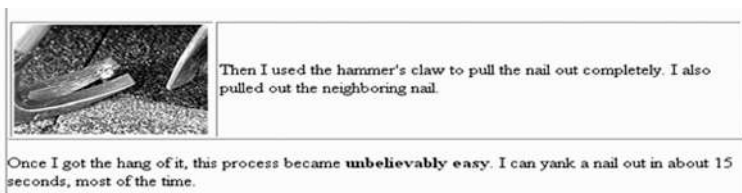

Рис. 4. Figure: Example 1: Hammer

From a purely lexical point of view this is easy to translate: If we were to translate *hammer* into German, the German equivalent *Hammer* — which differs only in the capital letter H — would lead us to believe that there is no translation problem whatsoever, and even the fully automatic translation by Google would be correct (see 5).

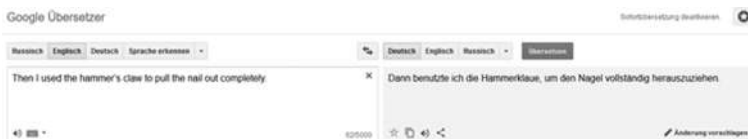

Рис. 5. Figure: Example Hammer: Google Translation eng-ger

However, the translation would only be correct insofar as the German sentence is semantically equivalent to the English source text sentence. But pragmatically the translation is wrong, because a typical German hammer (see 6) has no claw that could be used to pull nails. Hence, our translation would be useless in the target culture.

Рис. 6. Figure: Typical German hammer

To pull nails, in Germany one would use a different tool, a special type of pliers or nippers (see 7).

The situation is similar — but not identical — if we were to translate this sentence into Russian. The Russian word for *hammer* is *молоток*, and again Google translates this correctly (8).

The problem here is different in so far as since the fall of the “iron curtain” Russia has been exposed to Western culture and flooded with all kinds of artefacts

Рис. 7. Figure: Culturally specific methods of pulling nails

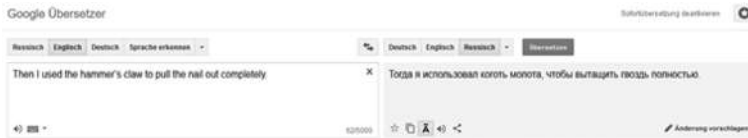

Рис. 8. Figure: Example Hammer: Google Translation eng-rus

from the West: The Kremlin’s car fleet, for instance, consists almost entirely of German cars. And while hammers in Russia used to be identical to German hammers, a *молоток* today may well look like the typical Anglo-Saxon hammer (s. *молоток*). Which means that our translation may be adequate or not with regard to a particular reader’s toolbox. But one may safely assume that a Russian reader today would understand that a hammer (albeit not necessarily the one actually at hand) can be used to pull nails.

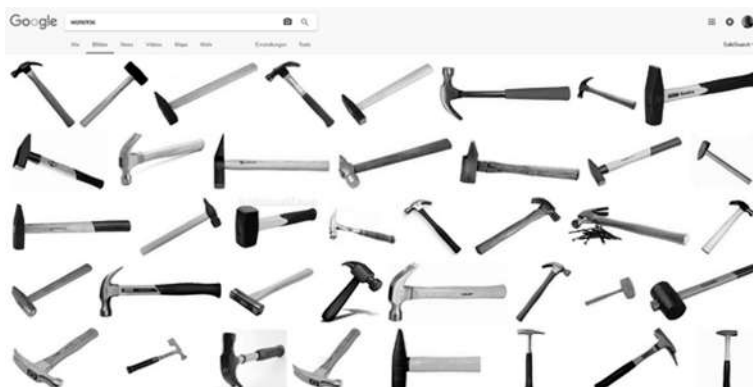

Рис. 9. Figure: Google images for *молоток*

So, when translating the English word *hammer*, one should first think of the typical English concept of a hammer, with all its features (including a claw), and then find a functionally equivalent target language concept with its related target language designation. In the example of such a DIY manual, one would have a serious translation problem insofar as the pictures show a hammer and describe a hammer function which may not be possible in all target cultures. Theoretically one could change the images in the translation process and show a typical target-culture tool in the translated text. For instance, one could show how nippers can be used to pull nails.

However, changing images is usually out of the question in translation projects, so one could resort to a lexical solution by translating the general English term *hammer* with the more specific German term

Klauenhammer. This hammer is a professional tool, mainly used by carpenters and usually not in the average household toolbox. It looks a bit different than the English-style claw hammer, but it has the same functionality as the Anglo-Saxon hammer.

Let us move on to another example, one which is more complex than a hammer. 10 shows a typical American home, a building style which you find mainly in the rural regions, or in the suburban areas of the big cities.

Рис. 10. *Figure: Typical traditional American home*

This style does not exist in Germany. But the cultural difference is not limited to style and superficial appearance. The entire design and construction are totally different. Even the most modern homes in the USA are wooden constructions — they are made of timber and wood panels (made from engineered wood, usually OSB). A typical design is shown in 11.

Рис. 11. *Figure: Typical American wooden construction*

A typical building method is called balloon framing. It is quick and cheap, but also rather fragile — as can be seen each year during the tornado season when these houses just collapse (12).

Рис. 12. Figure: Typical American home after storm

German buildings and private homes, on the other hand, are almost always solid masonry constructions, made of brick and reinforced concrete (13).

Рис. 13. Figure: Typical home construction in Germany

Obviously, this building method is much more expensive, as it involves more manual labor and more expensive materials, but the buildings are more stable physically and in terms of value, safer and they last much

longer. As a consequence, German society as a whole is less mobile than the US society: Once German families have built a home, they usually stay there. For Americans, on the other hand, mobility is a philosophy of life. Buying and selling the family home is the rule rather than an exception. Even the houses as such can be mobile. 14 shows typical examples of so-called mobile homes — they do not exist in Germany.

Рис. 14. *Figure: Typical American mobile homes*

Mobile homes are built on a chassis with wheels, they are actually trailers that can be pulled and moved by a tractor. Mobile homes can be very long and wide. Their sheer size would make it impossible to move them on German roads (15).

Рис. 15. *Figure: Long mobile home*

Not only the houses and homes as such are different, their details may differ as well. Let us look at some of the obviously different details.

The terms *Fallrohr* and *downspout* are, from a terminological point of view, 1:1 equivalents in the subject field of building construction. They refer to the vertical pipe (usually visible) that guides collected storm water from the rain gutter to the ground. Insofar, the concepts are identical. However, the properties of the objects differ from culture to culture. In Germany, downspouts are always tubular with a round cross section (usually 100 mm diameter). In Russia, they are also round, but with a larger diameter. In the U.S., however, downspouts are usually box-shaped. Whether the difference in cross-sectional shape is relevant in a translation depends on the context. If it is a German-style downspout, you can

add a fitting to a downspout (like an inspection opening, an elbow, or a branch pipe) and you can conveniently rotate this in any desired orientation. With its American equivalent, you cannot do this. In a DIY book on home repairs this might well be a crucial point at some stage.

FIG. 16. Figure: German Türklinke (left, top) vs. English doorknob (left, bottom)

Another house detail are doorknobs. By definition, a knob is “a small rounded ornament or handle”², such as the typical Anglosaxon doorknobs. The main characteristic of a knob is that it is round. We could imagine a dramatic scene in a German novel or movie where the family dog opens a door by operating the door handle and rescues the family from a burning home. In Germany, this would work well, because the handle is relatively long (typically about six inches) and provides good leverage for turning the door latch mechanism (16). In fact, our own dog — shown in 16 with my wife — can easily open doors that way (but is not allowed to do so). If we were to translate a novel with that dog-opens-door scene from German into English, the words *Türklinke* (or *Türgriff*) and *doorknob* would refer to lexical as well as functional equivalents, but in the mind of an English speaker, the word *doorknob* would evoke a concept which would be incompatible with the idea that a dog could operate it. Therefore, instead of the idiomatically correct translation *doorknob* we could use *door handle*, as this term does not have the semantic implication that the object is round.

An interesting real example of this situation occurs in the novel *A Dog's Purpose — Bailey's Story* by W. Bruce Cameron, where the narrator is a dog. In one scene, the dog wants to escape from a kennel and looks at the gate:

My gaze focused on the doorknob. [...] I remember how the man had put his hands on the metal doorknob, turned it, and pushed. Then the gate had opened. Could I do something like that?

² <https://www.merriam-webster.com/dictionary/knob> [2017.02.02].

So far, a reader would assume that the doorknob is the usual kind, i.e. round. To correct this typical assumption, the dog's narration continues as follows:

The doorknob was not round; it was a thin strip of metal.

While “thin strip of metal” is not a technically correct way of describing a (European-style) door handle, it is an acceptable description when seen through the eyes of a young dog. The story goes on as follows:

I tried again, clambering on the table and grabbing the knob with my teeth. This time I put my front paws up on the handle to keep myself from falling down, and to my surprise, the handle fell away beneath me. I slipped, and my whole body hit the lever on my way down. [...] The gate was open!

The description would merit more comments, but we must leave it at that. However, it is interesting to note what happened in the German translation of the English source text. The translation differs substantially from the original, but one detail is of special interest in our context here:

Dann reckte ich mich in die Höhe und nahm die Metallklinke ins Maul, bei der es sich nicht um einen runden Knauf handelte, sondern um ein längliches Metallstück³.

This is on page 64 of the German translation, and so far there is nothing in the text itself that indicates that the setting of the story is the USA. So, for a German reader, there is no reason to assume that the door knob is round — and explaining the shape of the door handle is a bit strange.

These cultural differences are everywhere — but they are often hidden from view. You probably know the typical Anglo-Saxon windows, the so-called vertical sash windows. They are pushed up to open them. They might look similar to typical German or Russian windows, but their inside mechanism is radically different.

Рис. 17. *Figure: Typical traditional vertical sash window*

³ Cameron, Bruce W. (2017): *Bailey — Ein Freund fürs Leben*. Aus dem Amerikanischen übersetzt von Edith Beleites. München: Wilhelm Heyne.

The prototypical Anglo-Saxon double-hung vertical sliding sash windows have complex internals (18). The important part is the internal pulley or spring mechanism (parts 3, 12 and 15) which counterbalances the heavy weight of the sash so that it is easy to push it up.

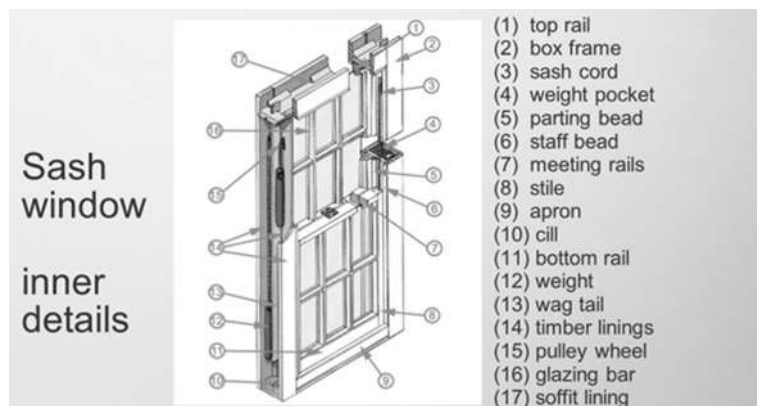

Рис. 18. Figure: Sash window, parts and internals

While it is possible to coin German terms to designate all parts of English sash windows, one should be aware that this type of window does not exist in Germany and that such terms would be neologisms (initially) and loan translations whose meaning would be unknown to practically all native Germans.

The same applies in the opposite translation direction, when trying to translate the technical details of European-style tilt-turn windows. They have two distinct functions: Swing it in like a door or tilt the top of the sash into the room for ventilation. Until very recently, this type of window was almost nonexistent in the USA, and the terms *tilt turn window* or *tilt and turn window* are still neologisms in English. Obviously, the dual ability of rotating around a lateral vertical axis as well as around a horizontal axis at the bottom is an engineering miracle, because it requires hinges which exclude each other: In the turn position, the window is hinged on the side, while in the tilt position, the window is hinged at the bottom. The mechanical miracle is achieved by some ingenious trickery which is hidden inside the window frame. So far, these hinge components have no established terms in English.

So we have a terminology problem here: Suppose a German window manufacturer wants to sell these energy-saving windows outside Europe and needs brochures and parts catalogs in English? As one cannot expect to find English terms for these window components in dictionaries, the translator may have to coin new terms in English.

Рис. 19. *Figure: Hinge details of European-style tilt turn windows*

Cultural differences in the building industries reach from the foundation, the existence and design of basements (cellars, crawl spaces), over architectural design, floor plans, room layout (and furniture), building materials, fire protection, roof types and roof construction up to the types of roofing materials. As we all know, such characteristics may vary from region to region and may even be specific to a particular city. A bird's eye view over the buildings of New York City shows us a typical characteristic: There are water tanks on each rooftop (20).

Рис. 20. *Figure: Water tanks on buildings in New York, as seen from the Empire State Building*

These archaic-looking water tanks provide a water reservoir for drinking water⁴ as well as for fire fighting⁵.

⁴ “millions of residents get their drinking water from the tanks every day. [...] But inside these rustic-looking vessels, there are often thick layers of muddy sediment. Many have not been cleaned or inspected in years” https://www.nytimes.com/2014/01/27/nyregion/inside-citys-water-tanks-layers-of-neglect.html?_r=0

⁵ <http://www.nfpa.org/codes-and-standards/all-codes-and-standards/list-of-codes-and-standards?mode=code&code=22>

Рис. 21. *Figure: Typical rooftop water tanks in New York City*

In Europe we do not have these water tanks, because we have different water supply systems, different laws, and different fire fighting technologies.

Let us move on from buildings and civil engineering to another engineering artefact with strong cultural elements: automotive vehicles. You know that some countries, not only Great Britain, but mainly in South-East Asia, adhere to driving on the left side of the road.

Red = Steering wheel on LH side = right-hand traffic = driving on RH side of street
Blue = Steering wheel on RH side = left-hand traffic = driving on LH side of street

Рис. 22. *Figure: Right- and left-hand traffic⁶*

This means that road vehicles must be localized for this — which is by no means limited to the obvious location of the steering wheel on the right or left hand side of the instrument panel.

⁶ https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/3/32/Countries_driving_on_the_left_or_right.svg/400px-Countries_driving_on_the_left_or_right.svg.png

Рис. 23. *Figure: German car localized for the Japanese market*

23 shows that — in this example — not even the center console remains the same for LH and RH drive countries. Here the selector lever of the automatic transmission is positioned on the right, in Germany it sits on the left hand side of the console. Of course, the pedals (and their associated connections), too, are placed differently. While a foot-operated parking brake is always positioned so as to be operated by the left foot, a manual parking brake lever will be operated by the left hand or right hand in different traffic cultures and may be located in the center (in which case no localization is required for RH or LH drive markets), or at the outboard side of the driver's seat (as on certain Aston Martin models; an example is shown in 24 and 25) — which requires major localization efforts.

Of course, the localization effort is not limited to engineering, it concerns the technical documentation as well. Which means that images showing a product should verbally describe and visually show the product as it actually is on the target market. However, in real life this is not always the case. For example, the German version of the owner's manual of a famous English sports car shows the location of the handbrake lever on the RH side (24). This would be true for markets with left-hand traffic such as Great Britain, but on cars sold in Germany (with RH traffic) the lever is located on the opposite side, left of the driver's seat (25). So there is a discrepancy between the product (localized) and its documentation (only partially localized). Many, actually most, of these cultural adaptations are not visible to non-experts. But even non-experts can imagine that if steering wheel, accelerator, brake and clutch pedals are moved from one side of the vehicle to the opposite side, at least some of the related equipment must also move.

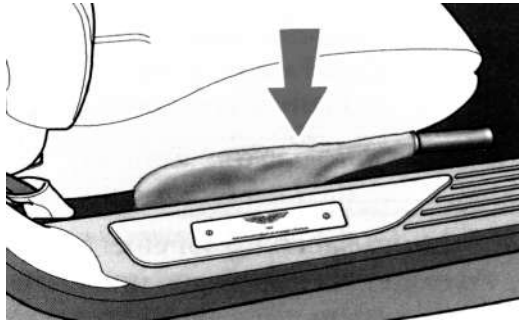

Рис. 24. Figure: Handbrake lever on RH drive car

Рис. 25. Figure: Handbrake lever (Handbremshebel) on localized English car for LH drive markets

In the case of trucks, the cultural differences are so fundamental that Daimler, the world's leading truck manufacturer, cannot sell its Actros trucks in the U.S.

Рис. 26. Figure: Typical European truck (here: Actros)⁷

⁷ http://www.schunk-medien.de/wp-content/uploads/2012/01/Der-neue-Actros_4.jpeg

Рис. 27. Figure: Typical American truck (here: Peterbilt)

On the U.S. market, the Daimler group has its unique local brand of trucks, called Freightliner. Originally, they looked like the typical Peterbilt truck shown in 27, today they are streamlined but still maintain the typical look of American trucks (28). And it's not only looks — practically everything about this truck is different from trucks in Germany.

Рис. 28. Figure: Freightliner Truck by Daimler of Germany

Is this relevant when we translate texts? After all, there is nothing wrong with the lexical equivalence of German *Lastkraftwagen* and English *truck*. But remember our simple *hammer* example: Complex objects such as trucks have a multitude of features which may differ from culture to culture. Most of the components of trucks are designated by terms which can be easily translated by lexically equivalent terms in other languages. Such as *engine* or *front bumper* or *exhaust pipe* or *sleeper cabin*.

But the equivalent terms in the other language — for example German *Motor*, *Stopfinger*, *Auspuffrohr*, *Ruhekabine* — evoke different concepts or scenes in the minds of target language readers and the actual objects look different and have different properties.

There is a multitude of other automotive things that must be localized, both in terms of engineering and documentation. Think of the instruments, e.g. the speedometer (kilometers vs. miles), think of the different ways of calculating fuel economy (liters of fuel consumed per 100 km driving distance vs. miles driven per gallon of fuel). Think of the culturally specific ways of testing exhaust emissions, as shown in the “Dieselgate” scandal that affected the entire auto industry and already cost Volkswagen billions of dollars in damages.

While a hammer is, in terms of complexity, at the simple end of the spectrum, my favorite example for an extremely complex, complicated, sophisticated, and culturally specific technical artefact are nuclear power plants. Which is why I use this example here again. From a lexical or terminological point of view, translating the term *nuclear power plant* into another world language is no problem. But the cultural differences of local concepts and local implementations of that concept are fundamental.

Such as the differences between Russian and Western-style nuclear power plants: Here the conceptual differences (graphite-moderated vs. water-moderated design) are so fundamental that an accident of the kind that occurred in Chernobyl in 1986 (cf. <http://www.chernobyl.co.uk/>) is physically impossible in Western nuclear power plants: In Western light-water reactors (LWR) the chain reaction *cannot* run out of control — the worst possible accident is the loss-of-coolant accident (LOCA). Whereas in Russian RBMK-power plants of the Chernobyl type this can lead to a catastrophic explosion, a LOCA in Western LWR would imply a loss of moderator which would cause (without the need for any human or engineered interaction) an interruption of the chain reaction. Which is why Western-style nuclear power plants are called “inherently safe” or “fail-safe” — a concept understood by experts, but difficult to convey to the general public. Even the well-educated, intelligent readership of this volume might be reluctant to accept the notion that something like an atomic power plant could be “fail-safe”.

In contrast to Chernobyl, the infamous reactors Fukushima Daiichi Units 1 and 3 are of a LWR-type (boiling water reactors) that does exist in Western countries. However, the design of these Fukushima reactors is radically different from and much less safe than nuclear power plants in Germany — it would not be granted an operating license under German nuclear safety regulations. The upper structure of the Japanese reactor buildings — in 29 called “secondary containment” — has no containment function whatsoever. It was merely a flimsy weather protection, and it is not at all surprising that it collapsed completely during the accident (30).

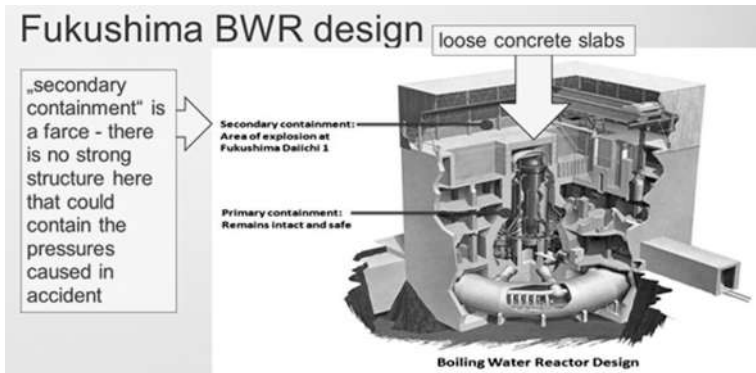

Рис. 29. Figure: Nuclear power plant Fukushima Daiichi

Рис. 30. Figure: Collapsed reactor building of Fukushima

In contrast to this, reactor buildings in Germany are built like bunkers, as solid as air-raid shelters.

Рис. 31. Figure: Typical nuclear power plant in Germany⁸

⁸ <http://www.regleo.de/Bilder/061130Philippsburg/061130Philippsburg04.jpg>

The cross-sectional view (32) of a typical German reactor building shows that all components of the nuclear steam generating system are accommodated within a hermetically sealed spherical steel containment. This steel containment shell is surrounded by an outer shell of reinforced concrete — which does not exist in the Fukushima plants. The reactor building is designed to withstand any kind of accident that could occur within the system, including the worst possible accident, which is the loss of coolant accident (LOCA). In addition, it is designed to withstand any conceivable external effect, such as earthquakes, direct attack with bazookas, nearby explosion of a fuel or gas tank ship, as well as the impact of an airplane. And, of course, it is completely flood-proof. All of this is not the case in the Fukushima plants. The safest nuclear power plant would be a German plant. In the light of this, one might wonder why only a negligible number⁹ of the 447 operating nuclear power plants worldwide¹⁰ are of this safe type, given the public concern about safety of nuclear power. But these safety features add to the price tag: The current price for a German nuclear power plant is at least five billion Euros for one 1,200 Megawatt unit, which is about 30 percent more than for competing plants. Saving at least 1.5 billion Euros on each power plant unit (usually two are needed) is a strong argument for power plant operators.

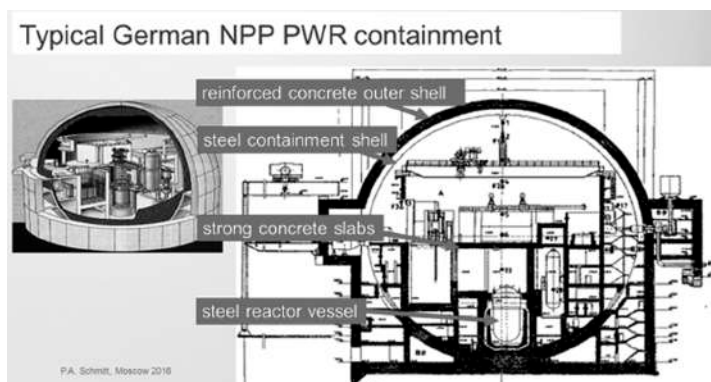

Рис. 32. Figure: Typical safety barriers of German nuclear power plants

Let us bear in mind that we are looking at this from our perspective: intercultural communication and translation. German politicians and media coverage of the Fukushima catastrophe never addressed the safe-

⁹ Currently, only five (5) nuclear power plants are still operating in Germany. <http://www.bmub.bund.de/themen/atomenergie-strahlenschutz/nukleare-sicherheit/aufsicht-ueber-kernkraftwerke/kernkraftwerke-in-deutschland/>

¹⁰ 61 are under construction (<http://www.world-nuclear.org/nuclear-basics/global-number-of-nuclear-reactors.aspx>) [2017.02.05]

ty-relevant cultural differences between Japanese and German nuclear power plants. All the reporting and the political discussion remained on the lexical (or, in this case, terminological) level, and on this level, the terms *nuclear power plant* and *Kernkraftwerk* are equivalents. The same applies to the multitude of systems and subsystems and components accommodated in these plants. On a term level, most of them have 1:1 equivalents. But the *concepts* designated by these terms and, in many cases, also the objects as such, differ dramatically from culture to culture. So radically, in fact, that the differences decide over life or death — as experienced in Chernobyl and Fukushima. And over entire economies, as in Germany.

A result of ignoring cultural differences in technology is that in June, 2011, the German government used the Fukushima accident as a reason to shut down several German nuclear power plants immediately and to abandon nuclear power generation in Germany completely by 2022¹¹. This spontaneous decision may have been premature and technologically questionable, but pragmatically it was the best one in the face of a 30-year-old, unsurmountable communication barrier between experts in an extremely complex subject field on one side and the general public on the other side. Already today, high technology is too high to be understood by the majority, and this will get worse. In a growing number of technological fields, there is an intralingual sociocultural communication barrier between experts and non-experts in addition to interlingual communication problems.

For an engineer and expert in nuclear engineering, the frame *nuclear power plant* evokes a different scene than the frame *Kernkraftwerk* — because the objects have different properties. For most people, all terms with the attribute *nuclear* have the connotation „atomic“, as in *atomic bomb*, and evoke existential fear. So the general public in Germany ignores or does not believe that to date, including the TMI accident in 1986, not a single person has died in or as result of a nuclear power plant accident outside Russia or Asia, while several 100,000 people die each year due to other industries. In Germany alone, about 10,000 people die each year in household accidents — a death toll nobody talks about¹².

This was just a quick “tour d’horizon” over the spectrum of translation-relevant cultural aspects of technology. What we see is just a tiny fraction, the tip of an iceberg; the vast majority of cultural aspects in technology and engineering are hidden.

¹¹ <http://www.zeit.de/news-062011/30/HAUPTSTORY-ATOMAUSSTIEG-DONNERSTAG31168402xml>

¹² http://www.focus.de/immobilien/wohnen/fensterputzen-stolpern-verbrennen-und-ersticken-fast-10-000-tote-jedes-jahr-zuhause-ist-es-viel-gefaehrlicher-als-auf-der-strasse_id_6600019.html

References

- Schmitt, Peter A.* (2015): “Who is afraid of MT?”. *Lebende Sprachen*. Vol. 60, No. 2, pp. 234–250, ISSN (Online) 1868-0267, ISSN (Print) 0023-9909, DOI: <https://doi.org/10.1515/les-2015-0010>, October 2015
- Yonghui Wu* (2016): Google’s Neural Machine Translation System: Bridging the Gap between Human and Machine Translation. <https://arxiv.org/abs/1609.08144v2> [2017.02.05].

ПЕРЕВОД И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

М.А. Марусенко, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: mamikhail@yandex.ru

ВРЕХИТ И ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются возможные последствия референдума о выходе Соединённого королевства из Европейского союза (Brexit) для европейской системы языков, а также для системы подготовки кадров для индустрии языков, как ЕС, так и Соединённого королевства. Референдум вывел на поверхность ранее скрывающиеся противоречия между Великобританией, Францией и Германией в области использования официальных и рабочих языков Европейского союза. Однако надежды европейцев на вытеснение английского языка могут не реализоваться из-за позиции Ирландии и Мальты. Выход Великобритании из ЕС окажет негативное влияние на подготовку кадров для её языковой индустрии, поскольку в системе образования Великобритании изучению живых иностранных языков уделяется недостаточное внимание.

Ключевые слова: Brexit, Европейский союз, официальный язык, рабочий язык, подготовка переводчиков.

Mikhail A. Marusenko, Dr. Sc. (Linguistics), Professor, Head of the Department of Romance Philology, Saint Petersburg State University, Russia; e-mail: mamikhail@yandex.ru

BREXIT AND EVOLUTION OF THE EUROPEAN LANGUAGE SYSTEM

This article discusses possible consequences of the referendum on the withdrawal of the United Kingdom from the European Union (Brexit) for the European language system, as well as the training system in the language industry in both the EU and the UK. The referendum brought to the surface the previously hidden contradiction between the UK, France and Germany on the use of official and working languages in the European Union. However, the Europeans' hope to oust the English language cannot be realized because of Ireland and Malta's standing on this issue. The exit of the UK from the EU will have a negative impact on English language learning programs aimed at training language experts for the language industry, as living language studies are being somewhat neglected in the UK education system today.

Key words: Brexit, the European Union, official language, working language, training of translators and interpreters.

Причиной изменения баланса сил между языками, свидетелями которого мы являемся, стала глобализация. Самым наглядным

и удобным для изучения примером воздействия глобализации на языковое разнообразие является Европейский союз.

В Европе сохранились 287 живых автохтонных языков (из них 24 отнесены к категории языков, находящихся под угрозой исчезновения), которые делят между собой территории и носителей. Поскольку с глобализацией мир становится всё меньше, самые мощные языки — английский, французский и немецкий — стараются подавить окружающие их менее мощные языки. Мощь этих языков тесно ассоциируется с деньгами, силой и престижем, а уделом всех остальных остаётся второстепенный статус провинциальных языков для народных масс. Региональные и миноритарные языки постепенно исчезают из образования, средств массовой информации, объявлений о приёме на работу и т.д., причём каждое новое поколение людей всё слабее социально мотивировано изучать и использовать их.

Английский язык, официальный язык Соединённого королевства, влияет на изменения языковой ситуации в Евросоюзе с момента его вступления в ЕС. Ни один их языков, используемых в Европе, не обладает такими деньгами и такой медийной мощью, как английский, которые опирается не только на силу и влияние Великобритании, но и на США, Австралию, Новую Зеландию и Канаду.

Нужно помнить, что Великобритания никогда не была примерным членом Евросоюза. Это единственная страна, против членства которой Франция дважды использовала право вето и которая смогла вступить в ЕС только в 1973 г., почти через двадцать лет после учреждения Европейского экономического сообщества, хотя в ней больше свободы торговли, больше рыночных отношений и больше атлантизма, чем в континентальных европейских странах.

Как государство — член ЕС, Великобритания, далеко не самый популярный его член, обладала значительной мягкой силой и влиянием в Европе, значительно превосходящими её участие в проекте, не в последнюю очередь благодаря английскому языку, компенсирующему многие негативные реалии (отказ от участия в зоне евро и Шенгенском соглашении).

Сохранит ли английский свой статус транснационального языка после *Brexit*? Он уже адаптирован к использованию в качестве языка транснациональных корпораций и международного бизнеса, поэтому в этой сфере он будет использоваться ещё долго.

В то же время, решение о выходе Великобритании из Евросоюза несёт серьёзную угрозу для использования английского языка на европейском континенте. Один из официальных и рабочих языков ЕС после *Brexit* рискует потерять свой статус.

Официальным и рабочим языком ЕС английский, в соответствии с Регламентом № 1 от 1958 г., является с момента вступления Соединённого королевства в ЕС в 1973 г.

В Евросоюзе различаются официальные и рабочие языки. Он имеет 24 официальных и 3 рабочих языка (английский, французский и немецкий, хотя на практике, общеупотребительными являются только два первых). Любой гражданин ЕС имеет право обращаться в любые европейские инстанции на своём родном языке, не опасаясь наделать ошибок в иностранном языке. Все выступления в Совете Европы синхронно переводятся на все официальные языки, и ЕС не взимает плату за эту услугу. Таким образом, граждане ЕС не подвергаются дискриминации по поводу своего родного языка, и это позволяет Евросоюзу декларировать языковое равенство.

Необходимо отметить, что понятие «три рабочих языка» не фигурирует ни в одном законодательном документе. В 2004 г. была сделана попытка вставить его в Европейскую конституцию, но после её отклонения гражданами ЕС оно было убрано и из Лиссабонского договора, заменившего конституцию.

То, что эти три языка нигде не называются, дало основание Испании и Италии оспаривать правомерность проведения конкурсов на занятие должностей еврочиновников только на этих трёх языках [Keating, 2016].

Однако на практике языкового равенства не существует. Так, немецкий канцлер Гельмут Коль считался «провинциалом», поскольку он не мог общаться по-английски с другими мировыми лидерами, тогда как Маргарет Тэтчер или Рональду Рейгану, никогда не говорившим на другом языке, кроме родного английского, это никогда не ставилось в вину.

С 2008 г. по 2011 г. доля текстов, составленных на английском языке в Еврокомиссии, увеличилась с 74,6 до 77,04%. За это же время позиции французского языка сократились с 8,32 до 7,13%. Немецкий, имеющий почти 100 млн носителей языка как родного, играет маргинальную роль с 2,74% оригинальных текстов [Simon, 2016].

Английский является самым употребительным языком, используемым в учреждениях ЕС в Брюсселе и Страсбурге. Тот вариант английского, который используется в евроучреждениях, отличается от британского или американского вариантов. В Европе насчитывается около 70 млн носителей английского языка от рождения и двуязычных, поэтому он фигурирует среди самых употребительных европейских языков. Однако за пределами Соединённого королевства на нём говорит минимальное число людей, проживающих в Ирландии (4,6 млн) и на Мальте (0,4 млн). На статус рабочего языка ЕС могут также претендовать итальянский (60 млн), испан-

ский (46,5 млн) и французский языки (64,5 млн). Нельзя не учитывать, что немецкий язык, являющийся самым распространённым языком ЕС, также может претендовать на эту роль. Языки новых государств-членов, например, польский (38,5 млн), также могут стремиться стать новым европейским брендом.

Такое положение существовало не всегда. До 1993 г., когда в ЕС вступили Австрия, Швеция и Финляндия, главным языком коммуникации в евроучреждениях был французский. Частично это объяснялось историческими причинами: эти учреждения располагались преимущественно во франкоязычных городах: Брюсселе, Люксембурге и Страсбурге, а британские и ирландские чиновники были недостаточно многочисленны, чтобы изменить языковой режим ЕС. Основным занятием английских переводчиков был перевод с французского текстов, направляемых затем для обсуждения британским и ирландским политикам и чиновникам.

После 1993 г. евроучреждения всё больше стали использовать английский для написания документов, и он стал первым иностранным языком для большинства новых еврочиновников, которым для участия в переговорах был необходим общий язык.

После расширения ЕС в 2004 г., когда его состав увеличился сразу на 10 государств-членов, почти все новые чиновники были выпускниками национальных образовательных систем, в которых первым иностранным языком был уже английский, а не французский.

Это не удивительно, потому что значение французского как международного языка дипломатии неуклонно сокращалось с конца Первой мировой войны и сегодня он полностью вытеснен английским.

Сегодня большинство документов, циркулирующих в Еврокомиссии, составляются на английском языке. Смена языка произошла довольно быстро, хотя она тяжело переживалась сотрудниками старшего поколения, которые всю свою трудовую жизнь имели дело с французским языком. Радикальным образом изменилась и работа переводческих служб: вместо перевода исходящих документов с английского, их основной задачей стал перевод на английский входящих документов, направляемых государствами-членами на многочисленных официальных языках. Сегодня английский переводчик Еврокомиссии переводит в среднем с шести языков. Резко сократился спрос на переводы с английского, потому что в образовательных системах государств-членов он уже стал первым иностранным языком, которым в обязательном порядке владеют все еврочиновники [Carey, 2016].

Тем не менее, англичане и ирландцы занимают исключительное положение среди других европейцев, могущих в большей или меньшей степени использовать в своей работе английский язык.

Если английский останется официальным языком ЕС, это откроет большие возможности для граждан Ирландии, благодаря их естественному знанию английского языка. Участие в конкурсных процедурах без конкуренции британцев оставляет ирландцам больше шансов, чем раньше [ibid.].

Brexit создал новый языковой сценарий, даже если народы сохраняют приверженность своим родным языкам и большинство европейских граждан по-настоящему не затронуты многоязычием [Mariani, 2016]. Уже 27 июня «Уолл-стрит джорнэл» отметила, что европейские лидеры стали больше, чем ранее, использовать немецкий и французский языки. Возникла реальная возможность изменения языкового баланса ЕС [Xavier Vila, 2016].

С чисто количественной точки зрения *Brexit* означает, что носители английского языка как родного становятся в ЕС маргинальной языковой группой. Если экстраполировать данные «Евробарометра-2012» на сегодняшнюю Европу без Соединённого королевства, доля носителей английского как родного в общем населении ЕС упадёт с 13 до 1,8%. Конечно, если добавить к ним носителей английского как второго языка, он останется самым употребительным языком в ЕС (в 2012 г. 38% европейцев сообщили, что они могут пользоваться английским как вторым языком, против 12% и 11% для французского и немецкого языков соответственно). В том же году две трети населения Европы отметили, что английский является одним из двух самых распространённых европейских языков, вместе с немецким (17%) и французским (16%).

В среде самого образованного и молодого европейского населения он является абсолютным лидером. Особенно наглядно его доминирование проявляется в евроучреждениях, где большинство документов составляются на английском языке либо он является единственным официальным языком (например, в Европейском Центробанке), а также в использовании на двусторонних и многосторонних переговорах. В учреждениях ЕС работают 1750 лингвистов, 600 ассистентов, 600 штатных переводчиков и 3000 внештатных переводчиков. Их задачей является перевод всех официальных документов на все официальные языки, но главным остаётся английский язык.

Независимо от судьбы *Brexit*, английский останется доминирующим языком в мире в сферах финансов, науки и технологий, медицины, контроля за воздушным движением и т.д. ООН, НАТО, ОПЕК и многие другие глобальные организации будут продолжать использовать английский язык в своей повседневной деятельности. Другое дело, продолжат ли все бастионы европейской инфра-

структуры, расположенные в Брюсселе, Страсбурге или Франкфурте, по-прежнему функционировать на английском языке?

Когда были подведены результаты референдума в Великобритании, французский левый евродепутат и кандидат в президенты Франции Жан-Люк Меланшон сразу же заявил: «*Английский больше не может быть третьим рабочим языком Европейского парламента*».

Тем самым, старое подковёрное соперничество между тремя ведущими языками ЕС вырвалось наружу и приняло форму открытой борьбы. Ещё в 2012 г. французы отреагировали на ключевые рекомендации Еврокомиссии для еврозоны, которые были опубликованы «*на языке, на котором говорят менее 5 млн ирландцев*» [Linn, 2016]. До 1990 г., когда в ЕС вступили Швеция, Финляндия и Австрия, доминирующим языком евроучреждений был французский. Изменению этой ситуации способствовало и вступление стран Центральной и Восточной Европы, избравших английский своим вторым языком. Франция так и не смирилась со своим языковым поражением, хотя число еврочиновников, использующих французский язык, неуклонно сокращалось.

Франция всегда сопротивлялась интеграции Великобритании в континентальную Европу. История Евросоюза началась с подписания в 1951 г. Парижского договора о создании Европейского сообщества угля и стали, от членства в котором Великобритания отказалась. По мере создания политических и экономических условий в 1957 г. были созданы общий рынок — Европейское экономическое сообщество и Европейское сообщество по атомной энергии, которые образовали основу Европейского союза, каким мы его знаем сегодня.

Изменив своё отношение к Европейскому общему рынку, Великобритания впервые подала заявку на вступление в эти сообщества в 1960 г. Но французский президент Шарль де Голль воспользовался правом вето, и только в 1967 г., при президенте Жорже Помпиду, занявшем его место, Великобритании удалось повторно подать заявку на вступление, которая была удовлетворена в 1973 г. Но на этом дело не закончилось, и в 1975 г. Великобритания приняла закон о референдуме о вступлении в Европейские сообщества, на котором большинство британцев (67,2%) поддержали вступление в ЕЭС. После этого она оставалась членом Европейского союза, но в течение 40 лет поддерживала евроскептицизм, что привело к референдуму о выходе из ЕС в 2015 г. (*Brexit*), на котором 51,8% британцев проголосовали за выход.

Ещё в 2012 г. политический обозреватель французской газеты *Libération* Жан Катремер написал о недопустимых конкурентных преимуществах, которыми пользуются англосаксы в ЕС, что ставит

под сомнение демократическую легитимность этого союза. Он выразил сомнение в том, что можно управлять еврозоной с населением 330 млн человек на языке, на котором говорят менее пяти миллионов ирландцев [Quatremer, 2012]. Спикер Еврокомиссии Оливье Байи ответил на эту публикацию, что понимает огорчение французов, но призывает «смириться», потому что английский уже стал самым употребительным языком ЕС.

Сегодня мэр французского города Безье, член Национального фронта Роберт Менар утверждает, что английский язык больше не обладает легитимностью в Евросоюзе.

Французы, в нетерпении воспользоваться даже потенциальной возможностью реванша, сразу приступили к практическим мерам: их финансовый регулятор *Autorité de contrôle prudentiel et de resolution* и контролёр финансовых рынков *Autorité des Marchés Financiers* объявили об упрощении процедуры регистрации компаний, базирующихся в Соединённом королевстве и желающих перенести всю или часть своей деятельности в страны ЕС. При этом английских бизнесменов ожидают англоговорящие французские чиновники, а документы, необходимые для регистрации компаний в Европе, могут представляться на английском языке [BREXIT, 2016].

Сегодня граждане Великобритании имеют право жить и работать во Франции, и французское правительство не может требовать у них знания французского языка. Французы предвкушают ситуацию, когда после выхода из ЕС и исключения Великобритании из единого экономического пространства, британцам придётся получать визы для проживания и работы во Франции, а та в качестве условия выдачи визы выставит знание французского языка, как это делается в отношении других иммигрантов.

После публикации результатов *Brexit* одним из самых часто задаваемых в *Google* стал вопрос о том, как получить ирландский паспорт. Поскольку Ирландия остаётся членом ЕС, то британцы, имеющие право на ирландский паспорт, сохраняют возможность свободно перемещаться по странам ЕС. Ситуацию подогрел ирландский министр иностранных дел Чарли Фланаган, заявивший, что из-за повышенного спроса претендентам придётся долго ждать. В почтовых офисах в Северной Ирландии закончились анкеты для получения паспорта, а посольство Ирландии в Лондоне стало получать по 4000 заявлений в день, против 200 заявлений в обычное время [Craw, 2016].

Для европейцев речь идёт о лишении английского языка его статуса главного официального и рабочего языка ЕС, а для Великобритании — о том, сможет ли её народ приобрести необходимые компетенции в других языках или его ожидает языковая изоляция.

Мнения экспертов разделились согласно их национальной, политической и территориальной принадлежности.

Британцы считают, что Р. Менар ошибается и что комплекс проблем европейского многоязычия не ограничивается единственным критерием членства в ЕС. Официальный язык государства-члена не становится автоматически официальным языком ЕС: для признания его таковым необходима просьба государства. Каждое государство-член имеет право заявить один официальный язык, и Соединённое королевство является единственной страной, заявившей английский язык в качестве своего официального.

Если государство покидает ЕС, его язык также должен перестать использоваться в нём, хотя подобных прецедентов не существует. По мнению англичан, выход Великобритании из ЕС не является основанием для прекращения использования английского языка в ЕС, потому что он является вторым официальным языком Ирландии и Мальты, которые остаются членами ЕС (но не заявляли его в качестве своего официального языка в ЕС. — *Прим. наше*).

Другой точки зрения придерживается глава Комитета по конституционным вопросам Европарламента, польский депутат Данута Хюбнер: *«У нас есть правовой акт, по которому каждое государство ЕС имеет право заявить один официальный язык. Ирландия заявила гэльский, а Мальта заявила мальтийский, и только Соединённое королевство заявило английский... Если у нас нет Соединённого королевства, нет и английского»* [цит. по: Webster, 2016]. Английский может оставаться рабочим языком ЕС, даже потеряв свой статус официального языка, добавила Д. Хюбнер, но для этого необходимо согласие всех государств-членов. Кроме того, можно изменить европейский регламент и позволить государствам-членам иметь более одного официального языка.

С юридической точки зрения, удаление языка из списка официальных языков ЕС является трудной, если не неразрешимой проблемой. Во-первых, придётся внести изменения в Регламент ЕС № 1 от 1958 г., который регулирует языковой режим Евросоюза, изменяющийся при вступлении каждого нового члена. Добавление нового языка в этот список производится автоматически при принятии закона о принятии нового государства-члена.

Обратная процедура будет чрезвычайно трудной, поскольку она потребует единогласного голосования всех государств-членов. Статья 342 Договора о функционировании Европейского союза: *«Без ущерба положениям, предусмотренным Статутом Суда Европейского Союза, языковой режим институтов Союза устанавливает Совет, постановляя единогласно посредством регламентов»*, означает, что любые изменения языкового режима учреждений Евросоюза

должны приниматься консенсусом на заседаниях Совета министров [Договор, 1957].

Понятно, что обе англоязычные страны, Ирландия и Мальта, будут голосовать против исключения английского из списка официальных языков. Такая ситуация более чем вероятна, особенно, если принять во внимание тот факт, что Евросовет принял ряд временных ограничений в отношении гэльского и мальтийского языков, сильно ограничив перевод и публикацию документов евроучреждений на этих языках.

Таким образом, получается, что механизм, созданный для защиты многоязычия в ЕС и обеспечения равноправия менее распространённых официальных языков, типа датского, шведского, мальтийского и т.д., используется теперь для защиты мажоритарного официального языка — английского [Vitores, 2016].

В своё время Ирландия и Мальта предпочли заявить гэльский и мальтийский языки своими официальными языками исключительно ради того, чтобы утвердить культурную и языковую идентичность своих стран среди других членов ЕС.

Конечно, теоретически, Ирландия может потребовать официальный статус для языка, на котором обычно говорит свыше 95% её населения, но скорее англосаксы будут акцентировать его роль как якобы нейтрального прагматического языка, каким он стал в постколониальных государствах.

Атака Ж.-Л. Меланшона является более изощрённой, так как она направлена против английского языка в качестве рабочего, а не официального языка. Для облегчения коммуникации внутри ЕС некоторые дискуссии в определённых европейских организациях ведутся на ограниченном числе языков. Вопреки утверждению французского депутата, это не относится к сессиям Европарламента (кроме пресс-конференций). Еврокомиссия, напротив, имеет три официальных рабочих языка: французский, немецкий и английский) [Clavel, 2016].

Выбор языков, несомненно, объясняется влиятельностью государств-членов, но определённое влияние оказывают практические соображения и исторические традиции. Так, прения в Суде Европейского союза ведутся на французском, а Европейский Центробанк работает исключительно на английском языке, хотя Великобритания не входит в зону евро и сохранила свой валютный суверенитет.

Франция и Германия торопятся воспользоваться ситуацией, которую они считают несправедливой. Они не ставят своей целью полное устранение английского языка, но пытаются взять в свои руки контроль за его использованием в ЕС. В первую очередь, они постараются навести порядок с собственными европейскими ре-

гламентами. В настоящее время многие европейские законы сначала публикуются на английском языке, а версии на других языках никогда не появляются. Поэтому необходимо, чтобы публикация версий на других официальных языках стала более распространённой практикой, и начать следовало бы с французского и немецкого языков. Германия, не проводящая активной языковой политики, допустила резкое свёртывание использования своего языка, хотя он является самым употребительным языком в Европе (18% против 12% для французского и 13% для английского). Поэтому английский и французский являются фактически двумя рабочими языками евроучреждений. Так, ежедневные брифинги Еврокомиссии проводятся только на этих двух языках.

В этих условиях можно предположить, что Франция разработает и будет проводить стратегию институционального вытеснения английского языка в пользу французского, добиваясь для него статуса, какой он имел до вступления Великобритании в ЕС в 1973 г. Существует соглашение о языковом сотрудничестве, подписанное в 2000 г. министрами иностранных дел Франции и Германии, предусматривающее взаимную поддержку статуса и использования обоих языков в евроучреждениях. Это соглашение может быть поддержано другими государствами, поскольку оно направлено на усиление присутствия других официальных языков в ЕС.

Вне всякого сомнения, *Brexit* окажет сильное влияние на систему подготовки кадров для языковой индустрии Великобритании.

Проявления евроскептицизма и национализма не способствуют повышению интереса к изучению живых языков в Великобритании, где уже давно наблюдается спад изучения иностранных языков в учреждениях среднего и высшего образования.

Будучи нацией гордых монолингвов, британцы не обращали внимания на то, что в течение многих лет число изучающих иностранные языки постоянно сокращается. Они даже радовались тому, что отказ от изучения других языков ежегодно экономит им около 48 млрд фунтов стерлингов. Только очень немногие возражали против отмены обязательного изучения иностранных языков в системе общего образования, поэтому люди, говорящие на каком-нибудь иностранном языке, составляют в Великобритании незначительное меньшинство. В 2004 г. лейбористское правительство вообще отменило обязательное изучение иностранных языков для 14–16-летних школьников и, несмотря на последующее введение *English Baccalaureate* коалиционным правительством, ситуацию не удалось переломить. Если в 1998 г. 85,5% кандидатов на получение аттестата об общем среднем образовании (*General Certificate of Secondary Education — GCSE*) сдавали экзамен по иностранному

языку, то в 2015 г. их доля упала до 47,6%. Ещё хуже обстоит дело с изучением иностранных языков на Программе предвуниверситетской подготовки (*A-Level*), где студенты предпочитают выбирать предметы, по которым, как они считают, легче получать высокие баллы, необходимые для поступления в университеты.

Только 9% британских школьников говорят на каком-либо иностранном языке, тогда как доля их европейских сверстников в среднем составляет 42%. Рост числа изучающих иностранные языки наблюдается в узком сегменте китайского и японского языков [English, 2016].

В то же время, по данным Евростата, в среднем 94% учащихся средних школ и 83% учащихся начальных школ в государствах — членах ЕС изучают английский как первый иностранный язык, что более чем в четыре раза превышает число изучающих французский, немецкий и испанский языки. Только в Великобритании и Ирландии французский занимает первое место по числу изучающих.

Так, если Оксфорду удастся набирать хороших кандидатов, языковые департаменты в других университетах сокращаются или закрываются. Этот тренд должен быть изменён, и для этого недостаточно только ввести иностранный язык в список обязательных предметов для получения британского диплома бакалавра или в учебные планы Программы предвуниверситетской подготовки.

В то же время, в других государствах ЕС изучение второго языка начинается уже в начальной школе. Национальные правительства и частные лица вкладывают огромные суммы в изучение английского языка. В 2012 г. рынок услуг по изучению английского оценивался в 63,3 млрд долларов, а прогноз его роста на 2017 г. составлял 193,2 млрд долларов. В некоторых странах Северной Европы он превратился из иностранного во второй язык [Linn, 2016].

К сожалению, многое указывает на то, что текущая ситуация, уже признанная неудовлетворительной, ухудшится после выхода Великобритании из ЕС.

Изучение языков, стажировки и поездки молодёжи являются одними из приоритетов внутренней европейской политики. Программа *Erasmus* и другие программы обмена и академической мобильности дают британским студентам и преподавателям возможность учиться и работать в Европе. Программа *Erasmus+* была единственной европейской программой, финансирование которой не было урезано в 2013 г., когда сокращался бюджет ЕС. Потерю этого финансирования будет нечем заменить, если Великобритания выйдет из ЕС.

Так, за последние семь лет около 200 000 студентов и 20 000 университетских преподавателей воспользовались зарубежными ста-

жировками с помощью программы *Erasmus*, предоставившей британцам гранты на общую сумму 1 млрд евро. В случае выхода из ЕС эти средства придётся возмещать из собственных источников, либо отказать британским студентам в совершенствовании в иностранных языках и знакомстве с другими языками и народами [Griffin, 2016].

С конца 1990-х гг. в Великобритании отмечается сокращение программ международного обмена в государственных школах. Только 39% государственных школ организуют обмен с проживанием в принимающих семьях в других странах. Основной формой мобильности британских школьников стало проведение уикенда на пляжах Южной Испании, мало что дающее для межкультурной коммуникации, которая, в основном, проходит в международных аэропортах, похожих друг на друга, или в сетевых кафетериях Starbucks.

В то же время, в докладе Британского совета по изучению языков, опубликованном в 2013 г., отмечается, что Соединённое королевство заинтересовано в повышении уровня изучения арабского, японского и китайского языков. Но для этого потребуются изменить отношение к неевропейским языкам среди политиков, бизнесменов и родителей [Vera, 2016].

Вexit в перспективе резко увеличит потребности в языковых компетенциях. Хотя в ближайшие годы английский сохранит своё место главного языка ЕС, переход от единого рынка к двусторонним торговым соглашениям потребует от Великобритании более интенсивного использования рабочей силы с развитыми языковыми компетенциями, причём речь идёт не только о европейских языках, но и восточных, включая арабский.

В настоящее время в среднем образовании наблюдается массовый отказ от изучения иностранных языков. Немецкий и русский языки практически исключены из программ, так как они считаются трудными для изучения, а школы фокусируются на изучении естественных наук и математики. Главной проблемой Великобритании является отношение к изучению иностранных языков: носители языка глобальной коммуникации чувствуют себя самодостаточными. Англоцентрический подход к проблемам языка и культуры отрезает британцев от культурного контента, создаваемого по ту сторону Ламанша. Одним из факторов, способствующих Вexit, стало ощущение, что Великобритания должна теснее ассоциироваться с англоязычными странами, прежде всего, с США, вместо того, чтобы стараться сблизиться со своими европейскими соседями.

Исследование, проведённое Британским советом, показало, что с 1999 г. число учащихся, изучающих французский или английский языки по Программе предуниверситетской подготовки, со-

кратилось на 50%. В период с 2005 по 2015 гг. число изучающих французский язык сократилось ещё на 40%.

В ближайшем будущем рост интереса к изучению иностранных языков может быть вызван протестным движением молодых избирателей, большинство которых голосовало за сохранение членства в ЕС. Молодёжь начнёт изучать европейские языки и искать работу на континенте, когда поймёт, что она потеряла и что необходимо для укрепления связей с Европой.

Молодые люди, имеющие дипломы по современным языкам, будут иметь хорошие перспективы трудоустройства, потому что способность говорить на иностранном языке является редким качеством для британцев [English, 2016].

Многие аналитики прогнозируют снижение использования английского и рост использования французского на официальных переговорах в евроучреждениях. Это вызовет срочную потребность в переводчиках, способных участвовать в переговорах по новым торговым соглашениям, которые Великобритании придётся заключать после выхода из ЕС. Подтвердится старая поговорка: если вы хотите что-нибудь купить, подойдёт любой язык, но если вы хотите что-нибудь продать или попросить об услуге, вы должны говорить на языке вашего партнёра по переговорам.

Реализация процедуры выхода из ЕС потребует длительного переговорного процесса. Эти переговоры должны будут вестись с каждым европейским государством индивидуально, и оптимальные условия для британского бизнеса должны обсуждаться по каждому сектору в отдельности. Эти переговоры будут вестись на английском языке, потому что британский бизнес не готов к проведению переговоров на французском, немецком, итальянском или испанском языках. В такой ситуации каждая европейская страна будет нуждаться в большом числе подготовленных специалистов для каждой из сфер экономики, имеющих высокий уровень компетенций в английском языке. Всех этих людей ещё предстоит подготовить.

Референдум о членстве Великобритании в ЕС состоялся 23 июня 2016 г., однако его последствия ещё только начинают осмысливаться. Люди самых разных профессий пытаются представить себе своё неясное профессиональное будущее. Переводчики не являются исключением, т.к. у них, так же как и у других работников индустрии языковых услуг, есть все основания для тревоги, поскольку спрос на их услуги зависит от состояния международного бизнеса.

Влияние *Brexit* на индустрию перевода Великобритании может иметь как краткосрочные, так и долгосрочные последствия.

К краткосрочным относятся:

1. Падение стоимости национальной валюты (фунта стерлингов), делающее британские товары дешевле американских и, следовательно, позволяющее надеяться на рост объёма заказов.

2. Экономический спад неопределённой длительности. Правительство будет поощрять бизнес сокращать персонал и инвестировать в новые предприятия и оборудование.

3. Юридическая путаница, поскольку законы за время членства в ЕС оказались очень запутанными. Это породит огромный объём работы для индустрии юридических услуг, требующих языковой поддержки. Вопрос заключается в том, кто заплатит за это миллиарды фунтов стерлингов.

4. Неясности будут существовать в течение 24 месяцев после начала процесса. Большой бизнес будет воздерживаться от инвестиций до окончания этого периода, что приведёт к экономическому спаду.

Долгосрочные последствия включают:

1. Рост торговли со странами, не входящими в ЕС (напр., Нигерия, Индонезия, Малайзия, Турция и т.д.). Для британской индустрии переводов это обернётся ростом объёмов переводов на большее число языков.

2. Реальная опасность потери Лондоном роли мирового финансового центра.

3. Экономическая рецессия в Соединённом королевстве.

4. Изоляционизм.

Весьма вероятно опасность рецессии в ЕС. Многие переводчики и другие профессионалы индустрии переводов пережили кризис 2008 г. и знают, чего ожидать: выживет только самый сильный бизнес, нужно сокращать затраты и повышать конкурентоспособность. Снижение внутреннего спроса заставит британский бизнес искать новые возможности в других странах. Индустрия переводов будет искать новых заказчиков в странах долларовой зоны или зоны евро, особенно в комбинациях, где одним из языков является английский, поскольку британские расценки на переводы станут более конкурентоспособными, чем раньше.

Если же Соединённое королевство станет лидером торговли с остальным миром, объём заказов для переводчиков будет расти экспоненциально. Профессионалам придётся изучать культуры и экономические тренды, существующие за пределами ЕС. Самыми важными факторами считались Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство (ТТИП), развитие китайской экономики и экономики развивающихся стран. Европейский союз также сохранится, но, возможно, в другой форме. Британские компании

будут торговать со всеми, а индустрия переводов будет помогать бизнесу вовлекать в рынок потребителей с другими культурами.

Что касается английского языка, объём переводов с английского и на английский будет расти, но существует опасность потери его официального статуса в ЕС.

Хотя избиратели уже сделали свой выбор, не существует ни конкретной даты, ни конкретных мер по осуществлению выхода из ЕС. Непосредственной угрозы потери работы для переводчиков пока не существует, однако если неопределённость с условиями выхода продлится, бизнес будет уходить из Соединённого королевства, что окажет негативное влияние на переводческий бизнес, работающий в Великобритании.

Переводческие предприятия, работающие в Соединённом королевстве, должны заниматься сокращением расходов. Им придётся ограничиться использованием сотрудников, согласных работать по британским расценкам, т.е. проживающих в стране. Если же большинство сотрудников требует оплату в евро или долларах, в новой ситуации заказы, прежде бывшие выгодными, станут приносить убытки.

Свободное движение персонала было ключевым преимуществом для британских предприятий индустрии языка, как использующих переводчиков из других стран, так и посылающих британских переводчиков за границу. Так, в частности, они принимали на работу много лингвистов из стран Северной Европы, поскольку переводы на эти языки и с этих языков на английский делаются в Великобритании. Теперь они стали ощущать себя нежелательными пришельцами и скорее предпочтут уволиться, чем просить визу. Поэтому некоторые британские фирмы стали открывать вспомогательные хабы в неанглоязычных странах ЕС, например, в Болгарии, в целях уменьшения возможных рисков от *Brexit*.

А. Карнеги-Браун, управляющий директор фирмы *Sandberg Translation Partners* полагает, что *Brexit* окажет долгосрочное влияние на подготовку переводчиков в Великобритании и приведёт либо к прямому сокращению числа программ подготовки переводчиков, либо к их слиянию с другими языковыми программами. В британских университетах большинство, как студентов, так и преподавателей, на магистерских программах подготовки переводчиков являются иностранцами. Если приезд иностранцев сократится, немногочисленные британцы, желающие получить эту профессию, будут лишены такой возможности из-за закрытия программ. Бюджеты магистерских программ подготовки переводчиков держатся, в основном, на иностранцах. Низкий уровень языкового образования и получаемых британцами языковых компетенций компенси-

рвался использованием европейской рабочей силы из стран с первоклассной системой языкового образования. Для тех немногих британцев, которые хотят стать переводчиками, в стране не будет адекватной системы подготовки [Marking, 2016].

Список литературы

Договор о функционировании Европейского союза. URL: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu> (дата обращения: 14.01.2017).

Dogovor o funkcionirovanii Evropejskogo soyuza, available at: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu> (January 14, 2017).

BREXIT: French authorities to accept English-language applications from UK financial services firms, available at: <http://www.out-law.com/en/articles/2016/september/brexit-french-authorities-to-accept-english-language-applications-from-uk-financial-services-firms/> (January 03, 2017).

Carey, D. English will remain the working language of the EU after Brexit, available at: <http://www.irishtimes.com/opinion/english-will-remain-the-working-language-of-the-eu-after-brexit-1.2725840> (January 10, 2017).

Clavel, G. After Brexit, French Politicians Want English Language Out Of EU Too, available at: http://www.huffingtonpost.com/entry/french-politicians-english-language-brexit_us_576ede1fe4b0dbb1bbbac730 (December 25, 2016).

Craw, V. English language one of many issues up for debate as UK negotiates new relationship with Brussels, available at: <http://www.news.com.au/world/europe/english-language-one-of-many-issues-up-for-debate-as-uk-negotiates-new-relationship-with-brussels/news-story/aff7e2b1574e1e16181dbee191e0074> (January 14, 2017).

English in the EU: Why it may be sidelined as an official language, available at: <http://www.oxfordtoday.ox.ac.uk/interviews/english-eu-why-it-may-be-sidelined-official-language> (December 24, 2016).

Griffin, J. Hold your tongues: why language learners fear a vote for Brexit, available at: <https://www.theguardian.com/media/mind-your-language/2016/jun/21/hold-your-tongues-why-language-learners-fear-a-vote-for-brexit> (January 14, 2017).

Keating, D. Could France really oust English as official EU language? available at: <http://www.thelocal.fr/20160401/could-france-really-oust-english-as-official-eu-language> (January 13, 2017).

Linn, A. Britain may be leaving the EU, but English is going nowhere, available at: <http://theconversation.com/britain-may-be-leaving-the-eu-but-english-is-going-nowhere-61769> (January 03, 2017).

Mariani, F. Brexit: linguistic consequences, available at: <http://officinadellelingue.it/eng/brexit-linguistic-consequences/> (January 03, 2017).

Marking, M. Brexit: British Language Service Providers React, available at: <https://slator.com/industry-news/brexit-british-language-service-providers-react/> (January 03, 2017).

Quatremer, J. I want you to speak english or get out, available at: <http://bruxelles.blogs.liberation.fr/2012/05/31/peut-on-gouverner-une-zone-euro->

qui-compte-330-millions-de-citoyens-dans-une-langue-qui-nest-parlee-que-par-moins-de-5-mi/ (January 10, 2017).

Simon, F. Commission denies English language favouritism, available at: <http://www.euractiv.com/section/languages-culture/news/commission-denies-english-language-favouritism/> (January 10, 2017).

Vera, S. Linguistic Brexit? Communication breakdown as fewer Brits learn European languages // <https://www.rt.com/uk/335698-european-language-learning-decline/> (January 10, 2017).

Vitores, D.F. Does Brexit spell the end for English as the lingua franca of the EU? available at: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2016/09/15/does-brex-it-spell-the-end-for-english-as-the-lingua-franca-of-the-eu/> (January 13, 2017).

Webster, R. After 'Brexit', English May Be Dropped as an Official Language of EU, available at: <http://www.mediaite.com/online/after-brexit-english-may-be-dropped-as-an-official-language-of-eu/> (January 25, 2016).

Xavier, Vila F. Brexit, the English language and us. To what extent will Brexit change the language balance in the EU? available at: http://www.ara.cat/en/Brexit-the-English-language-and_0_1608439342.html (January 10, 2017).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.В. Алевич, аспирант Высшей школы перевода (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: anisialevich@yandex.ru

РАЗУМ И ЧУВСТВА КАК РАВНОДЕЙСТВУЮЩИЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ

Статья посвящена рациональному и эмоциональному началу экспрессивных фактов языка, лежащих в основе сопоставительно-стилистических разысканий выдающегося швейцарского лингвиста Ш. Балли. Выделение, идентификация, классификация выразительных средств языка, направленные на определение эмоциональной составляющей речевых фактов, опираются на метод сопоставления с понятийным языком «чистых идей», соответствующих тенденциям человеческой психики. Сопоставление может выходить за рамки одного языка и охватывать языки, объединенные общностью психического склада, вскрывая эмоциональную окрашенность фактов языка, образующих систему благодаря живым языковым ассоциациям, лежащим в основе языковых чувств. В статье также предпринимается попытка установить истоки функционализма, которые прослеживаются в выделении социальной окраски речевых фактов, оказывающих влияние на формирование языка определённой сферы деятельности и функционирование языковых систем в сходных ситуациях общения.

Ключевые слова: логика, чувства, сопоставительная стилистика, функциональная стилистика.

Anissa V. Alevich, Postgraduate Student at the Higher School
of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: anisialevich@yandex.ru

REASON AND EMOTIONS AS CONSTITUENTS OF COMPARATIVE LANGUAGE STUDIES

The article studies the rational and emotional nature of the expressive means of language that form the basis for the comparative-stylistic analysis proposed by the outstanding Swiss linguist Charles Bally. Isolation, identification and the classification of expressive means of language aimed at determining the emotional component of speech are based on the method of comparison with the conceptual language of “pure ideas” reflecting peculiarities of the human psyche. The comparison may include languages united by a common psychological structure revealing the emotional side of language patterns that constitute the system due to the living language associations. The article also attempts to establish the origins of functionalism, which can be traced in the social aspects of language patterns that influence the parlance of a specific field as well as the functioning of language systems in similar situations of communication.

Key words: logic, emotions, comparative stylistics, functional stylistics.

Взаимодействие эмоций и рассудка, чувственного и рационального, упорядоченного и хаотичного находились в основе теории познания со времён Античности. Одни, подобно Аристотелю, противопоставляли торжество разума, истинное бытие, чувственному восприятию, «мнимой мудрости» [Аристотель, 1976: 123]. Другие, подобно Платону, называли эмоции первоначалом, позволяющим «созерцать умопостигаемое» [Платон, 1994: 603]. С течением времени чувственное и рациональное начало стали восприниматься как неделимые, взаимодополняющие составляющие человеческого познания, вырастающие из общего, «неизвестного корня», которыми являются чувственность и рассудок, поскольку «...посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся» [Кант, 1964: 123–124].

Логическая идея и чувства, формирующие экспрессивные факты языка, находились в основе стилистических разысканий выдающегося швейцарского лингвиста Ш. Балли. «Деятельность рассудка и эмоциональные импульсы совместно определяют систему выразительных средств языка подобно тому, как они делят между собой всю нашу душевную жизнь» [Балли, 2001: 186], — писал он во «Французской стилистике» (*Traité de stylistique française*), вышедшей в 1909 году и заложившей основу сопоставительного изучения европейских языков. «Французская стилистика», дополненная вторым практическим томом, на примерах иллюстрирующим теоретические положения автора, представляла новый взгляд на изучение стилистики романских языков.

Ш. Балли призывал отойти от традиционных методов исследования языка и первостепенное значение уделить соотношению речи и мышления. Речь представляется системой символов, выражающей содержание мыслительных процессов, в которых переплелись элементы рассудочные и эмоциональные, что придаёт исследованию психологический характер, в то же время не заслоняющий лингвистический подход к изучению фактов речевой системы, «поскольку предметом исследования является речь, выражающая мысль, а не мысль, стоящая за речью» [Балли, 2001: 16].

Стилистика, согласно Ш. Балли, изучает взаимодействие и эмоциональную составляющую речевых фактов и опирается на метод сопоставления, в основе которого лежит принцип соотносительности, поскольку эмоциональная наполненность слова может восприниматься лишь при неосознанном сопоставлении с другими близкими или противоположными по содержанию речевыми фактами. Стилистическое исследование, согласно Ш. Балли, заключается в изучении содержания экспрессивных фактов языка, которые различаются тончайшими оттенками значений, поскольку

речевой акт не может быть исключительно эмоциональным или рассудочным, а человек — принадлежать к одному из четырёх психологических темпераментов.

Изучение экспрессивной системы речевых фактов является наивысшей задачей стилистики и складывается из нескольких стадий. Предварительная стадия заключается в выделении экспрессивного факта языковой системы равною единице мысли на предмет дальнейшей идентификации. Под единицей мысли понимаются представления, понятия, идеи, которые не ограничиваются рамками слова, обманчивой, иллюзорной сущности.

Определяя в качестве ключевой категории стилистики единицу мысли, Ш. Балли говорит о существовании «европейской стилистики», основываясь на существовании европейского психического склада, который образовался во времена Древней Греции и Рима и постепенно распространился на страны Европы. Духовная общность проявилась не только в явных языковых параллелях, позволяющих сравнивать языки, не состоящие в лингвистическом родстве, но и отношении между языком и мышлением, ходе мысли, нашедшем отражение в экспрессивных фактах языка. Ш. Балли писал: «Общие черты европейских языков являются той основой, которая позволяет стилистике расширить сферу своей деятельности, центром которой является родной язык, и изучать с точки зрения последнего другие современные языки» [Балли, 2001: 42]. Сопоставление языков вначале выявляет сходства, а впоследствии и различия, что позволяет прочувствовать эмоциональную составляющую выражений из «сокровенных» уголков языка, используемых бессознательно в родном языке.

Выделение единиц мысли путем рассечения слова, в частях которого, как традиционно принято считать, кроются элементы смысла, Ш. Балли называет порочным препятствием на пути стилистики на начальном этапе выделения речевых единиц. Стремление к этимологизации, помимо попытки сложить смысл речевого акта из совокупности мельчайших фрагментов слов, противоречит духу стилистики как науки. Стилистика изучает связи слов, существующие в языковом сознании, сотканые из спонтанных ассоциаций, а обращение к прошлому поощряет развитие искусственных, ложных ассоциаций и носит аналитический характер, а воссозданные ассоциации рассудочны, не учитывают взаимодействие языковых чувств. Стилистика не имеет права «искусственно воскрешать» языковые чувства, которые угасли с течением истории. «Явления, которые не интересуют говорящего, не должны интересовать и стилистику», — писал Ш. Балли [там же: 73].

Живая мысль и живые языковые ассоциации находятся в центре внимания стилистики, словарный состав языка не представляется «геометрически правильной конструкцией», поэтому главную роль играет не родство этимологическое, иллюстрирующее историю языка и не связанное со стилистикой, а родство семантическое. Стремление к этимологизации не связано с этимологией как лингвистической наукой, а заключается лишь в стремлении связать между собой внешне сходные слова или формы слов, не уделяя внимания смыслу. Так, замена языковых символов языка перевода символами переводящего языка, минуя мысль как таковую, концентрирует внимание на простейших элементах речи, выхваченных из речевой цепи на основании поверхностных формальных признаков, чуждых механизмам мышления, в то время как стилистика основывается на выделении единиц мысли и нахождении их соответствия речевым фактам. Слово может являться составным с точки зрения грамматики, но не стилистики, поскольку в ходе исторического развития могло слиться в одну единицу смысла. Лексическая система языка не строится по единой этимологической схеме, что связано с различием в укладе жизни народов, условий, в которых функционирует язык. Таким образом, стремление к этимологизации может привести не только к неверному пониманию смысла иностранного слова, опираясь на внешнюю сходность, но и в дальнейшем к естественному для человеческого мышления созданию несуществующих слов, которые не имеют никакого отношения к реальной действительности.

Ш. Балли полагал, что человек мыслит идеями, которые представляют собой психологический акт, совершаемый разумом для приближения к реальной действительности. Однако усилия приблизиться к объективной реальности тщетны, поскольку человек является рабом собственного «я». Он писал: «Мы постоянно пришеиваем его [собственное «я». — *Прим. А.В.*] к явлениям действительности, и последняя не отражается, а преломляется в нас» [там же: 22–23]. Индивидуальность соткана не из абстрактных, обезличенных идей, а эмоций, чувств, побуждений, составляющих духовную жизнь человека, поэтому экспрессивный факт выделяется путём подстановки соответствующего неэмоционального, нейтрального слова, чтобы отделить логическое содержание от эмоциональной стороны, которая может выражаться, в том числе, интонацией, определяться окружением речевого факта, опущением грамматически значимых конструкций.

Предварительная стадия стилистического исследования не ограничена рамками стилистики и оперирует категориями лексики и грамматики, поскольку методы стилистики носят преимущественно

эмпирический характер и с самого начала могут «затемнить истинную картину вещей».

На втором этапе стилистика стремится к определению экспрессивного факта, выделению его логических объективных оттенков и идентификации. Определение экспрессивного факта заключается в вычленении неразложимого элемента, где в письменной речи ключевую роль играет контекст, сочетание нескольких взаимообусловленных лексических единиц, а устной — ситуацию, мимику и интонацию, которую иногда называют «звучащей мимикой».

За определением экспрессивного факта следует идентификация, которая заключается в приравнивании экспрессивного факта к простому понятию, которое словно в «зародыше» содержит в себе остальные слова синонимической группы, поскольку экспрессивные факты хранятся в человеческой памяти не поодиночке, а группами. Из синонимического ряда, который возникает в памяти благодаря ассоциациям, создающим бессознательную синонимию, необходимо выделить один, который содержал бы в себе свойства, присущие другим синонимам данного ряда и выражающие основной смысл. Таким образом, идентифицирующее слово представляется наиболее нейтральным выражением мысли, очищенным от элементов субъективной оценки. Данная операция носит исключительно рассудочный характер, лишённый эмоциональной составляющей.

Несмотря на то, что абсолютных синонимов в языке не существует и не для каждого речевого факта можно подобрать идентифицирующее слово, в большинстве случаев данная операция представляется возможной. «Всегда имеется множество фактов почти совершенно равнозначных с точки зрения логического значения и отличающихся друг от друга совсем иными особенностями, то количество соответствий, пригодных для идентификации, окажется весьма внушительным», — писал Ш. Балли [там же: 133]. Экспрессивные факты образуют систему, а ассоциации делают возможным многочисленные сочетания слов, которые возникают в сознании и сопровождаются эмоциями.

Идентификация заключается в нахождении простого понятия, соответствующего нечленимой единице мысли и выраженного в наиболее абстрактной и объективной форме, которая соответствует чистой идее и не затрагивает область чувств. Цель идентификации заключается в подборе абстрактного слова, выражающего мысль в простейшей форме. В качестве нормы Ш. Балли призывает опираться на идеальные способы выражения, не существующие в чистом виде, однако реальность которых не вызывает сомнений, поскольку опирается на тенденции человеческой психики. К ним

относятся рассудочный и эмоциональный способы выражения. Рассудочный способ, принятый в научной литературе, Ш. Балли называет также языком «чистых идей», а эмоциональный, где точкой опоры служит разговорная речь, единственный живой язык, являющийся не нормой для сопоставления, а объектом пристального изучения стилистики, «источником вечной молодости», на котором говорит эмоциональная сторона человеческого существа.

Идентификация считается завершённой, если слово-идентификатор не несёт в себе дополнительных оттенков значений относительно идентифицируемого речевого факта, и основное содержание с точки зрения логического значения слова-идентификатора и речевого факта совпадает и является взаимозаменяемым. Однако речевой факт и слово-идентификатор должны сопоставляться не изолированно, а в контексте, то есть к логической равнозначности добавляется равнозначность грамматическая. Основываясь на совокупности «прямых» выразительных средств (идентифицирующих слов) и «косвенных» выразительных средств (рассудочных грамматических форм), становится возможным создание понятийного языка. Ш. Балли писал: «Такой язык (понятийный язык. — *Прим. А.В.*) является идеальной конструкцией, не существующей как целостная система, однако в своих частных проявлениях он отражает некую реально существующую направленность человеческого разума, которая обнаруживается тогда, когда мы стремимся выделить чистую идею, лишённую всякой эмоциональной окраски» [Балли, 2001: 142–143]. Создание идеального языка необходимо для стилистики, поскольку данный способ позволяет на контрасте с логическим содержанием определить эмоциональную наполненность речевых фактов и осветить различные формы выражения мысли.

Если на первом этапе стилистических разысканий существенным препятствием является этимологизация, стремление к сложению смысла из мельчайших частиц речевого факта, то на втором этапе проявляется противоположная тенденция, которая заключается в установке рассматривать в качестве единицы мысли предложение, воспринимаемое как нечто целостное, а «излишнее расчленение» заменяется неким общим впечатлением. Подход, при котором не подвергаются анализу составные единицы смысла, возникающие в качестве цепочки образов в сознании говорящего во время восприятия предложения, также пагубно сказывается на стилистическом анализе.

Следующим этапом после идентификации является классификация речевых фактов. Классификация речевых фактов является естественным продолжением идентификации и строится на логическом обобщении, выходящем за рамки категорий рода и вида.

Классификация носит исключительно рациональный характер и является важной опорой для стилистического исследования, поскольку идентифицирующее слово является отправной точкой для дальнейшего сопоставления, в ходе которой будет устанавливаться эмоциональная окрашенность речевых фактов. Составление таблиц, схем, и в конечном итоге словарей, где речевые факты группируются вокруг идентифицирующих слов, является основной задачей классификации. Принцип, по которому речевые факты располагаются внутри словаря, заключается в следовании от логического абстрактного речевого факта к эмоциональному и конкретному. Стержневые слова, открывающие словарную статью, берутся не из литературных произведений, а из научной литературы, приближенной к понятийному языку, языку «чистой идеи». Процесс составления словаря не носит механический характер, а является творчеством, требующим «тонкого чутья языка», такта и вкуса.

Дальнейшим этапом стилистического исследования становится выявление стилистической окраски и эмоциональной наполненности слова, определяющей его положение в системе языка. Логика и чувства в различных пропорциях отражают ход человеческой мысли, а логическая и эмоциональная доминанты вступают в постоянное взаимодействие. Ш. Балли писал: «В родном языке лингвистические чувства обволакивают и пронизывают собой всё, что бы мы ни говорили или слышали; мы гораздо больше чувствуем, нежели понимаем» [там же: 189]. Слова, обозначающие конкретные предметы окружающей действительности, вначале вызывают чувства, а затем идеи, что противоположно восприятию слова в иностранном языке, где отсутствуют языковые ассоциации, приводящие к чрезмерному «интеллектуализму» при изучении языка. Контекст, словесное окружение, служит ограничивающим фактором, где эмоциональный заряд слова может проявиться или уступить место логической составляющей.

Выделение собственно эмоциональной окраски речевого факта путём сопоставления с логическим или рассудочным языком, который служит фоном для определения эмоциональной наполненности речевого факта, не является конечным этапом стилистического исследования. К эмоциональной окраске примешивается социальная окраска речевого факта, выделяемая путем сопоставления с общим языком. В то же время если эмоции являются достоянием определённой личности, то речь, как явление социальное, делает их достоянием общественности, что создаёт широкое пространство для недосказанности, двойственной интерпретации, а также формы выражения в зависимости от условий общения.

Выделение социальной окраски речевых фактов отражает глубоко социальный характер речи, а «социальные чувства», которые оказывают влияние на индивидуальные чувства, а иногда полностью их замещают, лежат в основе формирования языка определённой сферы деятельности. Ш. Балли писал: «Каждое более или менее оформленное сообщество людей и каждый вид деятельности стремится создать свой особый «язык». Такое «языкотворчество» объясняется целым рядом обстоятельств, чаще всего специфическими потребностями, свойственными каждой отдельной форме существования и мысли; совокупность людей, которым присуща данная форма речи, и совокупность условий, определяющих её создание и сохранение, — вот что мы называем (за неимением более точного термина) «средой» [там же: 252].

Социальные чувства, разграничивающие языки различных сфер общения, которые видятся не параллельными, а взаимопроникающими мирами, переплетёнными в рамках определённой личности, служат прообразом функциональной стилистики, принцип которой заключается в «выявлении закономерных сходств и расхождений в *функционировании* языковых систем в типических коммуникативных актах» [Гарбовский, 2013: 18], и ставшей закономерным этапом сопоставительно-стилистического исследования.

Чувства и разум, доминанты, находящиеся в постоянном противодействии и формирующие экспрессивные факты языка, находились в центре внимания стилистических разысканий Ш. Балли. Рассудочная и эмоциональная стороны речевых фактов выявляются путем сопоставления с понятийным языком «чистых идей», опирающимся на тенденции человеческой психики. В то же время сопоставление может выходить за рамки одного языка и охватывать языки, объединённые общностью психического склада, что позволяет прочувствовать эмоциональную составляющую выражений из «сокровенных» уголков языка, используемых бессознательно в родном языке. Стилистическое исследование заключается в выделении и идентификации выразительных средств языка, классификации и определении эмоциональной составляющей речевых фактов, распадающихся на собственно эмоциональную и социальную окраску. «Социальные чувства», лежащие в основе социальной окраски речевых фактов, оказывают влияние на формирование языка определённой сферы деятельности, в которой видится прообраз функциональной стилистики, ставшей закономерным продолжением сопоставительной стилистики.

Список литературы

Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.

Aristotle. Soch.: v 4 t., t. 1. Moscow: Mysl', 1976. 550 p. (in Russian).

Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К.А. Долинина. М.: Эдиториал. УРСС, 2001. 392 с.

Balli, Sh. Francuzskaja stilistika [French stylistics], Sharl' Balli, per. s fr. K.A. Dolinina. Moscow: Jeditorial. URSS, 2001. 392 p. (in Russian).

Гарбовский Н.К. Сопоставительная стилистика и методология перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 14–36.

Garbovsky, N.K. Sopostavitel'naja stilistika i metodologija perevoda [Comparative Stylistics and Translation Methodolog], *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*. 2013. No 1. pp. 14–36 (in Russian).

Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 801 с.

Kant, I. Soch.: V 6 t. T. 3. Moscow: Mysl', 1964. 801 p. (in Russian).

Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с.

Platon. Coch.: V 3 t. T. 3. Moscow: Mysl', 1994. 654 p. (in Russian).

Л.В. Борисова, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары; e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

А.М. Иванова, доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары; e-mail: amivano@rambler.ru

КЛАСТЕР «ДИКОРАСТУЩИЕ РАСТЕНИЯ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (русско-чувашские параллели)

В статье приведены результаты сопоставительного лингвокультурологического анализа языковых единиц, репрезентирующих кластер «дикорастущие растения» в русской и в чувашской языковых картинах мира. Значительное место в исследовании занимает анализ устойчивых сравнений, метафор и традиционных народных символов, используемых в фольклоре. Лексика выбранной тематической группы формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира этноса, и принятая исследование вносит определённый вклад в реконструкцию целостных языковых картин мира русского и чувашского народов, а также позволяет выявить некоторые особенности национального мировосприятия.

Ключевые слова: кластер, коннотация, концепт, культурный код, лингвокультурология, менталитет, сопоставительная семантика, языковая картина мира.

Ljudmila V. Borisova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Russian Language and Russian Literature, Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

Alyona M. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Chuvash Philology and Culture, Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: amivano@rambler.ru

THE “WILD PLANTS” CLUSTER IN THE LINGUISTIC WORLD IMAGE: RUSSIAN AND CHUVASH PARALLELS

The article offers a comparative semantic analysis of the cluster “wild plants” in the Russian and Chuvash linguistic world images. The authors analyze both direct and figurative meanings of the Russian and Chuvash words and set expression, as well as free combinations of words from a given thematic group. Also analyzed are polysemy, metaphors, symbols, connotations of various Russian and Chuvash words, phraseology and set similes in the Russian and Chuvash languages. Special attention is paid to the Russian and Chuvash folklore. The Russian and Chuvash words from any given thematic group are part of the linguistic world images of the Russian and Chuvash ethnic groups. The analysis makes its contribution to the reconstruction of the integrated linguistic world image and helps to reveal some peculiarities of the national world perception.

Key words: cluster, connotation, concept, cultural code, linguistic and cultural studies, mentality, comparative semantics, linguistic world image.

В основе данного исследования, выполненного в рамках прагматически ориентированной антропоцентрической парадигмы современного языкознания, лежит представление о том, что в семантике лексем закрепляются миропонимание и мироощущение народа, свой вариант образа мира. В статье представлены результаты сопоставительного лингвокультурологического изучения лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих кластер «дикорастущие растения» в русской и чувашской языковых картинах мира¹. Особое внимание уделено анализу переносных значений и культурной коннотации, поскольку у каждого этноса существуют свои образно-ассоциативные способы и средства переосмысления исходных значений во вторичной номинации.

Папоротникообразные растения, согласно древним дохристианским верованиям и русских, и чувашей, связаны с нечистой силой. Древние славяне были убеждены, что в ночь на Ивана Купалу расцветает папоротник, его красный цветок помогает отыскать любой клад и может способствовать обогащению человека, обнаружившего и в полночь сорвавшего этот цветок. С рассмотренными религиозными верованиями древних славян связаны названия папоротника в русских диалектах: *ключ-трава*, *разрыв-трава*, *огнецвет*, *царь-огонь*, *цвет-огонь*. Согласно верованиям древних чувашей, с нечистой силой связаны не только *папоротники*, но и такие представители папоротникообразных, как *плауны*. Сравните чувашские названия этих растений: *шуйттан хупаххи* «папоротник (букв.: лопух злого духа *шуйттан*)», *ие курякё* «плаун (букв.: трава духа *ие*)». *Шуйттан*, согласно древним чувашским верованиям, является верховным предводителем злых божеств и духов. *Ие* у тюркоязычных народов — это духи, постоянно пребывающие в каком-либо месте.

Такие представители дикорастущих злаков, как **козлец** (чув.: *ыраш кёпчи*) и **костёр** (чув.: *ухлём*) в традиционном чувашском мировосприятии характеризуются женской символикой и положительной коннотацией. Сравните: *Ыраш пуссинчи ыраш кёпчи / Чуна лăплантармалли, / Ой, кинём, Пăраски, / Тупрăмър пурнăс тумалли* «(свад. песня) Козлец, растущий на ржаном поле, — / Отрада для души. / Ой, наша невестушка Прасковья, / Нашли мы жизненную опору» [ЧХС-4, 1979: 105]; *Сыр хёрринчи ухлёмне / Суренех утсем сиес сук. / Пёрле ўснё ачине / Качча кайса сав(ă)нас сук* «(нар. песня) Костром, растущим на крутояре, / Не сможет полакомиться рыжий конь. / Радости и счастья выйти замуж за юношу, с которым вместе выросла, / Мне не видать» [ЧХС-3, 1978: 445].

¹ См. также *Борисова Л.В.* Концепт «дерево» как лингвокультурный код // Вестник Московского государственного гуманитарного университета. Серия «Филологическое науки». 2014. № 1. С. 34–46.

Ещё один представитель дикорастущих злаков — **пырей** (чув.: *шурут*) — в традиционной чувашской культуре характеризуется мужской символикой и обладает отрицательной коннотацией. Сравните: *Сула тӑрӑх анине / Шурут пусӑр малашне. / Сакӑ Трак хӗрӗсене / Тутар илтӗр малашне* «(нар. песня) Придорожный земельный участок, / Пусть же он зарастёт пыреем. / Девушек этой деревни Трак / Пусть замуж берут татары» [там же: 42].

Из однодольных лилиецветных растений в чувашской языковой картине мира культурной коннотацией характеризуются **чемерица** и **вороний глаз**. Наименованиям лилиецветных в русской языковой картине мира культурная коннотация не свойственна.

Чемерица (чув.: *кикен*) в чувашском устном народном творчестве используется для обозначения чего-либо плохого, негодного, сравнение с этим растением служит для выражения отрицательной оценки. Сравните: *Кайрӑм сала сулӗпе, / Килтӗм вӑрман сулӗпе. / Сала сулӗ хӗйӑрӑй, / Вӑрман сулӗ пылчӑкӑй. / Хӗрсен вӑйи — вӗлтӗрен, / Арсынсен вӑйи — кикен* «(нар. песня) Пошла я по сельской дороге, / Пришла по лесной. / Сельская дорога — песок, / Лесная дорога — грязь. / Игрища девушек — крапива, / Игрища юношей — чемерица» [там же: 300].

Отрицательная коннотация проявляется в чувашском варианте названия растения **вороний глаз** — *хаяр сырли / тум-хаяр курӑкӗ* «букв.: ягоды злого духа *хаяр* / трава злого духа *хаяр*». *Хаяр* в древних чувашских религиозных верованиях — злой дух, насылающий тяжёлые, вплоть до смертельных, болезни.

Из осоковых растений в чувашской языковой картине мира культурной коннотацией характеризуются **камыш** (чув.: *хӑмӑш*) и **осока** (чув.: *хӑях*). Наименованиям осоковых в русской языковой картине мира культурная коннотация не свойственна. **Камыш** в чувашской культурной традиции характеризуется амбивалентной коннотацией. Сравнение человека с камышом, характеризующееся положительной коннотацией, в традиционной чувашской культуре используется для выражения любви, нежности. Сравните: *Атӑл урӑӑ леш енче / Сипрен синсе хӑмӑш пур. / Мӑн сул урӑӑ ку енне / Нимрен хакӑ савни пур* «(нар. песня) На противоположном берегу Волги / Растёт камыш, который тоньше нити. / На противоположной стороне большака / Живёт моя бесценная любимая» [там же: 429]. Камыш в чувашской языковой картине мира может характеризоваться и отрицательной коннотацией. Сравните строки одной из чувашских народных песен: *Сич ют килӗ хӑмӑшӑх, / Хӑмӑшӑхра сӗленлӗх. / Кӗме тӑрсан та чӑш-чӑш тӑвать, / Тухма тӑрсан та чӑш-чӑш тӑвать. / Епле пырса кӗрем-ши, / Епле пурӑнма пӗлем-ши?* «(причитание невесты) Чужой дом [имеется ввиду дом мужа] — за-

росли камыша, / В камышиных зарослях гнезятся змеи. / Змеи шипят и при входе, и при выходе. / Как же мне войти в этот дом? / Как же мне суметь там жить?» [ЧХС-4, 1979: 168].

В произведениях чувашского фольклора камыш часто упоминается в паре с **осокой** (чув.: *хӳях*), символизирующей что-либо бесполезное, негодное (*Хӳяккӳн хӳях пухать* «Лежебока соберет осоку»; *Хӳяккӳна хӳях пӳрчи, тет* «Лежебоке достанутся только семена осоки»). Эта символика присуща и паре *осока — камыш*. Сравните: *Атӳл хӳрринче хӳях нумай*, / *Сухан тесе сиес сук*. / *Атӳл хӳрринче хӳмӳш нумай*, / *Ыраш тесе вырас сук* «(нар. песня) На волжском берегу много осоки, / Но её не поешь вместо лука. / На волжском берегу много камыша, / Но его не будешь жать вместо ржи» [ЧХС-3, 1978: 53]. Анализируемая пара может также символизировать беспокойство, заботы, горести, переживания (*Шӳпчӳксем авӳтӳть ярӳнса / Хӳяхпалан хӳмӳш хушшинче*; / *Пирӳн ку ёмӳрсем иртсе пырать / Хуӳхӳна хуӳхӳш хушшинче* «(нар. песня) Раздаются соловьиные трели / Посреди зарослей камыша и осоки. / Проходит наша жизнь / Посреди горестей и забот» [там же: 52].

Среди двудольных астроцветных / сложноцветных растений и в русской, и в чувашской языковых картинах мира культурной коннотацией характеризуются василёк (чув.: *утмӳл турат*), лопух / репейник (чув.: *хулах / куршанак / тикенек*), полынь / чернобыльник (чув.: *армути / эрӳм*), осот / бодяк (чув.: *хурхух / пицен*) и чертополох (чув.: *тал пицен*).

Василёк в русской языковой картине мира характеризуется мужской символикой и положительной коннотацией. Сравните: «*Ты зачем расцвёл, / Василёк, во ржи? / Ты зачем завлёл, / Дроля мой, скажи?*» «*Я затем расцвёл, / Чтоб красивым быть! / Я затем завлёл, / Чтоб тебя любить!*» [Частушки? 1990: 434]. В чувашской языковой картине мира *утмӳл турат* «василёк» характеризуется женской символикой и отрицательной коннотацией. Сравните: *Утмӳл турат усалли / Ыр анана сая яч*. / *Сак ял хӳрӳ, усалли*, / *Пирӳн шӳллӳма сая яч* «(свад. корильная песня) Этот дрянной василёк / Испортил добрый участок. / Эта дрянная девчонка / Испортила нашего братца» [ЧХС-4, 1979: 32].

Лопух / Репейник в русской языковой картине мира характеризуется отрицательной коннотацией. Сравните русские поговорки: *Высок репей, да чёрт ему рад*. В одной из русских народных песен женщина использует отрицательно коннотированное сравнение с репейником свекра и свекрови: *Не бывать репью вровень с тынником — / Не бывать свекру против батюшки! / Не бывать репью вровень с тынником — / Не бывать-то свекрови против матушки!* [ОП, 1983: 118]. В современном русском языке лексема «лопух»

выражает значение «простоватый, несообразительный человек». В чувашской лингвокультуре сравнение человека с лопухом (чув.: *хупах / куршанак / тикенек*) используется для выражения отрицательного отношения: неприятия, осуждения, презрения. Сравните примеры из произведений чувашского устного народного творчества: *Сын арәмь сырла нек, хăвӑн арӑм хупах нек* «(посл.) Чужая жена подобна яголке, а своя — лопуху» [ЧХП-ВС, 2000]; *Тарӑн вартӑ куршанакне / Ан татӑр та ан тивӑр, / Лартӑр вӑрӑ тӑкӑиччен. / Сакӑ ялӑн хӑрсене / Ан пӑхӑр та ан илӑр, / Пурӑнчӑр шӑлӑсем ӱкӑиччен* «(корильная песня) Растущий в глубоком овраге репейник / Не трогайте и не рвите, / Пусть стоит там до сброса семян. / Не смотрите на девушек этой деревни и не берите их в жены, / Пусть живут (в девках) до тех пор, пока не выпадут (от старости) их зубы» [ЧХС-3, 1978: 59].

Полынь / Чернобыльник в русской языковой картине мира полынь характеризуется отрицательной коннотацией. Сравните: *Не я полынь-траву садил, сама, окаянная, уродилася; Чужая жена — лебѣдушка, своя — полынь горькая*. С полынью в традиционном русском сознании ассоциативно связываются горе, несчастья, страдания. Сравните: *Я посею горе во чистые поле. / Ты взойди, мое горе, черной чернобылью, / Черной чернобылью, горькою полынью!* [ОП, 1989: 227]; *Мой милѣночек уехал — / Только пыль на колесе... / Меня, горькую, оставил, / Как полынь на полосе!* [Частушки, 1990: 82]. В русской языковой картине мира имеет место концептуальная оппозиция *мѣд — полынь*, возникшая на основе оппозиции *сладкое — горькое* и связанная с оппозицией *хорошее — плохое*. Сравните: *Речи, как мѣд, а дела, как полынь; Полынь после мѣду горше самой себя*. Аналогичная концептуальная оппозиция представлена и в чувашской языковой картине мира. Сравните: *Сӑмахра — пыл тутӑ, сӑмахра — армути* «(посл.) В словах — сладость мѣда, в словах — горечь полыни»; *Армути чӑлхелӗ мар, пыл чӑлхелӗ пул, тесӗӗ* «(погов.) Да будет язык твой не полынным, а медовым» [ЧТ-ЧХК, 2003: 105]. Полынь (чув.: *армути / эрӑм*), с которой в традиционном чувашском народном сознании прежде всего ассоциируется горечь, характеризуется отрицательной коннотацией. Сравните: *Тӑрӑс сӑмах армути тутӑ калать* «(посл.) Слово правды отдаёт полынной горечью»; *Пӑччен пурӑс эрӑмрен те йӑсӑрех* «(посл.) Одинокая жизнь горше полыни» [ЧХП-ВС, 2000]. В чувашской лингвокультуре сравнение человека с полынью, так же, как и сравнение с лопухом, используется для выражения отрицательного отношения: неприятия, осуждения, презрения. Сравните примеры из произведений чувашского устного народного творчества: *Армути нек арӑма кам юратса пурӑнтӑр?* «(свад. песня) Кто уж будет любить

жену, подобную полыни?» [ЧТ-ЧХК, 2003: 32]; *Ана сиччи армути арӑм пулас сасси пур* «(свад. песня) Прошел слух, что огородная полынь собралась замуж» [там же: 67].

Отрицательной коннотацией характеризуются в русской и в чувашской культурных традициях такие дикорастущие астровые растения, как **осот** и **чертополох**. В традиционном русском народном сознании символизируют что-либо плохое, негодное, ненужное, вредное. Сравните: *Дай волю осоту, и огурцов на белом свете не станет; Чертополох да осот от соседа к соседу под тыном пробирается*. В то же время следует отметить, что чертополох в традиционной русской культуре считается растением, служащим оберегом от нечистой силы, от злых духов. Этот факт подтверждают сами названия этого растения: *чертополох* (т.е. растение, которое способно всполошить, напугать чёрта) / *чертогон-трава* (т.е. трава, изгоняющая чёрта) / *шишебарник* (то, что может побороть шиша, то есть чёрта). *Тал пицен* «чертополох» и *пицен* «розовый осот / бодяк полевой» в чувашской языковой картине мира характеризуются отрицательной коннотацией. В целях оскорбления с этими двумя растениями сравнивали друг друга девушки и парни в корильных частушках. Сравните: *Сырма танӑӑ пиценне, / Ёмӑр симӑс ларсан та, / Вьӑӑх пырса сӑес сук. / Сакӑ яӑн хӑрӑсене, / Ёмӑр хӑрте ларсан та, / Йӑкӑт саврайна пӑхас сук*. «Даже если бодяк, вымахавший высотой с глубину оврага, / Будет стоять зелёным круглый год, / Скотина на него внимания не обратит. / Даже если девушки этой деревни / Будут красоваться в девках весь век, / Парни на них внимания не обратят» [ЧХС-3, 1978: 48]; *Уй варринчи тал пицен — / Сурри ытла хӑрӑкки. / Сакӑ яӑн каччисем — / Сурри ытла хусаххи* «В зарослях чертополоха, разросшегося посреди поля, / Половина растений — сухостой. / Среди парней этой деревни / Половина — холостяки» [там же: 112]. В чувашских народных песнях чертополох (чув.: *тал пицен*) и розовый осот / бодяк полевой (чув.: *пицен*) символизируют также душевные муки, страдания. Сравните: *Укӑлчара текех тал пицен сук, / Пулсассӑн та — йӑппи чикес сук. / Ман чӑремре текех куӑсуӑӑ сук, / Пулсассӑн та — сынна курӑнас сук* «(нар. песня) На околице больше нет чертополоха, / А даже если и есть — шипы его не колют. / В моём сердце больше нет слёз, / А даже если и есть — люди их не увидят» [ЧХС-4, 1979: 349].

Страдания, душевные муки, горести, несчастья, переживания символизирует в чувашской языковой картине мира также **хурхух «осот полевой / осот молочайный»**. Сравните строки из чувашских народных песен: *Пуян, пуян, тееӑӑ, / Пуянӑ мар, мӑянӑ, / Мӑянӑ мар, нушийӑ. / Хул, ай, таран хурхухӑ, / Хурхухӑ мар, хурӑӑхӑ* «(свад. песня). Говорят, что семья, в которой тебе предстоит жить, богата, /

Не богатства там полно, а лебеды, / Не лебеды, а беды. / По плечи там осот, / Не осот, а горе» [ЧХС-4, 1979: 44].

Из бурачниковых растений в чувашской языковой картине мира культурной коннотацией характеризуется **липучка** (чув.: *ана пыйти*), которая в традиционной чувашской лингвокультуре характеризуется отрицательной коннотацией. Лексема «ана пыйти (букв.: вошь земельного участка)» в чувашском языке выражает переносное значение «(презр.) шваль, ничтожество (о человеке)» [ЧРС, 1982: 34]. Наименования бурачниковых растений в русской языковой картине мира не характеризуются определённой культурной коннотацией.

Представитель гвоздичноцветных растений **конский щавель** (чув.: *ут кёпси*) — в чувашской языковой картине мира характеризуется отрицательной коннотацией. Сравните строки из чувашской народной солдатской песни: *Атӑл хёрёнчи ут кёпси / Кайса татакан та сук. / Патшан ырӑ хулине / Ырласа каякан та сук* «(солд. песня) Растущий на волжском берегу конский щавель / Никто не рвёт. / В славный город нашего царя / Никто не едет с удовольствием» [ЧХС-3, 1978: 107].

Ярко выраженной культурной коннотацией и в русской, и в чувашской языковых картинах мира характеризуется ещё один представитель гвоздичноцветных растений — **лебеда** (чув.: *мӑян*). В русском языковом сознании с лебедой связаны следующие ассоциации: 1) девушка, вызывающая негативную оценку, достойная порицания (*В той деревнюшке малина / Целу зимушку манила. / А теперя — лебеда: / Не манит меня туда* [ОП, 1989: 38]; *Вырастили в огороде лебеду, людям — на смех, себе — на беду* (о непутевой дочери); 2) горе, беда (*В поле тебе лебеды, да в дом три беды* (проклятие); *Мужик на счастье сеял хлеба, а уродилась лебеда*); 3) отсутствие достатка, бедность, нужда (*Мы свата не знали, / Двора не угадали, / Теперь мы узнали / И двор угадали: / Весь двор под горою, / Зарос лебедю, / Сенцы под горкою — / Заросли лебёдкою* [ОП, 1989: 32]). Лебеда (чув.: *мӑян*) в чувашской языковой картине мира характеризуется преимущественно отрицательной коннотацией: *Мӑян мӑйӑр пани сук* «(погов.) От лебеды не будет орехов»; *Пирён пата пырсассӑн, / Мӑй, ай, таран мӑянӗ, / Мӑянӗ мар — пуянӗ. / Пирён пата пырсассӑн, / Хул, ай, таран хурхухӗ, / Хурхухӗ мар — хурлӑхӗ* «(свад. песня) Когда переедешь к нам, / Увидишь лебеду по шею. / Не лебеда по шею, а богатство. / Увидишь также осот по плечи. / Не осот по плечи, а страдания» [ЧХС-4, 1979: 44].

Из зонтикоцветных растений культурная коннотация характерна для отдельных наименований зонтичных / сельдерейных (*борщевик, дудник, сныть*). **Дудник** (чув.: *шӑма кёпси*) в чувашской языковой

картине мира характеризуется женской символикой (один из многочисленных символов девушки) и положительной коннотацией. Сравните: *Шайма кёңси нит тутлă: / Иртен-сўрен нит татать. / Элиел хёрё нит аван: / Иртен-сўрен куç хывать* «Дудник очень вкусен, / Проходящие мимо него с удовольствием его срывают. / Девушка из деревни Эльжелъ очень красива, / Проходящие мимо неё с удовольствием ею любят» [ЧТ-ЧХК, 2003].

Борщевик (чув.: *пултăран*) и **снить** (чув.: *серте*) в чувашской языковой картине мира характеризуются мужской символикой. Сравните: *Анне ывăлĕ пуличчен, / Аса пултăран пулас-мĕн...* «Чем быть сыном моей матушки, / Лучше бы мне родиться мужской особью борщевика...» [там же: 153]; *Серте ухмах, ай-хай, ухмах: / Юрлă-пăрлă шыв сине тухать те, / Пур хурлăхне вăл курать. / Пултăранĕ аслă, ай-хай, аслă: / Хёвел енне тухать те, / Пур ырлăхне вăл курать. / Аслă ывăлĕ ухмах, ай-хай, ухмах: / Чăн малтан ситĕнет те, / Пур йывăрлăхне вăл курать. / Кĕсĕн ывăлĕ аслă, ай-хай, аслă: / Чăн кайран ситĕнет те, / Пур ырлăхне вăл курать* «Снить глупа, ой, глупа: / Прорастает в земле, сырой от таяния снега и льда, / И ей достаются одни горести. / Борщевик умён, ой, умён: / Прорастает на солнечной стороне, / И ему достается всё благо. / Старший сын глуп, ой, глуп: / Подрастает раньше всех, / И ему достаются одни горести. / Младший сын умён, ой, умён: / Подрастает позже всех, / И ему достается всё благо» [ЧХС-4, 1979: 209].

Из кувшинкоцветных растений в чувашской языковой картине мира культурной коннотацией характеризуется **кувшинка белая / водяная лилия** (чув.: *кўкёрчен*). Это растение в произведениях чувашского устного народного творчества может символизировать девушку или парня, служит для выражения любви, нежности и характеризуется положительной коннотацией. Сравните: *Аслă шыв хёрринчи кўкёрчен / Шыва каяссан туйăнать. / И, шыва кайин кайёчĕ, / Ешĕл сулси шел анчах. / Аппасăмах ырă Анна пур, / Сая каяссан туйăнать. / И, сая кайин кайёчĕ, / Самрăк пуçĕ шел анчах* «(свад. песня) Кувшинка, растущая у берега широкой реки, / Кажется, рискует уплыть по воде. / А хоть бы и уплыла, / Жаль только её зелёных листьев. / Милая сестрица Анна, / Кажется, рискует пропасть просто так. / А хоть бы и пропала, / Жаль только её молодую головушку» [там же: 99]; *Кўлĕ варринчи чечеке / Татса илсе пулмарĕ. / Чун юратнă ачине / Качча тухса пулмарĕ* «(нар. песня) Цветок, распустившийся посреди озера, / Сорвать я не смогла. / За парня, которого любила всей душой, / Замуж выйти я не смогла» [ЧТ-ЧХК, 2003: 182]. Наименования кувшинкоцветных растений в русской языковой картине мира не характеризуются культурной коннотацией.

Отрицательной коннотацией характеризуется в русской языковой картине мира представитель розоцветных крапивных растений — **крапива** / жгучка / жалива / стрекава (чув.: *вѣлтѣрен*). Сравните: *Злое семя крапива: не сварить из него пива*. В традиционном русском народном сознании крапива может символизировать всё дурное, плохое, вредное, негодное. Сравните: *Крапивное семя* «чиновники, занимающиеся крючкотворством и взяточничеством»; *Крапивник* «внебрачный ребенок»; *Узнаешь, чем крапива пахнет; С ним водиться, что в крапиву садиться; Хороша слобода, да крапивой поросла*. В русском языковом сознании крапива обладает женской символикой. Сравните: *На лицо красива, а на язычок — крапива; Не всякая мачеха — крапива, не всякая падчерица — маков цвет; Богоданны сестрицы — крапива жгучая*. В традиционном чувашском народном сознании отношение к крапиве (чув.: *вѣлтѣрен*) является амбивалентным. С одной стороны, чувашский фольклор содержит достаточно большое количество частушек, в которых представлены ассоциативные сравнения с крапивой, выражающие оскорбление. Сравните: *Карта сумѣнчи вѣлтрене / Сумяр суса ўстермен, / Йытсем шярса ўстернѣ. / Сакӑ ялӑн хӗрсене / Ашшӗ-амӑш ўстермен, / Яшсем пӑхса ўстернӗ* «Крапива у забора / Выросла, политая не дождем, а собачьей мочой. / Девушек этой деревни / Вырастили не родители, / А парни» [ЧХС-3, 1978: 51]; *Вѣлтѣренӗн вӑррине / Акӑр мунча тӑррине. / Сакӑ ўсӗр йӗкӗтсене / Ярӑр силос шӑтӑкне* «Семена крапивы / Следует посеять на крышу бани. / Этих пьяных парней / Следует бросить в силосную яму» [ЧХС-4, 1979: 392]. С другой стороны, немало и произведений чувашского устного народного творчества, в которых представлено положительное отношение к крапиве. Сравните: *Вӑхӑтра вѣлтѣрен те илемлӗ* «(посл.) В определённое время прекрасна и крапива» [ЧХП-ВС, 2007: 87]; *Ачи вӗтӗ ан тейӑр: / Вӗт пулсан та — вѣлтѣрен пек, / Сӑпӑссассӑн — сухӑр пек* «(нар. песня) Не говорите, что паренёк низкорослый, / Хоть он и не высок, но очень боек, / А уж если пристанет, то так просто от него не отвяжешься» [ЧХС-4, 1979: 45]. Чувашский фольклор содержит и произведения, в которых представлено нейтральное отношение к крапиве. Сравните: *Вѣлтѣренсӗр пахча пулмасть* «(погов.) Не бывает огорода без крапивы» [ЧХП-ВС, 2007: 92]; *Вѣлтрен хаяр, вѣлтрен хаяр, / Вѣлтрен хаяр, теесӗ. / Алпа тытмасан, урапа пусмасан, / Вѣлтрен пӑрре те хаяр мар. / Пире хаяр, пире хаяр, / Пире хаяр, теесӗ. / Тарӑхтармасан, ҫиллентермесен, / Эпир пӑрре те хаяр мар* «(нар. песня) Говорят, что крапива зла, / Если её не трогать руками, / Не топтать ногами, / Она нисколько не зла. / Говорят, что мы злы, / Если нас не злить, / Не обижать, / Мы нисколько не злы» [ЧХС-4, 1979: 194].

Одним из традиционных символов девушки является в традиционной чувашской культуре **костяника** (чув.: *пёрлӗхен*). Сравните: *Пёрчи-пёрчи пёрлӗхен / Пёрчи пёр тенк тӑрать вӑл. / Ой, йӑмӑк Зоя пур, / Пин те пёр тенк тӑрать вӑл* «Ягоды костяники драгоценны, / Каждая ягодка стоит один рубль. / Наша сестрица Зоя драгоценна, / Она стоит тысячу и один рубль» [там же: 98]. Костяника в чувашской языковой картине мира характеризуется положительной коннотацией, это растение может выступать одним из символов счастья. Сравните: *Сулӑн пёр аякки — хурлӑхан, / Сул тепӗр аяккинче — пёрлӗхен. / Пёрлӗхенне пухакан — телейлӗ сын, / Хурлӑханне пухакан — телейсӗр* «По одну сторону дороги растёт смородина, / По другую — костяника. / Тот, кто собирает костянику, — счастливый человек, / А тот, кто собирает смородину, — несчастный» [там же: 202].

Женской символикой и положительной коннотацией характеризуется в традиционной чувашской культуре и такой представитель дикорастущих розоцветных розовых растений, как **таволга** (чув.: *тупӑлха*). Сравните: *Шывӑн леш аяккинче / Юн пек хӗрлӗ тупӑлха, / Каҫса касса пулмарӗ. / Леш вӑйӑра тусӑм пур, / Кайса курса пулмарӗ* «На противоположном берегу реки / Есть таволга, красная, как кровь. / Я не смог туда переправиться и сорвать её. / На том, другом, грище есть девушка, / Но я не смог сходить туда и увидеть её» [ЧХС-3, 1978: 117].

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что изучение механизма языковой категоризации мира, проводящееся на основе сопоставительного семантического исследования двух и более неродственных национальных языков, позволяет выявить своеобразие восприятия мира разными народами и характер его отражения в этнокультурных особенностях семантики языкового знака. Семантическое пространство каждого языка детерминировано наличием универсальных и этноспецифических концептуальных структур, формирующих облик национальной культуры. Сходства и совпадения в области культурной коннотации в анализируемых языках свидетельствуют о частичной общности образного фонда сравниваемых культур, обусловленной в том числе и длительным мирным проживанием на территории одного государства. Явления расхождения и лакуарности, обнаруженные в процессе исследования, обусловлены спецификой менталитета, истории, религиозных верований, что подтверждает определённую долю независимости в развитии каждой из сопоставляемых культур.

Список литературы

- ОП — Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Жекулина, А.Н. Розов. М.: Современник, 1989. 735 с.
- Obrydovaja poezija [Ritual poetry], Moscow: Sovremennik, 1989. 735 p. (in Russian).
- Чапушки / Сост. Л.А. Астафьева. М.: Советская Россия, 1990. 656 с.
- Chastushki [Limericks]. Moscow: Sovetskaja Rossiya, 1990. 656 p. (in Russian).
- ЧРС — Чувашско-русский словарь / Под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.
- Chuvashsko-russkij slovar' [Chuvash-Russian Dictionary], Moscow: Russkij jazyk, 1982. 712 p. (in Chuvash).
- ЧТ-ЧХК — Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем / В.П. Галошев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш университетĕн издательстви, 2003. 164 с.
- Chavash tenchi. Chavash halah kalarashesem [Chuvash world. Chuvash folk sayings], Shubashkar, Chavash universitechen izdatel'stvi, 2003. 164 p. (in Chuvash).
- ЧХС-3 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1978. 512 с. 3 том.
- Chavash khalah samakhlakhe: v 6 tomakh. Tom 3: Jurasem [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 3: Songs], Shubashkar, Chavash kenege izdatel'stvi, 1978. 512 p. (in Chuvash).
- ЧХС-4 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1979. 480 с. 4 том.
- Chavash khalah samakhlakhe: v 6 tomakh. Tom 4: Jurasem [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 4: Songs], Shubashkar, Chavash i kenege zdatel'stvi, 1979. 480 p. (in Chuvash).
- ЧХП-ВС — Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2007. 493 с.
- Chavash khalah pultarulakhe. Vattisen samakhesem [Chuvash folklore. Proverbs], Shubashkar, Chavash kenege izdatel'stvi, 2007. 493 p. (in Chuvash).

Дун Юнчунь, аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: msk2102@mail.ru

ЗНАКОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ

Цель данной статьи — проанализировать, какие способы используются для обозначения знаковых выражений в интернет-общении в русском и китайском языках. В данной работе мы разделяем знаковые обозначения на цифры и эмодзи. Настоящее исследование отражает основные актуальные тенденции, нуждающиеся в подтверждении на наиболее широком материале: китайская молодёжь использует знаковые обозначения в интернет-общении чаще и они имеют более широкую семантику, нежели русская молодёжь.

Ключевые слова: интернет-общение, эмодзи, цифры, русский и китайский языки.

Dong Yngchun, postgraduate MSU, Higher School of Translation and Interpreting (faculty), Moscow State University; e-mail: msk2102@mail.ru

LANDMARK DESIGNATION AS A WAY OF EXPRESSION IN ONLINE COMMUNICATION

The purpose of this article — to analyze what methods are used to obznacheniya symbolic expressions of Internet communication in Russian and Chinese. In this paper, we razlelyаем landmark designation at the numbers and emoticons. This study reflects the main current trends that need to be confirmed on a wide nabolee material: Chinese youth uses symbolic notation in Internet communication more and they have a broader semantic than Russian youth.

Key words: Internet-chat, emoticons, numbers, Russian and Chinese language.

В современном обществе тенденция к экономии языковых средств характеризуется универсальностью и обусловлена потребностями человеческого мышления и общения, особенно молодёжи. Помимо этого оно наиболее экономично благодаря знаковым обозначениям. Однако знаков, которые могли бы выразить всё разнообразие, присутствующее объективному миру с его сложными отношениями между предметами и явлениями, мало. Пользователи же Интернета используют любые возможности, чтобы сократить время на набор текстов, более того, среди пользователей Интернета молодёжь ищет новые способы выражения тех или иных эмоций, предлагает новые способы передачи мысли, чтобы общение принимало индивидуальный характер. Всё это создаёт новые способы передачи информации в интернет-общении. Например, достаточно часто стали использовать знаковые обозначения, которые заменяют слова и даже предложения.

Таким образом, в интернет-общении стало возможным использовать знаковые обозначения в качестве лексических единиц. Эти знаки можно подразделить на две большие группы:

1) Замена слов или букв арабскими цифрами.

Бурное развитие информационных технологий в Америке и их проникновение в другие страны обеспечило особую роль английскому языку как так называемому коммуникативному стандарту в интернет-пространстве. С распространением компьютера и Интернета русский и китайский языки стали достаточно интенсивно заимствовать слова и выражения из английского языка для обозначения новых понятий. Таким образом, нужно отметить, что английский язык оказывал и до сих пор оказывает огромное влияние на все языки в мире. Как в русском, так и в китайском интернет-общении широко используются английские созвучия, например, фонетическое оформление цифры 1 (one) совпадает со слогом “one, won”; цифры 2 (two) — со словами и слогами “to” и “too” (тоже); цифру 4 (four) заменяют словом “for”. Например, NO1 — «нет кого (чего)», F2F (face to face) — «лицом к лицу», 3 (free) — «свободный», 4U — for you — «для вас» [электронный ресурс]¹.

В китайском интернет-языке за каждой из цифр от 0 до 9 закрепляется определённое значение.

Например, 0 — [ноль] используется в значении иероглифа «你» — [ты];

1 — [один] в значении иероглифа «一» и иероглифа «要» — [надо];

2 — [два] в значении иероглифа «爱» — [любить];

3 — [три] в значении иероглифа «想» — [хотеть];

4 — [четыре] в значении иероглифов «谢» и «死» — [спасибо] и [смерть];

5 — [пять] в значении иероглифа «我» — [я];

6 — [шесть] в значении иероглифа «顺» — [попутно];

7 — [семь] в значении иероглифов «吃» — [кушать] и «气» — [сердиться];

8 — [восемь] в значении иероглифов «发» — [богатеть], « » — [нет] и «拜» — [пока];

9 — [девять] в значении иероглифов «酒» — [алкогольные напитки] и «就» — [от и есть] [электронный ресурс].

Например, сочетание цифр 520 может заменять «我爱你» и означает «я тебя люблю» (где парень любит девушку); 521 «我爱你» — «я люблю тебя» (девушка любит парня); 687 «对不起» — «прошу проше-

¹ http://wenku.baidu.com/link?url=LBsIU57gx2Agi45v5-4JMVENfjR6JNu3CqZ5r2WHw4PrPstAKufqBIgD-_v2HsvYE1iUYBF9TpLIXjuVHms6MUgFaXrwjiAD32Gec8RICum

ния»; 7758 «亲亲我吧» — поцелуй меня, пожалуйста»; 8147 «不要生气» — «не сердись»; 987 «就不去» — «не пойду»; 528 «我要» — «мне надо разбогатеть»; 7456 «气死我了» — «я очень рассердился» и т.д. [Электронный ресурс]²..

2) Смайлики как традиционный способ репрезентации эмоций.

Стремление к отображению невербального компонента коммуникативных высказываний в сетевом общении привело к возникновению достаточно обширной коллекции смайликов, которые имитируют интонационные движения речи, связанные с содержательной либо эмоциональной стороной высказывания. При употреблении смайликов эмоции могут выражаться с помощью глаз, рта, губ или даже носа, точно так же, как и при реальном общении.

Использовать в переписке смайлики впервые предложил Скотт Фалман. В одном из своих писем от 19 сентября 1982 года он пишет: «Предлагаю использовать вот такую последовательность символов :-) и :- (для обозначения шуточных сообщений» [Википедия]³. С тех пор смайлики являются неотъемлемой частью в интернет-общении.

По происхождению существуют две наиболее яркие разновидности смайликов. Одни пришли к нам из западных стран, а другие — из Японии.

В западных смайликах используются горизонтальные линия и имеют они следующую особенность: для того, чтобы их посмотреть, нужно наклонить голову на 90 градусов.

Западные смайлики — это пиктограммы, образованные комбинацией знаков препинания, отдельных математических и логических символов: + = / > <, букв и скобок разных видов [], (), {}, различных кавычек: «» “ ”, вертикальных черт: |, | |, знаков # (номер, позиция), @ (кричащий рот), * и другие символы.

Например,

- :) :-) 微笑 обозначает «улыбка»
- :-@ 叫喊 — кричать на кого-что
- [:] 机器人 — «робот»
- :-F 生气 — «злой»
- <:-I 傻瓜 — «дурак»
- ;-) — «подмигивание»
- :-D — «рот до ушей»
- :-(— «грустный»
- <: -) — «сомнение»

² <http://www.chinazhaokao.com/wendang/shuoshuo/468405.html>

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%BB%D0%BC%D0%B0%D0%BD_%D0%A1%D0%BA%D0%BE%D1%82%D1%82

: -0 — «удивление»

: -X — «рот заклеен лентой» [электронный ресурс]⁴

Например, диалог с использованием подобных знаков выглядит следующим образом:

M365: да здесь почти никого нет

M365: итак, все спят на клавиатурах | -I

M365: Ой, Без, помоги мне, оооооооочень занят: - (

Без: Ну, да. Чё? : - Q

M365: переводить

Без: шас я думаю: -P

M365: Да и нет???: ~| [электронный ресурс]⁵

Японские смайлики характеризуются вертикальными линиями. Они удобнее для чтения, так как, для того чтобы их прочитать, не нужно поворачивать голову на 90 градусов. Японские смайлики строятся следующим образом: круглые скобки () ограничивают лицо, символы ^ или * используются для имитации глаз, а _ и o используются для обозначения рта:

(-_-) 神秘的笑 используется для обозначения «загадочной улыбки»

:(哭泣 означает «плакать»

(^_^) или ^_^ 开心 — «радость»

^_^” 迷人的笑 — «очаровательная улыбка»

^0” 开口大笑 — «улыбка во весь рот»

_ 眼花缭乱 — «в глазах рябит»

0-0 近视眼 — «человек в очках»

Следующие знаки чаще всего используются в китайском языке:

(=^.^=) — «котик» 猫咪

(^_^~) — «подмигивать»

(n_n) «грустно» 郁闷

^..^ «поросёнок» 小猪

^3^ «целовать» 亲吻.

Западные смайлики компактны и удобны, набор эмоций, который можно выразить с их помощью, гораздо богаче и поэтому заслуженно пользуется наибольшей популярностью. Японские смайлики имеют своей характерный стиль, они очень красивы и выразительны, поэтому и стали популярны в народе. В русском интернет-общении преобладает западный стиль смайликов, а в китайском используется в основном японский стиль.

3) Эмотиконы как новый способ репрезентации эмоций.

Эмоции репрезентируются в языке с помощью широкого набора средств, среди которых особое место занимает явление нового

⁴ <http://www.fuhaodq.com/>

⁵ <http://www.fuhaodq.com/>

времени, появившееся на волне развития технологий и получившее название «эмотиконы».

Виртуальное общение предполагает комбинацию особенностей устной и письменной его форм. Очевидно, что «сфера коммуникации, несомненно, влияет на принципы отбора и организации средств выражения» и «связана с понятием сферы человеческой деятельности» [Гарбовский, 1988: 9].

Участники интернет-коммуникации практически полностью лишены вспомогательных средств: тембра речи, акцентирования части высказывания, эмоциональной окраски, тембра голоса, его силы, дикции, жестов и мимики. Отсюда адекватная передача мыслей, эмоций при таком общении становится крайне низкой, ведь, по мнению психологов, при обычной коммуникации в акте общения невербальная коммуникация определяет до 55% результата. Столь серьёзная нехватка не могла не быть определённым образом компенсирована, поэтому общение в Интернете всё-таки не обходится без телесности. В первую очередь «эмоциональный дефицит» был определённым образом компенсирован путем введения в виртуальный дискурс частично типизированных эмоциональных реакций — «эмотиконов», которые широко распространились в интернет-общении.

Эмотикон — это пиктограмма, изображающая эмоцию. Такое определение даёт нам электронная энциклопедия — Википедия [Википедия]. На наш взгляд, эмотикон является новейшим способом выражения эмоций, появившимся в результате развития современных технологий на основе смайликов. Обычно он составляется из типографских знаков, в том числе и из анимационных картинок. Эмотиконы получили широкое распространение в интернет-общении, так как они позволяют выражать универсальные эмоции без учёта грамматических, фонетических и орфографических особенностей. Это, в какой-то степени, своеобразные средства письменной коммуникации, если можно так сказать, заменяющие мимику и жесты устной разговорной формы общения. При общении они могут включаться в текст сообщения либо представлять собой самостоятельное сообщение. Эмотиконы удобны, так как заменяют целое слово, словосочетание или даже предложение, тем самым отражая тенденцию к свободному производству языковых единиц и тяготению к автоматизму речи, что позволяет, с одной стороны, эмоционально и разнообразно дополнить смысл высказывания, а с другой — они отличаются повторяемостью и клишированностью, что облегчает понимание. Кроме того, эмотиконы предназначены для того, чтобы более богато и разнообразно дополнять смысл высказывания, уточнять его экспрессивно-интонационную окраску.

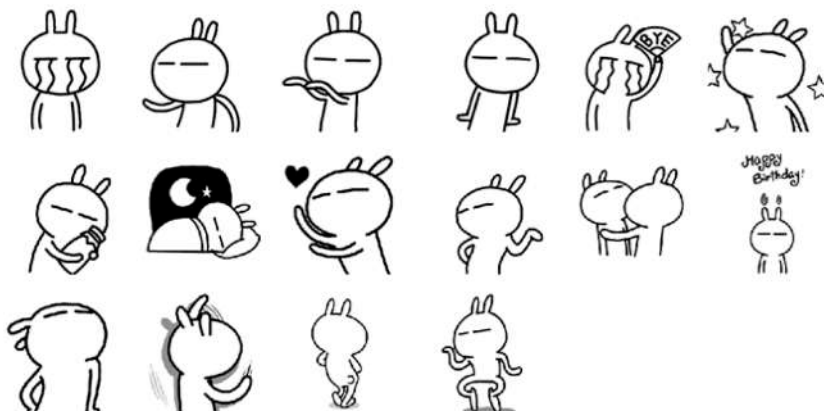
Попытаемся выделить наиболее частотные эмодзи, которые каждый из нас использует либо по привычке, либо из экономии времени, либо по эстетическим причинам. Для примера мы взяли эмодзи, которые используются в русской популярной интернет-программе WhatsApp и китайской WeChat и QQ.

Эмодзи, которые используются в WhatsApp:

[электронный ресурс]⁶.

Эмодзи, которые используются в WeChat и QQ:

⁶ http://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ct=201326592&lm=-1&cl=2&ie=gbk&word=%B1%ED%C7%E9%B7%FB%BA%C5%B4%F3%C8%AB&fr=ala&ori_query=%E8%A1%A8%E6%83%85%E7%AC%A6%E5%8F%B7%E5%A4%A7%E5%85%A8&ala=0&alatpl=sp&pos=0

[электронный ресурс]⁷.

В русском интернет-общении эмодиконы не предполагают выражения сильных отрицательных эмоций, т.к. в этом случае общение, наверняка, просто будет прекращено или продолжено уже без использования пиктограмм [Вотякова, 2016: 204]. А в китайском интернет-общении используется более широкий ассортимент эмодиконов, в том числе и эмодиконы для выражения сильных отрицательных эмоций, например:

Кроме того, следует отметить, что в китайском интернет-общении чаще используются эмодиконы, в то время как русские пользователи предпочитают использовать в подобной ситуации смайлики. Почему это происходит? На наш взгляд, одной причин является разница в уровне развития компьютерных технологий. В Китае, на наш взгляд, уровень активности общения в интернете выше и, как следствие, разумеется, больше создаётся новых эмодиконов, которые достаточно быстро внедряются в интернет-язык.

Таким образом, целью данной работы было исследование знаковых обозначений, используемые для передачи определённого содержания, которые достаточно широко используются в интернет-общении. Мы провели небольшой сопоставительный анализ и определили сходства и различия в использовании знаковых обозначений в русском и китайском интернет-общении. Нельзя не согласиться с Соссюром, который ещё в 1916 году писал, что «знаковые обозначения представляет собой яркий пример того, как языковое сообщество определяет значение языкового знака, поскольку

⁷ http://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ct=201326592&lm=-1&cl=2&ie=gbk&word=%B1%ED%C7%E9%B7%FB%BA%C5%B4%F3%C8%AB&fr=ala&ori_query=%E8%A1%A8%E6%83%85%E7%AC%A6%E5%8F%B7%E5%A4%A7%E5%85%A8&ala=0&alatpl=sp&pos=0

⁸ http://image.baidu.com/search/index?tn=baiduimage&ct=201326592&lm=-1&cl=2&ie=gbk&word=%B1%ED%C7%E9%B7%FB%BA%C5%B4%F3%C8%AB&fr=ala&ori_query=%E8%A1%A8%E6%83%85%E7%AC%A6%E5%8F%B7%E5%A4%A7%E5%85%A8&ala=0&alatpl=sp&pos=0

рассматриваемые пиктограммы или знаки обладают символическим содержанием в классическом лингвистическом смысле» [Сосюр, 1916].

Список литературы

- Вотякова И.А.* Эмотиконы как способ репрезентации эмоциональных концептов // Вестник Московского университета. Серия 4. М.: Изд-во МГУ, 2016. С. 201–211.
- Votyakova, I.A.* Emotikony kak sposob reprezentatsii ehmotSIONal'nykh kontseptov [Emoticons as a way of representation of emotional concepts], *Vestnik moskovskogo universiteta. Seria 4, No 4*. Moscow: Izd-vo MGU. 2016. pp. 201–211 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* О функционально-стилистической вариативности языка / Гарбовский Н.К. в сборнике Вопросы системной организации речи, М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 9–25.
- Garbovskij, N.K.* O funktsional'no-stilisticheskoi variativnosti yazyka [On the functional-stylistic variability of language], *Garbovskij N.K. V sbornike Voprosy sistemnoj organizatsii rechi*, Moscow: Izd-vo MGU, 1988. pp. 9–25 (in Russian).
- Гусейнов, Г.Г.* Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 56.
- Gusejnov, G.G.* Zametki k antropologii russkogo Interneta: osobennosti yazyka i literatury setevykh lyudej [Notes on the anthropology of the Russian Internet: features of the language and literature of networked people], *G.G. Gusejnov, Novoe literaturnoe obozrenie*, 2000. No 43. pp. 56 (in Russian).
- Иванов, Л.Ю.* Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.Г. Костомарова. М.: Индрик, 2001. С. 131–148.
- Ivanov, L.Y.* Yazyk interneta: zametki lingvista [Internet language: notes of a linguist // Dictionary and culture of Russian speech], *Slovar' i kul'tura russkoj rechi*. L.Y. Ivanov; pod red. N. Yu. Shvedovoj, V.G. Kostomarov. Moscow: Indrik, 2001. pp.131–148 (in Russian).
- Леонтович О.А.* Проблемы виртуального общения // Полемика. 2000. № 7. С. 4.
- Leontovich, O.A.* Problemy virtual'nogo obshheniya [Problems of virtual communication], *O.A. Leontovich. Polemika*, 2000. No 7. pp. 4 (in Russian).
- Сосюр Ф.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-воУрал. ун-та, 1999. 432 с.
- Sossyur, F.* Kurs obshhej lingvistiki [Course of General Linguistics]. *Sossyur F. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta*, 1999. 432 p. (in Russian).
- 何洪峰. 从符号系统看“网络语言”[J]. 江汉大学学报 (人文社科版), 2003, (1).
- Хэ Хунфэн.* Цун фу хао си тун кэн. “Интернет-язык”. Цзян хань да сюэ сюэ бо (жэнь вэн шэ кы бань), 2003, (1)

- 郑远汉. 关于“网络语言”[J]. 华中科技大学学报(人文社科版), 2002, (3).
Чжэнь Юаньхань. О “интернет-языке”. Цзянь хань да сюэ сюэ бо (жэнь вэн шэ кы бань). (3).
- 于根元. 互联网语言概说[M]. 北京: 中国经济出版社, 2001. 10.
Юй Гэньюань. “Ху лянъ ван юй янь гай шу”. Пекин: китайское экономическое издательство, 2001. С. 10.
- 于根元. 中国网络语言词典[M]. 北京: 中国经济出版社, 2001.
Юй Гэньюань. Словарь китайского интернет-языка. Пекин: Китайское экономическое издательство, 2001.
- 杨鹏. 互联网文化与青年[M]. 北京: 清华大学出版社, 2006. 7.
Ян Пэн. “Ху лянъ ван вэн хуа юй цинь нянь”. Пекин: Издательство Цинхуаского университета.

Источники

- Зуев. В.А.* Отражение невербального в тексте посредством эмограмм // Журналистика: информационное пространство. 2004.
- Zuev, V.A.* Otrazhenie neverbal'nogo v tekste posredstvom ehmogramm [Reflection non-verbal in the text through emoticons], Zhurnalistika: informacionnoe prostranstvo, 2004 (in Russian).
- Ерофеева Е.В.* Понятие социолект в современной русской лингвистике // Язык. Речь. Речевая деятельность: межвузовский сборник научных трудов [С]. Нижний Новгород. Вып. 8. Ч. 1. 2005.
- Erofeeva, E.V.* Ponyatie sociolekt v sovremennoj russkoj lingvistike. Yazyk. Rech'. Rechevaya deyatel'nost' [The concept of sociolect in modern Russian linguistics, Language. It. Speech activity]: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [С]. Nizhnij Novgorod. Vyp. 8. Ch. 1, 2005 (in Russian).
- Трофимова. Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: Изд-во РУДН, 2004. 380 с.
- Trofimova, G.N.* YAzykovoј vkus internet-ehpohi v Rossii [Language taste of the Internet age in Russia], Funkcionirovanie russkogo yazyka v Internetе: konceptual'no-sushchnostnye dominanty. M.: Izd-vo RUDN, 2004. 380 p. (in Russian).
- 中国互联网络信息中心. 中国互联网络发展状况统计报告 [R]. 北京: 中国互联网络 信息中心, 2006.
- 刘海燕. 网络语言[M]. 北京: 中国广播电视出版社, 2002.
- 中国互联网络信息中心. 中国互联网络发展状况统计报告 [R]. 北京: 中国互联网络 信息中心, 2006.
- 路阳. 浅析俄罗斯网络语言 [J]. 现代交际, 2010 (11).
- 汤玫英. 网络语言新探 [M]. 河南人民出版社, 2010.
- 罗娟花. 俄语网络语言的市场机制和特点研究 [D]. 对外经济贸易大学, 2012.

Электронные ресурсы

<http://chat.aix.ru/www/ru.spb.php>

<http://chat.radio-msu.net/>

<http://www.ltv.ru/news/polit/153684>

<http://zerkalo.ru/chats/015/>

<http://volchat.ru/>

<http://slovari.yandex.ru/search.xm?>

<https://zhidao.baidu.com/question/551816630.html>

Б.Н. Жантурина, доктор филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет (МПГУ); e-mail: uvaursi@inbox.ru

КОНСТРУКЦИИ ДВОЙНОГО СИНТАКСИСА В ПРАКТИКЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Конструкции двойного синтаксиса, обычно относящиеся к «поэтическим вольностям» усложнённого текста, рассматриваются здесь на фоне нормативного порядка слов, моделей инверсии и произвольного синтаксиса в аспекте поэтического перевода с английского языка на русский. Такие конструкции могут быть мотивированы неопределённой референцией и референциальным конфликтом местоимённых замен, анафорической и катафорической связью отдельных блоков текста. При переводе конструкции двойного синтаксиса безэквивалентны, переводческая стратегия нацелена на снятие референциальной неопределённости текста, что показано на примере стихотворений Эмили Э. Дикинсон в переводах А. Гаврилова и И. Близнёцовой.

Ключевые слова: порядок слов, инверсия, произвольный синтаксис, конструкции двойного синтаксиса, референция, референциальная неопределённость, референциальный конфликт.

Bakhyt N. Zhanturina, Doctor Sc. (Philology), associate-professor, Foreign Languages Department, Moscow Pedagogical State University; e-mail: uvaursi@inbox.ru

DOUBLE SYNTAX CONSTRUCTIONS UNDER POETIC TRANSLATION PRACTICE

Double syntax constructions usually classified as ‘poetic license’ in a complicated text have been reviewed against the background of normal word order, inversion and dislocated syntax models in poetic translation from English into Russian. The constructions may be motivated by indefinite reference and referential conflict of pronominal substitution, anaphoric and cataphoric cohesion of the textual blocks. Under translation such constructions illustrated by examples from Emily Dickinson’s poetic texts and their translation variants by A. Gavrilov and I. Bliznestova are non-equivalent; the translation strategy is targeted at eliminating referential duality in the text.

Key words: word order, inversion, dislocated syntax, double syntax constructions, referential ambiguity, referential conflict.

Новый всплеск интереса к Эмили Элизабет Дикинсон отмечен непрекращающимися попытками разгадать тайны её жизни и расшифровать «тёмные» места с социально-значимых и лингвистиче-

ских позиций. Канонизация на «поэтическом Олимпе», согласно мнению М. Перлоф [Perloff, 2014: 1], связана с любопытным фактом её рецепции: несмотря на высокую оценку со стороны литературных критиков, филологов и современных поэтов, в ряду образцовых поэтов она не числится. Обилие «тёмных мест» осложняет восприятие и нередко возникает из-за тектонических строевых характеристик её поэтического метода; эллипсис и изменения в порядке слов в синтаксических конструкциях можно считать отличительной чертой её стиля, выделяя их наряду с моделями инверсии на фоне канонических грамматически правильных структур. Исходный осложнённый текст стиха требует решения комплексных задач поэтического перевода.

Неканонический синтаксис — конструкции произвольного и двойного синтаксиса — метасемиотически обозначен автором, ткань стиха прерывается бесконечными тире (нередко разрывая синтаксические связи) и, на первый взгляд, случайной капитализацией слов. «Напряжённый» поэтический синтаксис насыщен аморфными неоднозначными высказываниями, в которых, как бы, оставлена возможность для двойного прочтения стиха при введении в речь феномена семантической компрессии и неординарных образов, сравнений и метафор.

Произвольные и двойные конструкции обычно относятся к ряду поэтических вольностей, допускают возможность двойного прочтения и включены в механизмы текстообразования. Согласно Н.А. Кобриной [Кобрина, 2007: 141], неканонические конструкции акцентируют отдельные важные компоненты предложения при выполнении функции внутритекстовой связи (когезии).

Поэт, несомненно, волен в выборе синтаксических конструкций и метасемиотических знаков, уместных с его точки зрения для выражения мыслей. Конструкции двойного синтаксиса противопоставлены, с одной стороны, нормативному порядку следования компонентов в предложении, с другой стороны, — инверсии и конструкциям произвольного синтаксиса. Фиксированный порядок слов в английском языке указывает на коммуникативные типы предложения; повествовательные, вопросительные и повелительные типы имеют свои особенности порядка слов.

Коммуникативный статус слов создаёт эффект «двойного» синтаксиса в первом четверостишии стихотворения №187 *How many times these low feet staggered* / *Как уставали эти ноги* (1860), перевод А. Гаврилова [Дикинсон, 2001: 104–105].

<i>How many times these low feet staggered —</i>	<i>Как уставали эти ноги —</i>
<i>Only the soldered mouth can tell —</i>	<i>Лишь этот рот сказать бы мог —</i>
<i>Try — can you stir the awful rivet —</i>	<i>Попробуйте сорвать заклёпки!</i>
<i>Try — can you lift the hasps of steel!</i>	<i>Попробуйте сломать замок!</i>

Стихотворение отражает интерактивный режим общения лирической героини с собеседником, метасемиотические знаки препинания приковывают внимание с первой строки. Тире в конце строки 1 оформляет прямую речь лирической героини: восклицательное предложение без знака восклицания и повествовательное предложение на строке 2. На строках 3–4 обращение к собеседнику с призывом к действию представляет собой сложный синтаксический комплекс: повелительное наклонение в форме *try* объединено с вопросительным предложением *can you stir..* Обратный порядок слов в вопросе указывает на прямую речь вместо ожидаемой косвенной речи после формы *try*. Знаки препинания, на первый взгляд, произвольны: восклицательный знак на строке 4 оформляет вопрос, тире в конце строк указывают на продолжение мысли, тире в середине строк 3–4 выделяет вопрос в прямой речи.

<i>Stroke the cool forehead — hot so often —</i>	<i>Погладьте этот лоб холодный —</i>
<i>Lift — if you care — the listless hair —</i>	<i>Приподымите прядь волос</i>
<i>Handle the adamantine fingers</i>	<i>Дотроньтесь до застывших пальцев —</i>
<i>Never a thimble — more — shall wear —</i>	<i>Им столько сделать довелось!</i>

Грамматический повтор в форме императива и обращение к собеседнику на строках 5–7 поддерживают иллюзию актуального режима общения и обеспечивают внутритекстовую связь первого и второго четверостиший.

<i>Buzz the dull flies — on the chamber window —</i>	<i>Жужжит назойливая муха</i>
<i>Brave — shines the sun through the freckled pane —</i>	<i>В окне, и пыль в луче дрожит —</i>
<i>Fearless — the cobweb swings from the ceiling —</i>	<i>Бесстрашно виснет паутина —</i>
<i>Indolent Housewife — in Daisies lain!</i>	<i>Хозяйка в праздности лежит!</i>

Конструкция двойного синтаксиса *buzz the dull flies...* на строке 9 складывается при наложении друг на друга двух коммуникативных модальностей, оформленных в одну синтаксическую конструкцию: повелительное наклонение и модель повествовательной коммуникативной модальности с полной эмфатической инверсией (глагол-сказуемое *buzz* вынесен в начальную позицию строки перед подлежащим). С одной стороны, повелительная модальность «навязана» силой инерции восприятия в режиме интерактивного диалога лирической героини и читателя, подготовлена предыдущим контекстом первого и второго катренов, где обращение к чи-

тателю с призывом к действию повторяется неоднократно на строках 2–7. С другой стороны, выбор в пользу инверсии в актантной рамке глагола *buzz* продиктован текстовой стратегией последнего катрена, где лирическая героиня ведёт монолог сама с собой, но не с читателем. Здесь нарративная стратегия построена на передаче крайней оценочности эмоционального высказывания.

Модель полной эмфатической инверсии подлежащего и сказуемого повторяется дважды: на строке 9 *buzz the dull flies* → *the dull flies buzz* при глаголе действия в простом глагольном сказуемом и на строке 10 *brave shines the sun* → *the sun shines brave* при глаголе состояния в составном двойном именном сказуемом с предикативом. Строка 11 с конструкцией произвольного синтаксиса в пределах атрибутивного словосочетания *fearless the cobweb swings* → *the fearless cobweb swings* стилистически выдержана в том же ключе. «Двойной синтаксис» на строке 9 метасемиотически поддержан тире.

Перевод успешно ориентирован на передачу текстовой стратегии исходного текста; коммуникативная стратегия, связанная с преобразованием линейной последовательности компонентов высказывания, оказывается безэквивалентной в русском языке и не компенсируется в тексте перевода.

Изменение порядка следования компонентов в линейной цепи «подлежащее — сказуемое — прямое дополнение — предложное дополнение — обстоятельство» порождает модели грамматической и стилистической, полной и частичной инверсии [Смирницкий, 1957: 70–73; Гуревич, 2008: 164–166], в которых передвижение второстепенных членов предложения сопровождается перестановкой внутри группы главных членов. В конструкциях произвольного синтаксиса происходит линейное перераспределение второстепенных членов вне группы подлежащего и сказуемого.

«Раздвоение» синтаксиса имеет иную природу и наблюдается, например, при неоднозначной референции личных и притяжательных местоимений в стихотворении № 520 *I started Early — Took my Dog / Я рано встала, пса взяла* — (1862) [Дикинсон, 2001: 188].

Популярная ныне тема — феминистские мотивации Э. Дикинсон и её культурной эпохи [Reising, 1996: 1] — открывается за непритязательным описанием вполне обыденного события и создаёт двойной текст в стихе. Повествование заявлено лирической героиней в первом лице единственного числа *I / я* и сюжетно развивается на протяжении шести четверостиший в виде рассказа о ранней прогулке к морю. Прогулка начинается мирно: в первых двух катренах в величии моря взору лирической героини открываются картинки

любопытных русалок и парусного корабля *the Mermaids... / came out to look at me; and Frigates... / Extended hempen hands.*

В третьем катрене прилив наступает и пугает её, угрожая поглотить...*the Tide / Went past my simple shoe — / And past my Apron — and my Belt / And past my Bodice — too — / And made as He would eat me up —.*

В последнем катрене стиха на строке 21 появляется коллективное *We / мы*, очень личное *я* становится не менее личным *мы* — мы с читателем или с морем, или с псом, с которым вышли к морю; неясная референция в этой форме местоимения сохраняется до конца исходного текста. Во множественном *мы*, *нам* сообщается, тем не менее, о том, что кто-то рядом есть и этот некто, скорее, активно преследует и угрожает героине, чем мирно играет с ней *And He — He followed — close behind — / I felt His Silver Heel.* Пёс-компаньон, заявленный в первой строке, в композиции утрачен, может быть, на берегу моря, что можно расценить как потерю защитника перед лицом угрозы именно в этой точке пространства у моря.

При неопределённой референции *мы* и допускаемой угрозе со стороны моря, местоимение *he/on* в исходном тексте анафорически замещает антецедент *more*, указывая не столько на строку 1 с существительным *sea*, сколько на его концепт, уже в нарративе введённый и потому содержащий своего рода схему понимания [Thornbury, 2005: 23]. В составе приёма грамматической персонификации *more / оно* должно гендерно угрожать лирической героине.

В переводе А. Гаврилова [Дикинсон, 2001: 188–190] произведена уместная и необходимая лексическая замена *more/оно* — *прилив/он*, которая создаёт платформу для передачи безэквивалентного стилистического приёма [Казакова, 2000: 88]. Особый английский приём грамматической персонификации проявляется в игре местоимений (заменой *it* на *he, she*) при субституции имён существительных в тексте во избежание повторов одного и того же слова, образуя сеть кросс-референций и маркируя род употреблением личных и притяжательных местоимений при персонификации. Вместо *it* используется местоимение мужского рода в том случае, «если некто или нечто представлено как существо активное, сильное, уподобляющееся человеку (*man*)» [Гуревич, 2008: 11]. В русском языке, располагающем грамматической категорией рода в именах существительных, игры местоимений при субституции имён и именных групп недостаточно для выведения дополнительных смыслов. Скрытые в персонификации культурные смыслы активной мужской агрессии со стороны моря остаются вне переводческих возможностей на уровне эквивалентных соответствий, но они

компенсированы добавлениями *в страхе, чтоб в нём не утонуть: Похоже, он меня хотел, / Как капельку, слизнуть — / И в страхе побежала я — / Чтоб в нём не утонуть —*.

Прямое дополнение *no one* в начальной позиции строки 22 финального катрена оторвано от «своего» глагола *know*, образуя конструкцию произвольного синтаксиса без инверсии в группе «подлежащее — сказуемое». Считается, что фиксированное место прямого дополнения в постпозиции глаголу определяется его контактными связями с переходным глаголом; на самом деле, его расположение не ограничивается только этой позицией, при прямом следовании «подлежащее — сказуемое» оно может занимать любое место, кроме места занятого подлежащим [Смирницкий, 1957: 64].

Конструкция произвольного синтаксиса поддержана аллитерацией *No one He seemed to know* — и «глазной» мужской рифмой консонансного типа [Гаспаров, 2003: 223] *town — know*, в которой согласные совпадают, а гласные — разные. Переводной текст содержит лишь перекрёстную мужскую рифму *рад — назад* на строках 22 и 24, не связанную с произвольной конструкцией.

Метасемиотические знаки препинания в исходном стихе навязчивы, часто избыточны: тире встречается в середине и конце строк, катренов и стиха. Тире в конце строк совпадают по функции с запятой, способствуя движению собственно повествования и удерживая внимание на последовательности действий, как например *we met — he knew — he bowed — he withdrew* на строках 21–24. Тире в конце финальной строфы отмечает композиционную разновидность «висячей» концовки (*loose end*) незавершённого стиха [Reising, 1996: 1] *And bowing — with a Mighty look — At me — The Sea withdrew* —, что часто наблюдается в произведениях Э. Дикинсон. Тире в середине строки появляется вместо запятой, например, на строке 1 *I started early — Took my Dog — / And visited the sea*; или выделяет повтор на строке 17 *And He — He followed*, или удерживает обособленные конструкции с обстоятельством места на строке 5 *And Frigates — in the Upper Floor / Extended Hempen Hands*. На строке 9 тире оформляет синтаксическую связь в сложном предложении с придаточным времени *But no man moved Me — till the Tide / Went past my simple Shoe*; на строке 23 оно разделяет обстоятельства образа действия и сопутствующих действий *And bowing — with a Mighty look / — At me — The Sea withdrew* —.

В переводном тексте тире сохранены в конце строк, иногда заменены на запятые, сохраняя вектор текстовой нарративной стратегии; авторские тире сняты в середине строк, что «выравнивает»

рванный синтаксис исходного стиха. В конце стиха переводного текста тире снято вместе с висячей незаконченной концовкой и заменено точкой, обретая, с одной стороны, конечность и законченность ясного финала, с другой — подчёркивая полную свободу от конструкций произвольного и двойного синтаксиса исходного текста.

Заглавные буквы в исходном тексте встречаются во всех частях речи, отмечая значимость этих слов (или концептов), включая местоимения.

На строке 21 исходного текста заглавными буквами выделены прилагательное *Solid* и существительное *Town*, задерживая внимание на городе, выстроенном из камня; стихия воды отступает при встрече с твердыней города, который, как следует из акцентированного произвольной конструкцией *no one he seemed to know* смысла, отчуждает море как нечто неизвестное, незнакомое, чуждое. В переводе капитализация в *Город* сохранена, равно как и противопоставление «своего и чуждого».

Феминистские мотивации Э. Дикинсон и двойной параллельный текст прослеживаются, по мнению К.И. Гилиген [Gilligan, 2011: 1], также в стихотворении № 754 *My Life had stood — a Loaded Gun / Стояла Жизнь моя в углу Заряженным Ружьём* (1863), перевод А. Гаврилова [Дикинсон, 2001: 256–259].

Выделяя в стихотворении два параллельных текста, К.И. Гилиген предлагает следовать двум векторам прочтения исходного текста: следуя первому и простому, повествование заявлено от первого лица *my life* с персонификацией говорливого и философствующего ружья, поднимаясь до высот аллегории. Следуя второму вектору, метафорические ключи к пониманию обнаруживаются в голосе лирической героини от первого лица на пересечении тем «моя жизнь», «заряженное ружьё» и «слова женщины наделены силой и опасны». Здесь основой двойного текста можно считать аморфность метафорического значения в ряде лексических значений.

Неопределённая референция местоимений также образует конструкции двойного синтаксиса в стихотворении № 258 *There's a certain Slant of light* (1861) [Дикинсон, 2001: 130–131], чрезвычайно плотном и трудном по смыслу стихотворении. Исходный текст начинается с мнимо-объективного описания состояния природы, истинность которого не ставится под сомнение внешним наблюдателем. Референтная ситуация вводится на первых двух строках первого четверостишия в текстовом зачине с обозначения предмета речи *a slant of light* и границ хронотопа *winter afternoons*. В инициальной фразе бытийной конструкции *There's*, по сути, представлен

перцептивный процесс восприятия: сиюминутное ускользящее явление и зимний сумеречный свет перед наступлением темноты доступны зрительному восприятию наблюдателя и вызывают в нём депрессивное состояние духа и тяжёлые мысли о смерти. Перцептивные образы зрения и слуха участвуют в сравнении зримого света *a slant of light* со слуховым признаком *heft of cathedral tunes*, оставляющим эффект синестезического воздействия по линии одновременных зрительных и слуховых ощущений.

В переводе (1) А. Гаврилова [Дикинсон, 2001: 188] и переводе (2) И. Близначевой [Новые переводы, 2009: 2] произвольная конструкция с пропущенным предлогом *on winter afternoons* восстановлена в границах заявленного хронотопа. Референция местоимения *it* надёжно привязана к описанию света в точке зрения внешнего наблюдателя.

Три первых четверостишия имеют нерегулярную метрическую схему: в исходном тексте 7, 5, 7, 5 слогов вместо ожидаемых 8, 6 слогов (за каждым ударным слогом в конце строки следует безударный в начале следующей строки, но он пропущен) [Perloff, 2014: 4]. В переводе (1) метрический рисунок восстановлен 8, 6, 8, 6, в переводе (2) наблюдается метрический сбой 8, 7, 9, 8.

*There's a certain Slant of light,
Winter Afternoons
That oppresses like the Heft
Of Cathedral Tunes —*

(1) Зимой на исходе дня
Вдруг солнца луч блеснёт —
Он сверху давит, словно груз
Органнх тяжких нот.

(2) У света есть такой Наклон
За полдень — в зимние дни —
Который сердцу тяжёл, как тон
Органного голоса —

Во втором катрене исходного текста грамматическое *we* меняет нарративную стратегию стиха, совмещая точки зрения внешнего и внутреннего наблюдателя, вовлекая читателя в круг участников ситуации, обобщая личный опыт переживания. Референтная ситуация осложнена неясной местоимённой заменой *it*. Обычно при местоимённой замене *it* соотносится с одним антецедентом, устанавливая текстовую анафорическую референцию с той же темой. Здесь же первая из шести неопределённых референций с помощью местоимения *it* в качестве подлежащего неоднозначно соотносится с замещаемым денотатом: свет или звук, или же вся ситуация в целом, если следовать текстовому вектору анафорического замещения предмета речи, заявленного в первом четверостишии. Произволь-

ная конструкция с прямым дополнением *heavenly hurt* занимает начальную позицию строки и предшествует группе подлежащего и сказуемого, синтаксически выдвигая и рематизируя дополнение. На наш взгляд, такое выдвигание прямого дополнения в качестве новой ремы в этом четверостишии поддержано аллитерацией и стилистически необходимо для описания глубины переживания и апелляции не только к эмоциональной, но и рациональной сфере внутреннего человека.

Конструкция произвольного синтаксиса сходным образом опущена в переводах (1) и (2), но неопределённая референция местоимения *it* и внутритекстовая связь между двумя четверостишиями вербализованы по-разному. В переводе (2) указательное местоимение *это* соотносит предмет речи, скорее, со всей ситуацией в целом, чем со светом, отдельным референтом в составе ситуации, введённой первым катреном. Оно же связывает первое и второе четверостишия, возвращая к предмету речи. В переводе (1) местоимение отсутствует, референция с предметом речи остаётся неясной.

*Heavenly Hurt, it gives us —
We can find no scar,
But internal difference,
Where the Meanings, are —*

*Божественная боль —
И рана без следа.
Но что-то изменилось в нас
Отныне — навсегда.*

*Это небесная Рана —
Мы не найдём рубца,
И только внутри, где живут Значения —
Ясная разница.*

Синтаксический разнобой появляется в третьем катрене исходного текста, на первой строке которого три неопределённо-личных местоимения *none, it, any* при предикате *teach* создают референциальный конфликт и сложности понимания, допуская несколько вариантов одновременного прочтения конструкций двойного нерегулярного синтаксиса. Потенциально возможные варианты осмысления не снимают трудностей понимания: *None may teach it anything* при усечённом *any* в прямом дополнении *anything*; *None may teach it to anybody* при пропуске предлога в предложном дополнении и усечённом *any (anybody)*; *None / Any may teach it*, если *any* находится в аппозиции к подлежащему *none* и участвует в конструкции двойного синтаксиса. Референция местоимения *it* остаётся неясной (не только здесь, но и во всём стихотворении оно не коррелирует с постоянным референтом), что затрудняет оживление обычного порядка слов и восстановление пропущенных компонентов на строке, а вместе с ними и смысла.

На второй строке этого четверостишия произвольная аранжировка в словосочетании *a seal despair* создана пропуском предлога *of*: *a seal of despair*.

*None may teach it — Any —
'Tis the Seal Despair —
An imperial affliction
Sent us of the Air —*

<i>Он ничему не учит — Как виденное в снах, Он посланный нам с высоты — Какой-то тайный знак.</i>	<i>Никто не научит его — Ничему — Это печать Отчаянья — Сверху сброшена царская боль Нам с чужого плеча —</i>
---	---

В последнем четверостишии стратегия повествования меняется, возвращаясь к мнимо-объективному описанию пейзажа с позиции внешнего наблюдателя, как и в первом четверостишии. Внутритекстовые связи при этом принуждают к определённой референции в местоимении *it* — свет, при которой глагольные метафоры обладают изобразительной силой *the landscape listens, shadows hold their breath*, а многозначный предлог *on* имеет двойное прочтение, реализуя свои пространственные и временные значения одновременно, что отображено в переводах. Перевод (2) принимает пространственное значение этого предлога на межфразовом сцеплении с существительным *distance* расстояние; перевод (1) выстраивает временное значение на хронологической последовательности прихода и ухода луча солнца и смерти.

*When it comes, the Landscape listens —
Shadows — hold their breath —
When it goes, 'tis like the Distance
On the look of Death —*

<i>Лишь только он блеснёт — Все замирает вмиг. Но вот он гаснет — это Смерть Заглядывала в мир.</i>	<i>Приходит — тени дыханье сдержали И прислушалась Твердь — Уходит — тогда это чувство Дали — Как и смотрит Смерть —</i>
---	--

Таким образом, рассмотренные конструкции двойного синтаксиса, принадлежащие зоне «тёмных мест» в поэтическом тексте, выделяются нами на фоне нормативного фиксированного порядка слов и моделей, как инверсии, так и произвольного синтаксиса в английском языке. Такие конструкции усложняют исходный поэтический текст, что может быть связано с коммуникативными типами высказываний, оформленными разным порядком слов в предложении, с анафорической и катафорической внутритекстовой связью

отдельных блоков текста, с неопределённой референцией местоимённых замен в целом пространстве текста, с референциальным конфликтом при идентификации объектов референции. При переводе конструкции двойного синтаксиса безэквивалентны, переводческая стратегия нацелена на одно из двух прочтений усложнённого текста, снятие референциальной неопределённости и разрешение референциального конфликта при местоимёнными заменах.

Список литературы

- Гаспаров М.Л.* Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна-Лимитед, 2003. 272 с.
- Gasparov, M.L.* Oчерk istorii evropejskogo stikha [An Essay in the History of European Verse], Moscow: Fortuna-Limited, 2003. 272 p. (in Russian).
- Гуревич В.В.* Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 168 с.
- Gurevich, V.V.* Teoreticheskaya grammatika anglijskogo yazika. Sravnitel'naya tipologiya anglijskogo i russkogo yazikov: ucheb. Posobije [A Theoretical Grammar of English. Comparative Typology of the English and Russian Languages], 5th edition. Moscow: Flinta: Nauka, 168 p. 2008 (in Russian).
- Дикinson Э.* Стихотворения: Сборник / Составл. М. Гавриловой. М.: ОАО Радуга, 2001. На английском языке с параллельным русским текстом. 448 с.
- Dickinson, E.* Stikhotvoreniya: Sbornik [Selected Poems], Sostavl. M. Gavrilovoj. Moscow: ОАО "Raduga", 2001. Na anglijskom yazike s parallel'nim russkim tekstom. 448 p. (in Russian).
- Казакова Т.А.* Практические основы перевода. English — Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. СПб.: Издательство Союз, 2000. 320 с.
- Kazakova, T.A.* Prakticheskije osnovi perevoda. English — Russian [Fundamentals of Translation], *Seriya: Izuchaem inostrannije yaziki*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Soyuz. 2000. 320 p. (in Russian).
- Кобрина Н.А.* Порядок слов в английском предложении и его функциональные модификации // Общее и германское языкознание: к 50-летию научной деятельности проф. В.М. Павлова / Отв. ред. Н.Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 133—148.
- Kobrina, N.A.* Poryadok slov v anglijskom predlozhenii i yego funktsional'niye modifikatsii [Word Order in English Sentence and its Functional Modifications], *Obshee i germanskoye yazikoznaniye: k 50-letiyu nauchnoj deyatel'nosti prof. V.M. Pavlova, Otiv. red. N.L. Sukhachev*. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. Pp. 133—148 (in Russian).
- Новые переводы Григория Кружкова и Инны Блинецовой // Интерпоэзия. URL: <http://magazines.russ.ru/interpoesia/2009/2/di20.html>
- Novije perevodi Grigiriya Kruzhkova i Inni Bliznetsovoj [New translations by G. Kruzhkov and I. Bliznetsova], *Interpoesija*, available at: <http://magazines.russ.ru/interpoesia/2009/2/di20.html> (in Russian).

- Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. 281 с.
- Smirnitckij, A.I.* Sintaksis anglijskogo yazika [Syntax of English], Moscow: Izdatel'stvo literaturi na inostrannikh yazikakh, 1957. 281 p. (in Russian).
- Gilligan, K.E.* Emily Dickinson's 'My Life had stood — a Loaded Gun —': Revealing the Power of a Woman's Words // *Inquiries Journal*, 2011, vol. 3, No 09, available at: <http://inquiries.com/articles/569> (2011).
- Perloff, M.* Emily Dickinson and the Theory Canon. Moscow: Perloff. 2014. available at: <http://epc.buffalo.edu/authors/perloff/articles/dickinson.html>
- Reising, R.* From Emily Dickinson's Lost Dog. R. Reising. 1996. available at: <http://www.modernamericanpoetry.org/criticism/russell-reising-emily-dickinsons-lost-dog.html>.
- Thornbury, S.* Beyond the Sentence. Introducing Discourse Analysis. Macmillan Publishers, 2005. 192 p.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

И.В. Балканов, адъюнкт, соискатель учёной степени кандидата филологических наук, Военный университет Министерства обороны; e-mail: i-balkanov@mail.ru

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ВОЕННЫХ ПЕРЕВОДНЫХ СЛОВАРЯХ (на материале военных двуязычных словарей XX века)

В статье предпринимается анализ военной лексики и особенностей её отражения в корпусе военного двуязычного словаря с целью выявления особенностей развития двуязычной военной лексикографии.

Ключевые слова: военная лексика, словарная статья, заглавное слово, издание, принципы отбора лексики, интерпретация значений слов.

Ilya V. Balkanov, Adjunct, Cand. Sc. (Philology) Degree Applicant at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow, Russia; e-mail: i-balkanov@mail.ru

MILITARY LEXIS IN MILITARY DICTIONARIES: A CASE STUDY OF BILINGUAL MILITARY DICTIONARY OF THE 20TH CENTURY

The present article is an analysis of the military lexis, its categorization and its presence in bilingual military dictionaries aimed at revealing general trends in the Russian lexicography and the lexicographical culture of specialized dictionaries, as well as advise on further development of the bilingual military dictionary format.

Key words: megastructure of a dictionary, dictionary entry, headword, edition, vocabulary selection strategies, interpretation of word meanings.

Предмет нашего исследования — военная лексика, её особенности и порядок её отражения в общем военном переводном словаре.

Изучением военной лексики и её особенностей занимались военные лексикологи и лексикографы на протяжении всего XX века. Особый интерес для нас представляет подход, предложенный военным лексикографом Г.А. Судзиловским, составителем целого ряда общих и специальных военных переводных словарей.

Г.А. Судзиловский относил к военной лексике «как слова и сочетания, выражающие специфические военные понятия, так и слова и сочетания, употребительные, прежде всего, в вооружённых силах» [Судзиловский, 1968: 1019] и предлагал разделить военную лексику на две основные группы: военную терминологию и эмоционально-окрашенные элементы военной лексики.

К военной терминологии следует относить понятия, встречающиеся в боевых документах, уставах и наставлениях, а также слова и словосочетания, связанные с обозначением систем вооружений и их устройством.

Эмоционально окрашенные элементы военной лексики, по мнению Г.А. Судзиловского, «являются в большинстве случаев стилистическими синонимами соответствующих военных терминов» [Судзиловский, 1968: 1019].

Данные группы неразрывно связаны между собой, постоянно изменяются и развиваются. Какие же факторы влияют на развитие военной лексики?

Как отмечает Л.Л. Нелюбин, «состав современной американской военной и военно-технической терминологии не является постоянным. Он непрерывно изменяется за счёт выпадения ряда слов, изменения значений, непрерывного пополнения новыми терминами, например, в связи с реорганизацией видов вооружённых сил, появлением и разработкой новых образцов вооружения и боевой техники, разработкой новых методов ведения войны и т.д.» [Нелюбин, 1981: 14].

Таким образом, изменение состава военной лексики и непрерывное её пополнение обусловлено постоянным развитием военной науки и общих условий функционирования вооружённых сил.

Основные изменения в военной лексике связаны с разработкой новых систем вооружения. Так, на протяжении XX века появились целые классы и типы оружия: оружие массового поражения, ракетное вооружение, космические системы связи и управления, и т.д.

Новые термины появляются и в связи с реорганизацией вооружённых сил и изменением задач, стоящих сегодня перед военными. Если в начале XX века вооружённые силы использовались, в первую очередь, для ведения полномасштабной войны, то после появления ядерных сил сдерживания и окончания холодной войны вооружённые силы стали использоваться для решения локальных задач, проведения специальных операций и борьбы с терроризмом.

Образование новых терминов происходит обычными, характерными для того или иного языка морфологическим (аффиксация, словосложение, аббревиация и конверсия) и лексико-семантическим (перенос, расширение, сужение и изменение значения) способами, а также путем заимствования из других языков.

С точки зрения перевода, военные термины, по мнению Л.Л. Нелюбина [Нелюбин, 1981: 14–15], следует разделить на:

– термины, обозначающие реалии иностранной действительности, идентичные реалиям российской действительности;

- термины, обозначающие реалии иностранной действительности, отсутствующие в российской действительности, но имеющие общепринятые терминологические эквиваленты в русском языке;
- термины, обозначающие реалии иностранной действительности, отсутствующие в российской действительности и не имеющие общепринятых терминологических эквивалентов в русском языке.

Таким образом, военным лексикографам приходится решать не только задачу отбора военной лексики для включения в словарь, но и проблему подбора наиболее точных эквивалентов для того или иного понятия.

Основным источником эквивалентов военных терминов для переводчика является словарь, для военного переводчика — общий военный переводной словарь. Активное развитие военного дела в преддверии Великой Отечественной войны обусловило появление военных двуязычных словарей в Советском Союзе¹ и США².

В предисловии к военному англо-русскому словарю отечественный лексикограф А.М. Таубе отмечает, что «представить военнотехническую терминологию с исчерпывающей полнотой — было задачей явно недостижимой при данном объёме словаря» [Таубе, 1938: 3], а затем в предисловии второго издания³ подчёркивает огромное количество изменений, произошедших за столь короткий период [Таубе, 1942: 3], которые вынуждают составителя увеличить объём корпуса и включить в словарь большее число военнотехнических терминов. В третьем издании военного англо-русского словаря [Таубе: 1949] А.М. Таубе также отмечает большое количество изменений в военном деле, что вынуждает его отказаться от военно-морской терминологии⁴ и уделить активное внимание лексике, связанной с новыми родами войск и системами вооружений. Таким образом, с момента написания первых военных переводных словарей составители должны решать проблему ограниченности объёма словаря в условиях динамичного развития военной науки.

¹ В СССР основоположником военной теоретической и практической лексикографии следует считать профессора Военного института иностранных языков полковника Александра Михайловича Таубе, единоличного составителя всех англо-русских (1938, 1942 и 1949 гг.), немецко-русских (1931, 1936, 1942, 1944, 1945 гг.) и французско-русских (1931, 1937, 1942 гг.) словарей первой половины XX века.

² В США в рамках реализуемого министерством обороны специального проекта по созданию военных словарей (Military Dictionary Project) за годы Второй мировой войны было выпущено более 100 военных переводных словарей и разговорников.

³ Обезличивающее предисловие «От издательства» во втором и третьем изданиях военного англо-русского словаря А.М. Таубе заменяется на «Предисловие ко 2-му (к 3-му) изданию», подписанное составителем.

⁴ Отказ от включения морской терминологии в третье издание словаря привел А.М. Таубе к созданию Морского англо-русского словаря в 1943 г. (22 000 слов и выражений), который был впоследствии дополнен и переиздан в 1951 и 1962 гг.

Отбор лексических единиц — самая сложная задача, стоящая перед любым лексикографом, который «[зачастую] оказывается в ситуации, когда объективных критериев нет, а субъективное ощущение употребительности во многих случаях даёт ненадёжные результаты» [Берков, 2004, с. 45].

Даже при наличии современных электронных ресурсов, позволяющих провести анализ большого числа документов и выбрать наиболее частотные и актуальные понятия, лексикограф ограничен страничным объёмом словаря и вынужден искать различные способы экономии места в словнике, использовать приёмы гнездования и замены реестрового слова, отказаться от транскрибирования, включения в словарь пояснений и приложений. Этим объясняется практически полное отсутствие грамматической и фонетической информации во всех иноязычно-русских и русско-иноязычных военных словарях второй половины XX века. Однако даже эти меры не позволяют составителям с должной полнотой охватить все области военного дела, что отчасти компенсируется созданием специальных военных и военно-технических словарей. Так, Г.А. Судзиловский [Судзиловский, 1968] и Л.Ф. Парпаров [Парпаров, 1964] в предисловии к своим двуязычным военным словарям призывают адресата при работе со специальной военной литературой пользоваться специальными военными и техническими словарями.

При работе над переводными военными словарями лексикографы обращаются к официальным документам вооружённых сил иностранных государств (уставы, планы, доктрины, наставления, директивы, приказы и инструкции), многие из которых сегодня размещены в открытом доступе⁵, и военным периодическим изданиям (журналам, энциклопедиям и справочникам), которые доступны в электронном виде и содержат описания различных образцов вооружений и военной техники.

Ещё один способ экономии места — исключение из общего военного переводного словаря эмоционально-окрашенной лексики или военного сленга. Так, большинство двуязычных военных словарей XX века практически не содержат эмоционально-окрашенных лексических единиц, а для введения таких единиц используется только одна помета — *sl* (*сленг*) [Судзиловский, 1968: 5].

Количество единиц разговорной речи в словаре зависит от материала, к которому имеет доступ составитель словаря, к которому мы в первую очередь относим журнальные статьи и уставные документы.

⁵ Большинство официальных доктринальных документов Министерства обороны США сегодня можно получить в открытом доступе по адресу http://www.dtic.mil/doctrine/new_pubs/jointpub.htm или <http://www.dtic.mil/whs/directives/>

Отбор эмоционально окрашенной лексики является долгой и кропотливой работой и при отсутствии системного подхода к созданию отраслевых словарей, научных школ и авторских коллективов, у одного составителя может не быть возможности в необходимой степени сконцентрироваться на словах и словосочетаниях, обладающих эмоциональной и стилистической окраской.

При этом в англо-русских военных словарях Г.А. Судзиловского и немецко-русских Л.Ф. Парпарова лексические единицы, обладающие стилистической окраской, сопровождаются различными пометами: *публ.* (публицистическое выражение), *фам.* (фамильное выражение), *разг.* (разговорная лексика с положительной эмоциональной окраской), *прост.* (просторечная лексика, характеризующаяся отрицательной эмоциональной) и *шутл.* (шутливое выражение) в словарях Г.А. Судзиловского или *жарг.* (жаргонное выражение), *вульг.* (вульгарное выражение) и *разг.* (разговорное выражение) в словарях Л.Ф. Парпарова:

fire storm *публ.* ураганный огонь [Судзиловский, 1960];

fogy *прост., фам.* старослужащий; сверхсрочник [Судзиловский, 1960];

chase-me-Charlie *прост.* самонаводящаяся ракета [Судзиловский, 1968];

bank *разг.* тюрьма [Судзиловский, 1987];

Linkhändchen *н жарг.* «самострел», солдат, простреливший себе левую руку [Парпаров, 1964];

Dienstmann

~ **der Luft** *разг.* «воздушный носильщик», вертолет [Парпаров, 1978].

Мы понимаем, что многие просторечные и разговорные лексические единицы актуальны лишь на момент выхода словаря и в современном языке не употребляются, однако «пользователь словаря может иметь дело с самыми разными текстами, и отнюдь не только литературными... Все лексические единицы... подлежат включению в словник, в том числе самые грубые, «неприличные» слова» [Берков, 2004: 43]. Необходимость включения военного сленга в словарь Г.А. Судзиловский объяснял тем, что «уяснение отличительных черт сленга позволит переводчику точнее ориентироваться в употреблении различных элементов военной лексики, правильно различать их стилистически, избегая грубых ошибок в работе» [Судзиловский, 1973: 6–7].

Наибольшее внимание изучению источников, содержащих большой объём военной эмоционально-окрашенной лексики, или военного сленга, уделил Г.А. Судзиловский [Судзиловский, 1973], что сделало возможным включение данных эмоционально-окрашен-

ных лексических единиц в англо-русские военные словари второй половины XX века.

Военный сленг охватывает практически все сферы военной жизни и активно используется в устном общении военнослужащих. Ещё одной особенностью любой эмоционально-экспрессивной лексики является её связь с тем или иным историческим периодом, узкая профессиональная направленность и динамическое развитие. Военный сленг помогает объединить и сплотить людей, которые до поступления на военную службу принадлежали к различным социальным группам, упростить адаптацию в военной среде, когда человеку приходится быстро привыкать к большому количеству слов, обозначающих реалии военной жизни.

При этом нельзя ограничивать словарь современными лексическими единицами. Существуют слова и выражения, которые нечасто, но всё же употребляются в военных и общих текстах. В словарях Л.Ф. Парпарова и Г.А. Судзиловского для введения таких лексических единиц используются пометы *ист.* и *уст.* — исторический и устаревший термин.

Военный переводной словарь содержит различные пласты военной лексики: общевойсковую, военно-техническую, военно-политическую и стилистически-окрашенную военную лексику. Актуальность той или иной лексической единицы можно обеспечить регулярным дополнением и переизданием словаря, что возможно только при работе авторского коллектива. Недостаточная периодичность издания общих военных переводных словарей и ограниченный объём словника могут заставить лексикографа отказаться от включения в словарь тех или иных слов и словосочетаний.

Таким образом, проанализировав военные двуязычные словари XX века, мы можем сделать вывод о том, что в корпусе общего военного переводного словаря представлены лексические единицы из основных областей военного дела, при этом большинство составителей делают акцент на терминологии сухопутных войск, призывая пользователя для перевода специальной литературы обращаться к отраслевым военно-техническим словарям [Судзиловский, 1968: 3; Парпаров, 1964: 3].

Каждый коллектив составителей самостоятельно решает, какие категории военной лексики и в каком объёме должны найти своё отражение на страницах словаря, руководствуясь критериями частотности употребления того или иного понятия в военной среде и его актуальностью. При составлении военного переводного словаря за основу берутся источники письменной речи, такие как официальные документы министерства обороны того или иного государства (уставы, наставления, директивы и т.д.), военные и военно-техни-

ческие периодические издания, и произведения художественной литературы [Парпаров, 1978: 5; Судзиловский, 1960: 3].

Ещё одной острой проблемой является недостаточная периодичность издания военных переводных словарей и, как следствие, недостаточная актуальность представленной в них информации.

Для повышения объективности отбора лексики и отслеживания изменений, происходящих в военном деле (в том числе изменений в устной речи военнослужащих), необходимо уделять большее внимание теоретической и практической лексикографии, создавать собственные научные школы, объединять усилия специалистов различных стран.

Мы должны признать заслуги отечественных ученых-лексикографов, настоящих профессионалов своего дела, и продолжить их работу над военными двуязычными словарями, создавая и развивая отечественную научную школы по теоретической и практической отраслевой (военной) лексикографии: «...создание словаря, тем более двуязычного, не может быть индивидуальным делом, а является коллективным творчеством» [Гарбовский, 2008: 8–10]. Данная практика была заложена при работе над русско-французским словарем военных терминов Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 2008], в основу создания которого были положены принципы двуязычной лексикографии, сформулированные Л.В. Щербой и французскими лингвистами Ж. Дюбуа и А. Рея. В создании данного словаря участвовала «международная редакционная коллегия российских и французских экспертов в области лингвистики и военного дела» [Гарбовский, 2008: 10], что доказывает возможность успешного сотрудничества лексикографов разных стран и необходимость создания научных коллективов по отраслевой теоретической и практической лексикографии.

Список литературы

- Англо-русский военный словарь: около 50 000 терминов / Под общ. ред. Г.А. Судзиловского. М.: Воениздат, 1968. 1064 с.
- Anglo-russkij voennyj slovar': okolo 50 000 terminov [English-Russian Military Dictionary: approx. 50,000 entries], Pod obshh. red. G.A. Sudzilovskogo. Moscow: Voenizdat, 1968. 1064 p. (in Russian).
- Англо-русский военный словарь: около 70 000 терминов. 3-е изд., перераб. и доп. / Сост. Г.А. Судзиловский, В.М. Полухин, В.Н. Шевчук и др. М.: Воениздат, 1987. 655 с.
- Anglo-russkij voennyj slovar': okolo 70 000 terminov. 3-e izd., pererab. i dop. [English-Russian Military Dictionary: about 70,000 terms. 3rd ed., Rev. and ext.], Sost. G.A. Sudzilovskij, V.M. Poljuhin, V.N. Shevchuk i dr. Moscow: Voenizdat, 1987. 655 p. (in Russian).

- Англо-русский военный словарь: около 70 000 терминов. 3-е изд., перераб. и доп. / Сост. Г.А. Судзиловский, В.М. Полюхин, В.Н. Шевчук и др. М.: Воениздат, 1987. 688 с.
- Anglo-russkij voennyj slovar': okolo 70 000 terminov. 3-e izd., pererab. i dop. [English-Russian Military Dictionary: approx. 70,000 entries. 3rd ed., Rev. and Ext.], Sost. G.A. Sudzilovskij, V.M. Poljuhin, V.N. Shevchuk i dr. Moscow: Voenizdat, 1987. 688 p. (in Russian).
- Берков В.П.* Двухязычная лексикография: Учебник. М.: Астрель [и др.], 2004. 236 с.
- Berkov, V.P.* Dvujazychnaja leksikografija: Uchebnik [Bilingual Lexicography: Textbook], Moscow: Astrel' [i dr.], 2004. 236 p. (in Russian).
- Военный англо-русский словарь: около 25 000 слов и терминов из основных областей воен. дела с прил. словаря воен. сокращений / Сост. А.М. Таубе. М.: Изд-во нац. и иностр. словарей, 1938. 472 с.
- Voennyj anglo-russkij slovar': okolo 25 000 slov i terminov iz osnovnyh oblastej voen. dela s pril. slovarja voen. sokrashhenij [Military English-Russian Dictionary: approx. 25,000 entries of the main military areas with the dictionary of military abbreviations], Sost. A.M. Taube. Moscow: Izd-vo nac. i inostr. slovarej, 1938. 472 p. (in Russian).
- Военный англо-русский словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Сост А.М. Таубе. М.: Гос. изд. нац. и иностр. словарей, 1942. 640 с.
- Voennyj anglo-russkij slovar' 2-e izd., ispr. i dop [Military English-Russian Dictionary, 2nd ed., Rev. and Ext], Sost A.M. Taube. Moscow: Gos. izd. nac. i inostr. slovarej, 1942. 640 p. (in Russian).
- Военный англо-русский словарь. 3-е изд., перераб. / Сост А.М. Таубе. М.: Гос. изд. нац. и иностр. словарей, 1949. 947 с.
- Voennyj anglo-russkij slovar' 3-e izd., pererab [Military English-Russian Dictionary, 3rd ed., Rev.], Sost A.M. Taube. Moscow: Gos. izd. nac. i inostr. slovarej, 1949. 947 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Русско-французский словарь военных терминов. М.: Изд-во МГУ, 2008. 960 с.
- Garbovskij, N.K.* Russko-francuzskij slovar' voennyh terminov [Russian-French Dictionary of Military Terms], Moscow: Izd-vo MGU, 2008. 960 p. (in Russian).
- Нелюбин Л.* Учебник военного перевода. Английский язык. М.: Воениздат, 1981. 379 с.
- Neljubin, L.* Uchebnik voennogo perevoda. Anglijskij jazyk [Military Translation Textbook], Moscow: Voenizdat, 1981. 379 p. (in Russian).
- Парпаров Л.Ф.* Русско-немецкий военный словарь: около 60 000 терминов. М.: Воениздат, 1990. 1040 с.
- Parparov, L.F.* Russko-nemeckij voennyj slovar': okolo 60 000 terminov [Russian-German Military Dictionary: approx. 60,000 entries], Moscow: Voenizdat, 1990. 1040 p. (in Russian).
- Судзиловский Г.А.* Сленг — что это такое? М.: Воениздат, 1973. 182 с.
- Sudzilovskij, G.A.* Sleng — chto jeto takoe? [Slang — what is this?], Moscow: Voenizdat, 1973. 182 p. (in Russian).

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ «РУССКИЙ ЯЗЫК В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ»

ООН, СНГ, МАГАТЭ, ВОЗ, ШОС, ОБСЕ, ЕАЭС... Вот далеко не полный перечень ведущих международных организаций, где одним из официальных языков является русский. Даже многоопытные переводчики-международники, владеющие русским языком как родным, либо как одним из рабочих, нередко наталкиваются на «малозаметные препятствия», ловушки, расставленные русским языком, на котором, по словам М.В. Ломоносова, даже «сильное красноречие Цицероново, великолепная Виргилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства». Ломоносов был убеждён, что «ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в ней искусству приписывать долженствуем». Недостаточное владение переводчиками искусством речи на русском языке и неспособность глубоко понять русскую речь могут превратить переводную речь в нечто подобное посмертной маске, холодному слепку язык оригинала. История учит, что общество не прощает переводчикам ошибок: “traduttore traditore” — «предатель — перелагатель», так древняя итальянская поговорка определяет неумелого переводчика.

Переводчик учится всю свою профессиональную жизнь, начиная со школьной скамьи и заканчивая последней строкой своего последнего перевода. Именно поэтому обсуждение вопросов функционирования русского языка в международном общении с коллегами, для которых русский язык не только сфера деятельности, но и объект глубокого уважения — знаменательное событие для истории русской словесности.

С 28 сентября по 3 октября 2016 г. в Риме на площадке ФАО ООН состоялся первый международный форум «Русский язык в мировом контексте и международных организациях», призванный упрочить положение русского языка в международных организациях и системе профессиональной коммуникации. Организатором форума выступила Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова в партнёрстве с Высшей школой письменных и устных переводчиков Университета Новая Сорбонна Париж 3, Международным университетом Рима, Европейским институтом

политических, экономических и социальных исследований при содействии департамента лингвистического обеспечения МИД РФ.

На открытии форума с приветственным словом к участникам обратились директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова Н.К. Гарбовский, заместитель генерального директора ФАО ООН Густафсон Дэниэль, генеральный секретарь Конференции Ганьон Луи, директор Департамента лингвистического обеспечения МИД РФ Т.О. Рамишвили, заместитель постоянного представителя РФ при ФАО Е.Г. Бессонов, подчеркнувшие значимость проведения форума в эпоху глобализации и укрепления статуса русского языка в качестве языка международного общения. Далее слово перешло переводчикам международных организаций Салии Бейли-Раве (Совет Европы, Франция), Алексису Креспель (ВПП, Италия), Марине Мартон (МВФ, США), Ю.А. Боброву (ЕБРР, Великобритания), Юлии Антони (ЮНОГ, Швейцария), Бек Вероник (ОЭСР, Франция), поделивших своим видением перспектив укрепления позиций русского языка на международном уровне, а также компетенций, необходимых для переводчика, работающего на материале русского языка.

Приветствия почётных гостей сменила академическая программа форума. «Русский язык в системе подготовки переводчиков и специалистов межъязыковой коммуникации», «Русский язык: изучение и преподавание в международных организациях», «Дидактика перевода: профиограмма переводчика», «Мастерская переводчика: роль перевода на международных конференциях», «Перевод в сфере профессиональной коммуникации» — лишь некоторые названия дискуссионных площадок, экспертных встреч, круглых столов, в рамках которых обсуждались вопросы преподавания русского языка как родного и иностранного в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации, проблемы теории, методологии, дидактики перевода, а также сравнительной культурологии, объединившие учёных, преподавателей РКИ, профессиональных переводчиков, представителей международных организаций из 23 стран мира.

30 сентября, в Международный день переводчика, посвящённый памяти Святого Иеронима Стридонского, одного из «отцов церкви», автора перевода Библии на латинский язык, участники Форума посетили базилику Санта-Мария-Маджоре, основанную в раннехристианский период, и ставшую местом упокоения небесного покровителя и духовного наставника переводчиков.

Подведение итогов форума состоялось в Международном университете Рима (UNINT), где перед участниками выступили ректор университета Франциско Матте Бон и член Совета директоров,

уполномоченный по международным связям Фабио Бизоньи, представив программы университета. Форум завершился вручением сертификатов директором Высшей школы перевода МГУ Н.К. Гарбовским и координатором учебных программ по русскому языку ФАО ООН Н.Н. Фефеловой.

По окончании форума участники осмотрели достопримечательности Вечного города, сердца Римской империи, и посетили Ватикан во внеочередной Святой год милосердия, пройдя через врата собора Святого Петра в память смерти и воскресения Спасителя.

Форум, объединивший участников из разных частей света, работающих на благо продвижения русского языка в качестве языка международного общения, а также сохранения его самобытности и культурно-исторического своеобразия, стал знаменательным событием для истории русской словесности.

О.И. Костикова, А.В. Алевич

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде постраничных сносок. *Библиографические ссылки*: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [там же: 128] для русскоязычных источников или [ibid.: 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (in Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты:
vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакция руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Апри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Бальо Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия);

Бельский Евгений Викторович, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьещи Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия);

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания);

Кольцова Юлия Николаевна, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Марусенко Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан КёЁн**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Чайковский Роман Романович**, доктор филологических наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovskiy, Nikolai K., Editor-in-Chief, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awaiss, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Alexeeva Irina S.**, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Belsky, Yevgeniy V.**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Isolahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Koltsova, Yulia N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan, Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Elefterios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Tchaikovskiy, Roman R.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), North-Eastern State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *Ю. В. Одинцовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.
Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 08.06.2017. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,0.
Уч.-изд. л. 11,46. Тираж 110 экз. Изд. № 10 823. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074—6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2017. № 1. С. 1—192.